

**Коммуникативное пространство Брестчины:
сетевой медиагибрид, концепты,
прецедентность**

УДК
БК

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ДИГИТАЛЬНЫЕ СМИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА

- 1.1 СЕТЕВОЙ МЕДИАГИБРИД: ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
- 1.2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА
- 1.3 ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЕТЕВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАГИБРИДА

РАЗДЕЛ 2. ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

- 2.1 ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
- 2.2 СПОСОБЫ ВВОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ГЕТЕРОГЕННОЕ МАССМЕДИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БРЕСТЧИНЫ

РАЗДЕЛ 3. КОНЦЕПТЫ КАК МЕНТЕФАКТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА БРЕСТЧИНЫ

- 3.1 КОНЦЕПТ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
- 3.2 КОНЦЕПТ «БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА»: СИМФОНИЯ ВЕЛИЧИЯ VS ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА
- 3.3 КОНЦЕПТОСФЕРА «1000-ЛЕТИЕ БРЕСТА»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗДЕЛ 1

ДИГИТАЛЬНЫЕ СМИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА

1.1 Сетевой медиагибрид: пути исследования

В первое десятилетие XXI века в современном блоке языко-ведческих наук начинает отчетливо прослеживаться новое направление – *медиалингвистика* – новый актуальный вектор исследовательского интереса, являющийся полидисциплинарным и по составу дисциплин симметричным лингвистике как общей теории языка.

Новый научный поиск обусловлен качественно новым этапом развития социума, связанным с наступлением эпохи информационного общества, увеличением каналов распространения информации, развитием медийных рынков, изменивших статус СМИ, совершенствованием компьютерных технологий, изменением культурных кодов, позволяющих создавать медиатексты на принципиально новой основе.

Концепции медиатекста в наиболее полном виде сформулировали в своих исследованиях Т. Ван Дейк, М. Монтгомер, А. Белл, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер. В теорию российского медиатекста внесли свой вклад такие ученые, как В. В. Богуславская, Н. С. Валгина, С. Н. Деляев, Т. Г. Добросклонская, И. П. Лысакова, В. Ю. Кожанова, В. Г. Костомаров, А. Д. Кривоносов, Ю. В. Рождественский, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик. С 2003 г. медиалингвистика как самостоятельное научное направление оформляется в Республике Беларусь, что связано с выходом в свет монографии В. И. Ивченкова «Дискурс белорусских СМИ. Организация публицистического текста». Особенностью белорусских исследований является тесная связь медиалингвистики с проблемами дискурсного анализа СМИ.

Сегодня под *медиатекстом* исследователи понимают конкретный результат медиапроизводства, медиапродукт - сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, рекламное сообщение, фильм и пр.), адресованное массовой аудитории.

Для создания медиатекстов используется весь спектр языковых выразительных средств и модусов мультимодальности, что приводит к тому обстоятельству, при котором современная текстовая действительность, не отменяя традиционных теорий, требует интегративных интерпретаций, способных объяснить новые аспекты или новые типы текстов массовой коммуникации – *смешанных, креолизованных, поликодовых, гипертекстов, мультимедиатекстов*, сущностные характеристики которых связаны с развитием информационных технологий. В связи с этим возникает вопрос, можно ли говорить о том, что теория медиатекста претендует на самостоятельную нишу в рамках теории текста или стремится отпочковаться от нее?

Теоретический анализ литературы показывает, что, несмотря на то, что проблемы медиалингвистики постоянно попадают в фокус исследовательского интереса, по сей день существуют вопросы, которые интерпретируются зачастую противоречиво и вызывают многочисленные дискуссии. Многие исследователи полагают, что предложенные в классической лингвистике признаки являются недостаточными при объяснении текстов, функционирующих в массовой коммуникации. Оспариваются такие критерии, как форма существования текста, вербальный характер текста, законченность отдельных произведений, авторство, обязательное наличие заголовка или сверхфразовых единств. В научной литературе не существует единой точки зрения относительно целостного представления о сущности медиатекста как объемного многоуровневого явления, характеризующегося наличием модусных лингвоформатных признаков.

Мы полагаем, что следует говорить не столько о недостатках классической теории, сколько о том, что современная текстовая действительность, не отменяя традиционных теорий, требует интегративных интерпретаций, способных объяснить новые аспекты или новые типы текстов массовой коммуникации – смешанных, креолизованных, поликодовых, гипертекстов, мультимедиатекстов, сущностные характеристики которых связаны с развитием информационных технологий.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидной актуальность данного исследования, которая обусловлена общетеоретической значимостью и недостаточной разработанностью полимодальных текстов как динамичных, синкретичных знаковых образований, объективирующих в себе постоянно меняющуюся информационную картину мира, и являющихся мощным фактором воздействия на сознание индивида.

Цель данного исследования – изучить принципы структурной организации медиатекстов в контексте их модусной мультимодальности, что позволит в значительной мере расширить диапазон знаний о природе медиатекстов.

Материалом исследования послужили 320 полимодальных медиатекстов из речевого корпуса ряда Интернет-СМИ Брестского региона, в частности статей из онлайн-версии городской газеты «Вечерний Брест», «Заря», «Заря над Бугом», «Брестский курьер», «Брестский вестник», городских Интернет-порталов: «Виртуальный Брест» и «Реальный Брест» за 2010-2020гг. общим объемом более 250 страниц.

1.2. Теоретические основы структурной организации медийного текста

Для того чтобы детально изучить сущность полимодальных медиатекстов и инструментарий для их создания, обратимся к трактовке понятия *медиатекст*. Согласно концепции Т.Г. Добросклонской, при переносе классического текста в сферу массмедиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки (Добросклонская, 2008). Разделяя данный подход, Г.Я. Солганик подчеркивает, что медиатекст приобретает расширительное толкование и – в итоге – выходит за пределы знаковой системы языка, приближаясь к семиотическому пониманию текста (Солганик, 2005).

Как справедливо указывает В.Е. Чернявская, традиционное «монокодовое» определение текста, ограничивающее его последовательностью языковых знаков, предполагает установление внутритекстовых отношений между семантикой языковых элементов. Подход к текстуально-

сти как к градуальному подвижному феномену заставляет видеть текст как социально-языковое и культурно-языковое явление, целостность которого может быть объяснена только при учете его широких зависимостей (Чернявская, 2013).

Современные медиатексты как по форме создания, так и по форме воспроизведения являются мультимодальными (Н.В. Чичерина), интерсемиотическими (А.П. Сковородников), лингвовизуальными комплексами (Л.С. Большаянова), креолизованными (Н.С. Валгина, Л.Г. Кайда), поликодовыми (В.Е. Чернявская), интегрирующими в едином смысловом пространстве разнородные компоненты (вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные и другие). И даже традиционные публикации трудно обозначить только как вид письменной речи, поскольку важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление.

Итак, медиатекст – интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях.

На сегодняшний день система СМИ, продуцирующая большой поток медиатекстов, достаточно четко дифференцируется по каналу коммуникации: печатные, радио - и телевизионные и Интернет - СМИ. Каждый из этих каналов обладает своим характерным набором медийных признаков, оказывающих существенное влияние как на содержание медиатекста, так и на форму его воспроизведения.

На основе типологизации медиатекстов, предлагаемой Т. Г. Добросклонской, и с учетом перечисленных выше параметров медиатексты могут быть классифицированы: 1) по категории автора: авторские и коллегиальные; 2) по форме создания и форме воспроизведения: мономодальные (мономодусные) и полимодальные (полимодусные); 3) по каналу распространения: тексты печатных СМИ, тексты радио, телевидения, Интернет; 4) по функционально-жанровым признакам: информационные, аналитические, художественно-публицистические и рекламные (Добросклонская, 2008).

На первый план в нашем исследовании выдвигается изучение лингвомедийных параметров полимодальных медиатекстов по форме создания и воспроизведения, а также выделение в авторском понятии мультимодальности нового типа медиатекста – *сетевого мегацибрида*.

В данном случае без преувеличения можно сказать, что труды зарубежных исследователей П. Коха, С. Кремера, Г. Кресса, Т. ван Лувена заложили фундамент для нашего исследования, предоставив переосмысление традиционного отношения к визуальной составляющей текстов. Начнем с того, что в конце XX века немецкие ученые П. Кох и С. Кремер в предисловии к коллективной публикации 1997 года констатируют произошедший переворот в исследованиях медиальности. В своей работе «Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication» английский профессор семиологии Г. Кресс представляет концепцию о семиотических позициях в зарубежной филологии. Автор предлагает включить в общую концепцию текста социальные, культурные, формообразующие, семантические параметры, а также изображения, схемы, мультипликации – что и является, по мнению Г. Кресса «модусами» для создания смысла: *«a socially and culturally shaped resource for making meaning. Image, writing, layout, speech, moving images are examples of different modes»* (Kress, 2001, p.17).

Мультимедийные возможности предоставления информации в Интернете в совокупности с пожеланиями массовой аудитории в визуализации получаемых сведений ускорили и усилили стремление автора к использованию различных кодирующих систем. Такая тенденция привела к возникновению такой устойчивой жанровой характеристики как модусная мультимодальность.

Мы полагаем, что модусная мультимодальность характерна для разных лингвокультур и ее восприятие носит универсальный характер, поскольку ее можно сравнить с врожденной языковой способностью. В основе языковой способности человека, согласно концепции Н. Хомского, лежит врожденный биологически обусловленный компонент, который определяет основные параметры человеческого мышления и, в частности, структуру языкового знания. При взаимодействии врожденного компонента, общего у всех людей, и внешнего стимула (конкретного языка, на

котором говорят окружающие) у ребёнка формируется полноценное владение своим родным языком (Chomsky, 2006).

Говоря о полимодальности текстов вообще, ряд исследователей, в том числе и Е.Е. Анисимова, указывает, что в зависимости от наличия изображения и характера его связи с вербальной частью можно выделить три основные группы текстов: 1) тексты с нулевой креолизацией; 2) тексты с частичной креолизацией; 3) тексты с полной креолизацией (Анисимова, 2003, с. 34).

Тексты с нулевой креолизацией – это «традиционные» тексты, в структуре которых невербальные компоненты не представлены. В текстах с частичной креолизацией между вербальным и невербальным компонентами складываются автосемантические отношения: вербальная часть относительно автономна, независима, а невербальные элементы текста оказываются факультативными. Такое сочетание часто присутствует в текстах СМИ. В текстах с полной креолизацией вербальная часть не может существовать отдельно, независимо от невербальной, – между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения.

Обобщая взгляды отечественных и зарубежных ученых, мы приходим к выводу о том, что специфика полимодального текста состоит скорее во взаимодействии его составляющих, нежели в структурных особенностях каждой из них в отдельности. Все те свойства, которые отличают его от обычного вербального текста или от простой картинки, появляются в процессе его создания на основе взаимной адаптации поликодовых составляющих в едином графическом пространстве. В результате получается специфическое поликодовое произведение, в котором вербальный текст начинает выполнять повествовательную функцию своей графической формой, а изображение, благодаря специфической структуризации, «читается», как вербальный текст.

Вместе с тем, следует отметить, что довольно сложно досконально изучить сравнительно новое и развивающееся явление, особенно учитывая определенное несовершенство и недостаток «инструментария». Поиск альтернатив доминирующим на сегодняшний день контент-аналитическим методам исследования материалов массовой коммуникации является актуальной методологической задачей. Распространенные сегодня количественные исследования имеют весьма

ограниченные возможности при определении смысла конкретных сообщений, не учитывают их контекстуальные параметры и не в полной мере пригодны для изучения структуры медиатекста и приемов его формирования.

Определив в качестве материала полимодальные медиатексты из региональных цифровых СМИ, отметим, что специфика медиатекстов напрямую зависит от массмедиального канала распространения. Одним из современных каналов распространения выступает Интернет, представляющий собой новое гигантское информационное пространство, в котором переплетаются аудиальные, визуальные и даже кинестические способы подачи нового массмедиального контента. Принципиально важным и совершенно новым видом деятельности для СМИ в Интернете является интерактивное взаимодействие с аудиторией, при котором традиционные способы продвижения СМИ уходят на второй план.

Анализируя новые способы представления массмедиального контента, характеризующиеся кардинальным изменением традиционных форматов и жанров, а также структурной организацией медийных платформ, мы приходим к выводу о целесообразности выделения нового типа текста – сетевого мегагибрида.

1.3. Основные параметры сетевого регионального медиагибрида

Что же такое сетевой медиагибрид и в чем его принципиальное отличие от традиционного печатного медиатекста? Каковы взаимоотношения между материальным он-лайн форматом медиатекста и когнитивными процессами? В какой степени и насколько всеобъемлюще «материальный он-лан формат» человеческой коммуникации влияет на ее содержание?

Опираясь на труды в области традиционной лингвистики (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, З.Я. Тураевой), прагмалингвистики (Т. А. Ван Дейка, Э.С. Азнауровой, Л.А. Киселевой, Г.В. Колшанского), семиотики (Р. Барта, Ю. М. Лотмана, Б. А. Плотникова), в той или иной мере исследовавших проблемы текста, а также собственные теоретические поиски, мы, вслед за И.Р. Гальпериним,

полагаем, что сетевой медиагибрид как и любой другой тип текста представляет собой произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку (Гальперин, 1981).

Говоря словами В.А. Масловой, всем типам текстов свойственны определенные конститутивные (дифференциальные, различительные) признаки, которые автор называет категориями и обуславливает их зависимость от соответствующего подхода к тексту, который может быть, например, собственно лингвистическим, или коммуникативным подходом. Выделяя ключевые, формальные (композиция, членимость, когезия), семантико-прагматические и жанрово-стилистические категории текста, В.А Маслова подчеркивает, что «формальная связность текста (когезия) коррелирует с содержательной связностью (когерентностью), выступающей в свою очередь подкатегорией целостности текста» (Маслова, 2003, с.10).

Рассуждая о композиционной специфике медиагибрида, нельзя не отметить, что в изучении структуры современного медиатекста находит отражение смена научных парадигм с общей динамикой от системно-структурного подхода к коммуникативно-деятельностному. Смена научных парадигм и развитие филологической науки стимулируют исследователей к расстановке иных акцентов, к постановке иных целей и задач, связанных с разработкой современных коммуникативно-когнитивных подходов к рассмотрению медиатекста. Уровни и единицы текста, особенности его композиции становятся значимыми в воплощении авторского замысла, в представлении информации и прагматического заряда, в управлении восприятием адресата.

Из понимания семиотически осложненного сетевого медиатекста как целостной структуры, определенным образом организованной и состоящей из множества разноуровневых единиц, вытекает функциональная обусловленность семантико-смыслового и композиционного единства текста коммуникативными целями адресанта. Решение про-

блемы членения любого типа текста является ключом к познанию его как системно-структурного образования и особой формы коммуникации. Представляется, что уровневая интерпретация мегатрибыда должна строиться на основании комплексного подхода к нему и отражать его специфику, обусловленную как характером структурных связей, так и особенностями составляющих его элементов. Далее обратимся к специфике взаимодействия различных элементов текста, который являются опорными ключами, своего рода доминантами в построении и передаче смысла.

Наш эмпирический материал позволил выявить такие свойства медиатекстов, как *нелинейность*, использование *цифровых форматов*, *модульность* (комбинирование разнородных элементов в едином смысловом пространстве), *интерактивность* (возможность обратной связи и непосредственного участия в процессе коммуникации), ускорение времени и сжатие пространства при *акцентировании возможностей мгновенной коммуникации*, *конвергенция*, приводящая к созданию *гибридных форм текста* и интеграции различных технологий, *жанровая диффузность*. Остановимся на перечисленных свойствах более детально.

Установлено, что фундаментальные свойства нелинейность и полимодальность выступают в качестве базовых параметров сетевого медиатекста, поскольку уже с самого начала формат представления информации является не только гипертекстовым, но гипермультимедийным.

Нелинейность

Гипертекстовая организация медиaprостранства предполагает принципиально иной подход к содержанию и структуре сообщения, которое является объединенной общим смыслом конвергентной системой единиц различных знаковых систем (условный вербально-письменный текст и мультимедиа). Очевидно, что институциональные идеи и концепции, которые должен транслировать гипертекст, закладываются во все его структурные составляющие. При этом структурные части гипертекста, формируя или дополняя общий смысл, могут иметь самостоятельное значение

Обладая системой связи между отдельными документами с помощью встроенных в текст гиперссылок, гипертекст может неограниченно расширить тематическое поле с помощью ссылок на публика-

ции по предлагаемой или смежной с ней тематике. При этом создается новая коммуникативная среда.

Полученные результаты наблюдений позволяют утверждать, что сетевой медиатекст представляет собой сложный семиотический объект, в котором гетерогенные составляющие определяют специфику восприятия. Прагматические установки воздействия на адресата семиотически разнородными элементами зависят от функциональной значимости элементов гипертекста, где интеграция текстовой и графической информации в информационной единице предполагает привлечение дополнительных когнитивных ресурсов.

Наши наблюдения показывают, что гипертекстуальная гетерогенность создаётся через монтаж текстовых типов, при котором во взаимное соприкосновение приходят различные модели текстопорождения и текстовосприятия. Текстовая неоднородность, создаваемая за счёт взаимодействия различных типов текста внутри одного произведения, имеет навигационный характер. При этом следует заметить, что гиперссылки могут располагать как в самом тексте, так и за его пределами.

Монтажность как принцип организации семантической структуры сетевого новостного текста проявляется также в системе гиперссылок, которые, во-первых, акцентируют внимание читателя на отдельных компонентах содержания, во-вторых, служат началом навигационного пути к другим текстам, дополняющим картину представляемой ситуации, а в-третьих, являются средством воздействия на читателя. Принцип фрагментарности позволяет авторам вводить в структуру текста содержание, опосредованно связанное с его темой и представляющее имплицитную оценку описываемой ситуации.

Результаты проведенного анализа медиатекстов, иллюстрирующие монтажный принцип организации смыслового пространства, позволяют говорить о том, что в мегагибриде присутствует связь между исходной информационной единицей (гипертекст) и его индексальными объектами (отдаленными ссылками). Информационная единица – это основной структурообразующий элемент гипертекста, некий информационный континуум, отграниченный рамками экранного представления. Критерием целостности в данном случае будет взаимодействие и взаимообусловленность элементов.

Анализ исследуемого корпуса показывает, что к характерным функциям гиперссылки можно отнести: 1) ссылка на другой источник информации; 2) расширение текстовой структуры; 3) акцентуализация ключевых моментов текста; 4) управление информационным потоком. Именно гиперссылка создает особую организацию поиска информации и служит вербально-невербальным компонентом сетевого медиатекста. Векторная направленность гипотекстов предопределяет восприятие всего гипертекста. Выделенные лексемы появляются впервые в изначальном тексте и получают свое развитие в дальнейших гипотекстах. Гиперссылка может связывать страницы как в пределах одного сайта, так и указывать на любую страницу в Интернете.

Сопоставляя полученные данные в ходе анализа семиотического медиaprостранства онлайн-версий городских газет «Вечерний Брест», «Заря», «Заря над Бугом», «Брестский курьер», «Брестская газета», можно сделать вывод о том, что сетевой региональный медиатекст представляет собой новый специфический вид текстовой конструкции с гибкой структурой, подчиняющийся иерархическим законам, объединенный механизмами связи (ссылками) и существующий в электронной среде.

Нелинейная организация сетевого медиатекста является основным способом реализации связи отдельных частей текста в виртуальной мультимедийной медиасреде. Эта связь может объединять как части одного информационного типа, например, вербальные текстовые конструкции, так и разнородные мультимодусные информационные ресурсы (видео- и аудиозаписи, графические изображения и т.д.), что предполагает применение мультимедийных технологии - информационно-технологического воплощения гипертекста, а нелинейность и интерактивность выступают основными характеристиками этого коммуникативного медиaprостранства.

Модульность

Внедрение новых информационных технологий в деятельность средств массовой информации способствовало развитию определенного рода творчества. Информация, передаваемая мультимедийными способами, приобретает новые разнокодируемые смыслы. Взаимосвязь изображения и словесного текста в мультимедийной истории

медиатекста переходит в иное качество, различие кодов позволяет распределять сведения и смысловые компоненты между вербальным и виртуальным форматами.

Являясь носителями новой информации, невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное понимание заложенной информации в медиатексте становится невозможным без декодирования невербальных средств. Вербальные и невербальные знаки оказываются взаимосвязанными и взаимообуславливают друг друга. На фоне общего текстового потока массовой коммуникации сетевые медиатексты, на наш взгляд, выделяются в силу большей концентрации невербальных средств. В сетевом медиатексте оказываются задействованными все возможные семиотические коды, иными словами, они представляют собой своего рода концентрат креолизованности.

Наши наблюдения показывают, что в региональном сетевом медиатексте модели интеграции вербальных и невербальных компонентов могут присутствовать в различных конфигурациях, в зависимости от тематики и формата издания.

В сетевых мегагибридах между вербальной и невербальной частями устанавливаются разные корреляции. Используя теоретические наработки С.Д. Зауэрбира (цит. по (Анисимова, 2003, с.17)) в области креолизованных текстов, полагаем, что соотносительность составляющих разных семиотических систем может представлять следующие корреляции: 1) параллельную (при которой вербальная и визуальная части совпадают); 2) комплементарную (одна составляющая дополняет другую, в результате чего создается целостная картина); 3) интерпретативную (вербальный и визуальный компоненты не связаны между собой содержательно, а объединены ассоциативными связями).

Информация в данном типе текста имеет особый статус, поскольку не только информирует адресата о произошедшем событии, но и представляет аргументацию, призванную подтвердить мнение журналиста, его позицию, комментарий по поводу события. Поликодовость медиагибрида заключается в совмещении вербального текста и изображения, так называемой картинки, рисунка или фотографии. Это позволяет автору метафорически отобразить событие, а аудитории – самостоятельно его интерпретировать, опираясь на емкие образы.

В ходе проведенного анализа установлено, что визуализация смыслов в ряде случаев связана либо с необходимостью их прояснить, либо – наоборот, завуалировать. Смыслы, излагаемые экстралингвистическими способами, в отличие от их вербального воплощения, считаются просто дополнением. В большинстве случаев визуальный контент представляет собой сообщение какой-либо подробности через картинку, в дополнение к излагаемой вербально информации. В этом случае часто используется пресс-фотография, которая, по сути, является самостоятельным сегментом публикации, компонентом, необходимым для связности и полноты заложенных смыслов.

Региональный сетевой новостной медиатекст синтезирует разные подходы к представлению информации: лаконичность и развернутость, констатацию факта и комментарий. В совокупности со спецификой реализации текста в Интернет-пространстве это определяет содержательную структуру медиагибрида, которая характеризуется тем, что: 1) тема медиатекста, представляющая его основное содержание, вербализуется и визуализируется поэтапно с разной степенью детализации в первом, втором заголовочных комплексах и в вводном предложении, обеспечивая адресата достаточным объемом информации для формирования предварительной картины события; 2) подтемы, детализирующие общую картину дополнительными данными, занимают оставшийся объем текста и вводят как факты, так и оценки в разных семиотических координатах.

Анализ исследуемого корпуса показывает, что структура главных страниц медиапорталов продиктована следующими принципами: функциональность и простота в использовании (ориентация, навигация, поиск), акцентирование внимания адресата на наиболее важных аспектах, организация обратной связи. Адресат может выбрать наиболее удобный для себя формат подачи информации. Кроме того, возможна трансформация режима подачи информации («только текст», «звуковое воспроизведение текста») по желанию адресата.

Специфика медиатекстов проявляется и в особом использовании пространства и времени. Автор медиатекста создает собственный хронотоп, связывая время и пространство в одну целостность, при которой воссоздается феномен одновременности - восприятие бытия во времени как события. Массмедиаальная коммуникация многократно

усиливает эффект хронотопа, укрупняя или уменьшая топоры, «дробя» или «растягивая» время, и тем самым создавая особое коммуникативное пространство. В качестве иллюстративного примера приведем следующий фрагмент медиатекста: *Поступь миллениума. План общественных и культурно-массовых мероприятий, посвященных 1000-летию Бреста. Как видно из примера, тема подготовки празднования 1000-летия города Бреста выступает в роли гипертемы.*

В ходе проведенного анализа медиополя Брестских новостных порталов за 2015-2019гг. выявлено, что тематическая доминанта актуализируется как в тематических дискурсах (политическом, культурном, историческом и др.), так и в жанровых (новостном, репортажном и т.д.): 1) *Анатолий Гладышук: «Мы должны сами писать свою историю». Тысячелетию Берестья посвящается;* 2) *Большая стройка: уникальную транспортную развязку возводят в Бресте к 1000-летию;* 3) *Прелюдия к Миллениуму. Александр Рогачук о планах и задачах Бреста в новом году.* Функционирование тематической доминанты 1000-летия в региональных Интернет-СМИ не ограничивается лексической плотностью, но и актуализируется на уровне видеоряда за счет графических знаков и логотипов, посвященных празднованию юбилея Бреста: 1) **1000 лет на всех** +логотип. *Наталья АРЦИМЕНЯ, директор Брестской областной дирекции ОАО «Белгазпромбанк» (50 лет);* 2) **1000 лет на всех** +логотип. *Анна ШЕВЧИК, художница и дизайнер (21 год);* 3) **1000 лет на всех** + логотип. *Анна ШЕВЧИК, художница и дизайнер (21 год).*

Структурно региональный сетевой медиатекст может быть представлен двумя вариантами – это краткий (анонс) и расширенный вариант. Краткий вариант медиатекста размещается на главной странице или тематической рубрике и может включать разное количество элементов: *визуальная часть + заголовок + дата и время публикации + количество комментариев и просмотров + лид-абзац.* В свою очередь расширенный вариант также не имеет четко установленной структуры, но может строиться в следующем порядке: *визуальная часть + заголовок и подзаголовок + рубрика + дата и время + часовой пояс + лид-абзац + основной текст + ссылки на материалы по теме + сведения об авторе + теги + пиктограммы социальных сетей + комментарии пользователей.*

Одним из основных элементов современного медиатекста является заголовок, представляя собой главный зрительный образ, несущий в себе номинативную, информативную, разделительную, рекламную, интегративную и оценочно-экспрессивную функции. В ходе исследования установлено, что большинство вербальных заголовков медиагибрида дополняется фотографиями и иллюстрациями, создающими вместе с текстом единый семиотический ряд. Большинство (48%) вербальных заголовков - однострочные (*«Ай Пауэр» - туманный бизнес?*), но часто (27%) встречаются двухстрочные (*Носки в консервах и пара для Джастина Трюдо. Как живет брестская «чулочка» - недавний «инвалид»*) и значительно реже (11%) - трехстрочные и многострочные (*Анатолий Гладышук: «Мы должны сами писать свою историю». Тысячелетию Берестья посвящается*). Сочетание вербального текста с другими знаковыми системами, при котором различные семиотические системы тесно взаимодействуют между собой, дает основание говорить о гибридных (креолизованных) медиатекстах, одним из которых и является мультимедийная история как жанр, пришедший в Интернете на смену информационной заметке.

Конвергенция

В результате интегрирования в коммуникативный процесс различных мультимедийных технологий образуются жанровые макрообразования смешанной природы, в рамках которых происходит конвергенция средств отображения и распространения информации. Кроме того, сегодня становится очевидным, что конвергентные процессы происходят не только в технологиях и в медиа, но и в языке, их обслуживающем. Результаты проведенного анализа позволяют констатировать, что конвергенция в данном типе текста происходит как на уровне отдельных лексических единиц, так и на уровне всего текста.

Мы считаем, что в процессе конвергенции медиaprостранства достаточно значимую роль выполняют паралингвистические единицы, которые не только дополняют и конкретизируют вербальные части, но и привлекают внимание адресата, способствуют выражению авторской интенции.

Наши наблюдения показывают, что наиболее часто в сетевых текстах наряду с орфографическими, пунктуационными и лексическими средствами используются аватары, эмодзи, мемы, различные шрифты. Эмодзи (смайлики), не являясь речевыми единицами, представляют собой попытку имитации участниками компьютерного дискурса физиогномики и чаще всего выполняют экспрессивную и мотивную функции. Их набор нельзя четко ограничить в количестве, так как в сетевом общении то и дело появляются новые смайлики, выражающие новые интонационные и эмоциональные отношения к высказыванию (грусть, печаль, восторг, радость, воодушевление и др.). К ним также можно отнести появившиеся не так давно смайлики стандарта эмоджи, выражающие различные эмоции и даже заменяющие отдельные предложения. Появление такого рода паралингвистических средств объясняется принципом языковой экономии, согласно которому в условиях ускорения ритма жизни говорящий осуществляет определенный отбор наиболее рациональных языковых средств.

Результаты, полученные в ходе исследования свидетельствуют о том, в региональных медиатекстах широко функционируют инокодовые включения. Полученные количественные данные указывают на то, что включения инокодовых единиц отличаются друг от друга по ряду разноразмерных параметров, на основании чего считаем целесообразным выделить инокодовые включения по 3 типам.

К первому типу относим включения, характеризующиеся наличием одного гостевого кода, представленного неадаптированным вариантом: 1) **Look**. *Цветные волосы, летящие платья и размышления о вечном*; 2) «Восток - дело тонкое». *Космический streetwear* *виктории* *корольчук*; 3) *Рисованные открытки, японские цветы и подушки с ароматом корицы. Рождественский wishlist*. *Что за bread!* «*Берестейский пекарь*» *оригинально развенчивает мифы о хлебе*; 4) *Что читает поколение NEXT?* 5) *И заживем в IT-стране... Приблизить новую эру сможет лишь крепкая экономика, основанная на знаниях*; 6) **LOOK**: «*Вокруг нас миллионы прекрасных*»; 7) **GRANDLOOK**: *от инженеров до fashion-дизайнеров*. Как видно из примеров, кодовые переключения данного типа затрагивают самые разнообразные части речи.

Из полученных результатов исследования видно, что кодовым конвергенциям подвергаются не только отдельные лексические единицы, но и целые части предложений: *Back to school. Как вести себя на встрече выпускников; Мы выступаем за безвиз, love&peace; Read, Read...Repeat: Что почитать этой осенью; Kill all humans на выставке роботов; When the sun goes down состоится вечеринка на теплоходе; Я предпочитаю глинтвейн, ведь in vino veritas.*

Второе место по частоте использования занимают полностью адаптированные кодовые переключения: 1) *Участники пытаются задеть друг друга панчами, иногда переходя границы;* 2) *О космосе, хейтерах и клиентоориентированности;* 3) *Русский стриптиз новой волны - что за зверь?;* 4) *Хайп, хейт и выпускные экзамены.* Приведенные в качестве иллюстрации примеры наглядно демонстрируют степень ассимиляции лексических единиц и их функционирование в языке СМИ.

Следует отметить, что в ряде случаев процесс ассимиляции лексических единиц сопровождается словообразовательной адаптацией. В целях большей наглядности сказанному приведем следующие примеры: 1) *погоня увенчалась успехом в середине второго тайма, но «Amstel» благодаря отлаженной защите и своему киперу ничью удержал;* 2) *еще одним обладателем «лаки-лузерской» путевки стала «БПК-Лагуна»;* 3) *это все грамотный предпродакшн;* 3) *айситовковцы с удовольствием отвечали на их вопросы;* 4) *Мани-менеджмент на Форекс: как управлять капиталом;* 5) *Школа бёрдвотчера распахнёт свои двери 23 марта.*

Третий тип кодовых переключений, характеризуется наличием графической ассимиляции и представляет собой композит сложного характера: 1) *АдShumела Берасце Ў «Black City»;* 2) *Вечерний фильм. Музыкальный перебор «Величайшего шоумена»;* 3) *«PARTY-ZAN-ФИЛЬМ» покажут в Бресте;* 4) *OTSHUMELI – концерт Shuma в баре «BLACK CITY»;* 5) *Свитер уютной вязки или с old-schoolным рисунком спасёт.* Как видно из примеров, использование нескольких иноязычных кодов в тексте создает контраст на уровне языка, что приводит к логическому и эмоциональному усилению определенных фрагментов текста. Мы полагаем, что данные графические композиты строятся по принципу намеренного использования отклоняющихся от

нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений. Графические варьирования порождают иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективируют новое содержание при сохранении или изменении старой формы. Полученные результаты отражены в табл. 1.

Тип инокодовой лексической единицы	Процентное выражение случаев употребления доминант	Процентное выражение случаев графического маркирования доминант
Неассимилированные	37 %	29%
Ассимилированные	23%	9%
графическая ассимиляция	19%	19%

Таблица 1 – Специфика кодовой конвергенции в сетевом медиатексте

В результате анализа фактического материала можно сделать вывод о том, что кодовое переключение широко используется в прагматических целях в интернет СМИ выполняя тем самым предметно-тематическую, металингвистическую, адресатную функции и функцию экономии языковых средств. Являясь выразительным средством речи, лексические единиц, подверженные языковым и неязыковым изменениям, явно и косвенно влияют на читательскую адресную группу .

Новая полоса изысканий в области выявления лингвоформатных параметров регионального медиатекста представлена нами на синтаксическом уровне текста. Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований языковой составляющей медиатекстов, в частности синтаксиса, еще многие свойства и механизмы взаимодействия знаков разной модальности требуют дополнительного рассмотрения. Так, анализ синтаксического уровня сетевого регионального мегагибрида позволил выявить номенклатуру доминирующих синтаксических средств, установить структурные типы наиболее употребительных синтаксических средств, а также определить характер их взаимодействия с невербальными элементами.

Отличительной чертой синтаксического уровня региональных медиатекстов является «раскрошенная» синтаксическая основа, т.е. нарушение синтагматической цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей. Намеренное расчленение адресантом предложения на отдельные коммуникативные составляющие создает экономную форму передачи информации, приводит к повышению динамизма медиатекста, придает тексту лучшую «обозримость» посредством привлечения внимания адресата к отдельным смысловым компонентам. При этом следует отметить, что сегментация регионального медиатекста не исчерпывается синтаксической расчлененностью. Графика участвует в сегментации текста, преодолевая его изобразительную линейность, устанавливает вертикальные связи и выделяет многочисленные элементы разных планов.

Анализ фактического материала показал, что наиболее продуктивными средствами разговорного синтаксиса являются эллиптические конструкции (46,2 %), придающие повествованию естественность живой разговорной речи. Превалирование эллиптических структур в прагматической функции способствует выдвиганию релевантной информации, что достигается путем пропуска различных строевых единиц предложений, в результате чего на первый план выходит та его часть, смысловое содержание которой представляется наиболее актуальным.

Развитая система флексий русского языка позволяет без труда восстанавливать различные отсутствующие элементы предложений: 1) *Сегодня – День спасателя. Беседа с укротителями стихии в Брестской области;* 2) *Во главе угла – обеспечение безопасности жизнедеятельности населения Прибужья;* 3) *Ставка на точки роста – гарант успешного социально-экономического развития Прибужья.* Учитывая семиотически неоднородный характер медиатекстов, следует отметить, что восстановление вербально отсутствующих элементов предложения восстанавливается в ряде случаев и за счет визуальных элементов.

Отсутствие главных членов предложения в региональных сетевых медиатекстах, на наш взгляд, обусловлено не только принципом лингвистической экономии, но и компенсацией невербализированного

члена предложения за счет знаков других семиотических систем. Проведенное исследование позволяет выделить особый вид эллиптических предложений, в которых вербально отсутствуют некоторые члены предложения, присутствующие на уровне видеоряда. В данном случае невербальные знаки не только участвуют в композиционном строении предложения, но и коррелируют в содержательном плане с разными вербальными частями предложения, участвуют в раскрытии темы. Невербально выраженное подлежащее или дополнение не уступает по своей смысловой значимости отсутствующему вербальному члену предложения и легко декодируется адресатом.

Вторым по частоте употребления средством разговорного синтаксиса в региональном сетевом медиатексте выступают парцеллированные конструкции (32%), представляющие собой синтаксическое образование, при котором две части высказывания не вмещаются в единую смысловую плоскость. Высокая употребительность данных структур обусловлена, во-первых, их маркированностью в медиажанрах, поскольку они акцентируют семантически значимые компоненты, и, во-вторых, способностью присоединения выступать в качестве синтаксической связи: 1) *Кобринский мост: идет укладка балок по правой стороне;* 2) *Китайцы на Луне прорастили хлопок. Но всходы погибли;* 3) *Эти ягоды вызывают кариес и головную боль. Медики рассказали, чем еще вредны бананы;* 4) *«Брестскую лыжню выиграла СШ №10. 33-я и 5-я школы в призерах;* 5) *«Небо и земля ныне торжествуют». Концерт рождественских песнопений прошел в брестской Свято-Николаевской церкви;* 6) *Восемь лет за похищение. В Барановичах вынесен приговор местному жителю.*

Заслуживает быть отмеченным, что явлению парцелляции в сетевом медиатексте подвергаются как главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), так и второстепенные (определения, дополнения и обстоятельства). Распространенным явлением является парцелляция однородных второстепенных членов предложениях: 1) *Ник Вуйчич в Бресте: Мне не нужны руки и ноги. Мне нужен мир. Сила. Радость.* Как видно из примера, в присоединенную часть может выноситься не одно, а несколько однородных дополнений, образуя цепочку присоединяемых друг за другом частей. Грамматическая зависимость парцеллированных второстепенных членов предложения яр-

ко проявляется в их структурной фрагментарности. Парцеллированные второстепенные члены предложения уточняют базовый компонент, развивают определенный фрагмент высказывания.

Третью строку в общем перечне употребительности занимают (15,7 %) вопросительные предложения, включая вопросно-ответные комплексы. Данные единицы придают медиатексту эмоциональность, характерную для разговорной речи, оживляют внимание адресата, а также способствуют диалогизации медийного дискурса: 1) *Какие новые модели обучения востребованы сегодня в вузах?*; 2) *Кто представит Брестскую область на республиканском этапе «Студента года»?*; 3) *Милевский вернется в "Динамо-Брест"?*.

Наряду с вышеперечисленными структурами в региональном медийном дискурсе были выявлены синтаксические разговорные средства с меньшими показателями представленности (7,3%). К ним относятся вставные конструкции: 1) *Кстати, памятники Тадеушу Костюшко уже были установлены в различных городах и странах: в Кракове, в Лодзи (Польша), в Бостоне, Вест-Пойнте, Филадельфии, Детройте, Милуоки (США), в Минске (на территории посольства США), в деревне Малые Сехновичи (бюст, Жабинковский район) и в Швейцарии в Золотурне; Примечательно тем, что наряду с Меречевщиной (фольварк располагается недалеко от города Коссово в Ивацевичском районе) претендует на звание родины Тадеуша Костюшко: брестские торговые центры вызвали у него улыбку: их размеры и наполненность не могут сравниться с громадными центрами в Европе, где можно провести весь день), синтаксический параллелизм (4,6%): *«Мне не нужно завидовать кому-то. Мне не нужны руки и ноги. Мне нужен мир. Сила. Радость. Те вещи, которые невозможно купить за деньги. Те вещи, которые не могут принести руки и ноги».**

Проанализированный корпус материала показывает, что вставные конструкции выполняют не только функцию добавочного сообщения, но и функции модально-оценочные. Размещенный в скобках текст дает адресату оценку сообщаемой в основной части предложения информации. Во вставных конструкциях данного типа это – либо оценка истинности того, о чем говорится в основной части, либо измерение сообщаемого по шкале «хорошо/плохо», либо выражение различных эмоций по отношению к тому, что говорится. В большинстве случаев

вставные конструкции, выполняющие модально-оценочную функцию, располагаются внутри основного предложения: <...> *посетил несколько брестских кафе и ресторанов, отметив достойную кухню и невероятное количество десертов – такого разнообразия сладостей он не видел в Ирландии; с ньюборн фотографом Ниной Наумик Zayua.by встретилась накануне Рождества – пожалуй, самого семейного праздника, когда уставши от новогоднего веселья больше всего хочется тишины и покоя.*

Преобладание парцеллированных и эллиптических конструкций, что свидетельствует о ярко выраженной тенденции к подаче информации в «расщепленном», сегментированном виде. Было также отмечено, что одни сегментированные синтаксические конструкции легко сочетаются в тексте с другими, образуя синтаксические конвергенции. «Сгущения» синтаксических персуазивных доминант влияют на ритм сетевого медиатекста текста, меняя его на более динамичный. Полученные результаты исследования синтаксических конструкций отражены в табл. 2.

Разновидность синтаксической конструкции	Процентное выражение случаев употребления доминант	Процентное выражение случаев графического маркирования доминант
Парцелляция	46,2%	46,2%
Эллиптические предложения	32%	32%
Вопросительные предложения	15,7%	15,7%
Парентические внесения	7,3%	7,3%
Синтаксический повтор	4,6%	2%

Таблица 2 – Персуазивные доминанты синтаксического уровня и их графическое оформление в сетевом медиатексте

Анализ показывает, что усилению эмоциональности регионально-го медиатекста способствует параграфемика в виде шрифтов разного типа, сопровождающих знаков, идеограмм. При передаче информации отправители медийных гипертекстов все чаще маркируют и свое эмоциональное настроение в виде «смайлика» – комбинированного пунктуационного знака, изображающего человеческое лицо. Уровень интегрированности всех изобразительных средств в единое текстовое пространство электронных медиаизданий характеризуется как весьма высокий.

При анализе выявлены следующие особенности медийной параграфемики: 1) связь параграфемных элементов текста с содержанием языкового сообщения может носить иконический или символический характер; 2) параграфемные элементы текста могут обладать функциональной синонимией и полифункциональностью. Иконические параграфемные элементы, на наш взгляд, демонстрируют содержание графемного ряда на принципах фактического сходства и могут передавать признак предмета, его расположение и перемещение в пространстве. Символические параграфемные элементы передают абстрактные понятия, функционально-стилевые и экспрессивно-оценочные оттенки и выступают в роли графического акцента.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что размер и толщина шрифтовых гарнитур, разрядка и варьирование шрифтового кегля значительно расширяют способы и формы выражаемого в медиатексте содержания, выделяют в потоке высказываемых мыслей ключевые моменты в реализации содержательно-концептуальной информации.

Исходя из наших наблюдений, шрифтовое варьирование не только обеспечивает четкость композиционного решения поликодового медиатекста, но и является важным фактором, обуславливающим воздействие на психические реакции адресата. В качестве примера приведем следующий фрагмент текста, в котором с помощью варьирования размера шрифтовых гарнитур выделяется поэтапная значимость вербальных элементов текста: *Дары волхвов на Музыкальные вечера: декабрь в Москве, январь в Бресте. По традиции XXXI Международный фестиваль классической музыки «Январские музыкальные вечера» пройдет в Бресте в рождественский период с 9*

по 12 января 2019 года. И есть в этом славном деле путеводная нить от Святослава Рихтера.

К невербальным графическим знакам, способствующим структурированию воплощенной в сетевом медиатексте мысли, можно также отнести синграфемнику. Знаки препинания представляют собой единственное невербальное средство, включаемое в рамки описания и изучения того или иного языка как самостоятельный раздел, поскольку любой письменный текст вне зависимости от степени его креолизации без них неполноценен. Коррелируя с вербальной частью, пунктуационные знаки представляют собой графическую точку опоры, удобную для восприятия адресатом, и восполняют отсутствующие в тексте просодические компоненты устной речи.

«Особая» пунктуация способна компенсировать в зафиксированном на письме тексте несловесные факторы, которые способствуют выразительности звучащего текста. Знаки препинания совместно с другими графическими способами могут использоваться для выражения предикативного ударения и различных оттенков значения:

Анализ исследуемого корпуса позволил выявить, что стилистическая нагруженность различных знаков препинания в медиатексте тексте неодинакова. На фоне других текстообразующих систем – системы звуков, слов, словосочетаний и предложений пунктуация выглядит системой с ограниченным потенциалом из-за небольшого числа составляющих ее элементов. Но в семиотически осложненном тексте система пунктуации является важной системой, обеспечивающей условия для того, чтобы интонация, которая возникает при декодировании текста, была адекватна авторской интонации. Иначе говоря, эта система в какой-то мере гарантирует, что сетевой медиатекст текст будет звучать для внутреннего слуха адресанта именно так – с теми ударениями, паузами, ритмом, модуляциями в мелодии, – как он должен звучать по замыслу его создателя.

Проанализируем на примерах из исследуемого корпуса особенности употребления пунктуационных знаков в семиотически неоднородном медиатексте.

Употребление восклицательного знака в сетевом медиатексте сопряжено с передачей эмоциональной тональности и с повышением семантико-оценочной коннотации отдельных лексических единиц:

Знакомьтесь! Художник песочной анимации Тамара Обысова; Благоустройству в Ковалево быть?!; «А я не гражданин?! брестчане Демьян Лепесевич и Дмитрий Бекалюк не смогли задать вопросы министру.

Многоточие указывает на недосказанность мысли, подтекстное содержание, скрытый смысл, заключенный в медиатексте, и позволяет выводить дополнительные импликатуры: *И морозца нет, чтобы засияли замерзшие лужи и заискрился иней... Портреты любимой модели Пикассо того периода всегда несут печать меланхолии....*

Определенные закономерности существуют и в употреблении тире в семиотически осложненном тексте. Прежде всего этот пунктуационный знак означает возможные пропуски: пропуск глагола-связки в составе сказуемого, пропуск членов предложения в неполных и эллиптических предложениях. Тире может участвовать и в создании эффекта смысловой, интонационной, композиционной неожиданности: *В фотомодели – из роддома! Брестский ньюборн фотограф рассказала о съемках новорожденных; В портфолио фотографа – сплошные «ми, ми, ми»: сахарные носики, губки бантиком бархатные складочки. Ее модели малыши самого-самого нежного возраста: в основном от 5 до 14 дней.*

В семиотически неоднородном медиатексте точка маркирует границу между предложениями – основными коммуникативными единицами текста, подготавливает адресата к переходу в другую сферу мысли, воплощающейся в последующем предложении. С помощью точки в парцелированных конструкциях базовый компонент отделяется от парцеллята, что создает эффект коммуникативной равнозначности каждого звена: *На шаг. Опережай случай.* Как видно из примера, точка является не показателем конца предложения, а местом разрыва и выполняет дополнительные стилистические, акцентные и смысловые функции в парцелированной конструкции.

Пунктуационный знак двоеточие служит графическим маркером, предупреждающим о последующем вербальном разъяснении и пояснении: *Евгений Скакун: «Социальное государство воспринимали равнозначным социалистическому; Курсы валют в Бресте на 22 января: где выгоднее всего менять деньги как побороть бессонницу: 5 полезных советов.*

Возросшая частотность употребления скобок в региональных медиатекстах связана, прежде всего, с более частым употреблением в них вставных конструкций, создающих несколько линий повествования. Скобки используются как в стилистически нейтральных текстах, так и в экспрессивно окрашенных: *Беременная лосиха провалилась под лед на озере под Полоцком (видео); В том, что я наберу минимальный проходной балл (20 для специальностей, связанных с филологией), я не сомневалась; Там, на белорусской стороне, прямо на берегу (пусть простят нам в силу непредсказуемости нового маршрута) нас уже заждались встречающие.*

Использование вопросительного знака в сетевом медиатексте связано с контактоустанавливающими целями: приблизить синтаксический строй медиатекста к разговорному, создать атмосферу активности, доверительности: *Кинотеатры Бреста: когда у нас началась эра кинематографа?; Отель «Хилтон» в Бресте уже принимает гостей. Сколько стоят и как выглядят номера?*

В рамках настоящего исследования также было обнаружено намеренное нарушение правил и норм пунктуации русского языка, о чем могут свидетельствовать следующие примеры: 1) *спасибо_ Олег_* [отсутствии запятой перед и после обращения] *за интересный материал;* 2) *стараются, ищет интересные материалы* [пренебрежение запятой, перед новым простым предложением в составе сложного] *_ но в нашем городе_ слава богу_* [отсутствие обособления запятыми междометного устойчивого выражения] *жизнь размеренная, и каждый делает то, что может из своих способностей.* Как видно из примеров, в текстах прослеживается некая информатизация текста, то есть значимое преобладание фактического содержания над всеми иными компонентами, что превращает текст (и письменный, и устный) в сжатое сухое сообщение. Информационная направленность общения влечет за собой определенную нехватку оценочной лексики, эмоционально насыщенных языковых элементов и эпитетов.

Таким образом, широкое использование параграфемных средств определяет воздействующую направленность сетевого медиатекста. Набор параграфемных средств является не произвольным, а систематизированным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания. Наличие связи словесной структуры и параграфем-

ной характеристики дает возможность для адекватного понимания смысла передаваемого сообщения.

Жанровая диффузность

Говоря о дискретных единицах сетевого массмедиального дискурса, следует заметить, что границы институционального общения весьма условны, вследствие чего нередко происходит дискурсное и жанровое взаимопроникновение между типами дискурса. Анализ показывает, что в определенном количестве медиатекстов четкие жанровые границы отсутствуют. Для построения медиатекстов используются маркеры различных дискурсивных практик, что приводит к жанровой диффузности. Интердискурсивность запускает в действие особые механизмы смыслообразования, предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента. Происходит взаимосвязь единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании переход от одного типа дискурса к другому с целью сильного воздействующего эффекта.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что в качестве маркеров, делающих интердискурсивность видимой на текстовой плоскости, выступают средства лингвистического и экстралингвистического уровня. К лексическим маркерам инсценируемой интердискурсивности относятся вербальные указания на имитируемый тип текста; лексические единицы, маркирующие элементы композиционной структуры определенного типа текста; лексические единицы, актуализирующие в сознании реципиента характерные для имитируемого типа текста/дискурса понятия. Инсценируемое интердискурсивное взаимодействие может быть маркировано также грамматическими средствами. Это употребление глаголов в форме того или иного времени, наклонения, залога, а также особое, характерное для имитируемого типа текста/дискурса синтаксическое оформление текста. К невербальным маркерам инсценируемой интердискурсивности в медиагибриде относятся пазиграфические знаки, параграфемные элементы, топографическое расположение фрагментов текста.

В ходе проведенного исследования установлено, что сетевой региональный мегагибрид в ряде случаев аккумулирует в себе черты других видов дискурса, текстов различных жанров, функциональных

стилей речи и композиционно-речевых форм, которые находят на новостном портале различную медийную реализацию и взаимодействуют друг с другом на глобальном, смысловом уровне, принимая совместное участие в создании медиапродукта.

Акцентирование возможностей мгновенной коммуникации

Пространственная дистантность при возможности выбора между коммуникативной синхронией/диахронией (онлайн-общение, офлайн-общение): участники сетевого общения находятся в самых разных точках земного шара, но они могут выбрать синхронное общение в режиме комментария к представленному медиатексту. Множественность модусов реализации и возможность их наложения: письменный (интернет-журнал, официальный сайт, блог и др.), устно-письменный (вебинар по заданной проблематике, который протекает в устной форме с возможной письменной обратной связью).

Из сказанного становится очевидным, что современная медиаречь, в частности опосредованная Интернетом, использует все доступные модусные инструменты формирования смыслов. Попадая в пространство СМИ, медиатекст расширяет свою первоначальную знаковую природу, превращаясь из самодостаточного фрагмента в составляющую цельного медиапродукта.

Результаты проведенного анализа показали, что большое значение при форматировании новостных сетевых медиатекстов имеет создание разветвленной системы межтекстовых связей. В сочетании с компьютерными технологиями высокоорганизованная система межтекстовых связей создает огромные возможности для мгновенного информационного поиска, который может быть основан фактически на любом формально-содержательном компоненте текста, будь то отдельное слово или тематически связанное новостное медиасообщение.

Таким образом, анализ основных параметров сетевого регионального медиагибрида позволил сделать ряд выводов:

1. Медиатекст в настоящее время продолжает укреплять свой коммуникативно-прагматический статус и успешно реализовывать потенциальные возможности мощного воздействия на речевое сознание адресата, одновременно формируя языковой вкус эпохи. Концеп-

ция медиатекста является центральным звеном в теоретическом обосновании выделения новой филологической дисциплины - медиалингвистики.

2. Современные полимодальные медиатексты постоянно демонстрируют чередование экспрессии и стандартов, фактов и оценок, различной степени креолизации. Всё это подтверждает тезис о том, что главной чертой всех полимодальных медиатекстов, отражаемой в их языке, является их структурно-композиционная специфика, которая предусматривает выстраивание текста из блоков, распределяющих информацию на отдельные элементы, легко и быстро воспринимаемые адресатом.

3. Современный полимодальный медиатекст представляет собой «новый коммуникационный продукт», особенность которого заключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры вербального, визуального, мультимедийного планов, что предполагает целостность его восприятия, а значит, и более глубокое проникновение в его смысл. Изучение взаимодействия и взаимопроникновения средств вербализации и средств визуализации сетевого медиа сообщения, то есть изучение поликодовых медиа текстов, отвечает новым тенденциям развития лингвистической науки нового этапа в её культурно-семиотических и мультимедийных координатах.

РАЗДЕЛ 2

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

2.1 Прецедентные феномены: история вопроса, проблемы и перспективы исследования

В настоящее время общепризнанным считается тот факт, что язык – это хранитель и свидетель культуры. Именно в языке, как пишет С.Г. Тер-Минасова, отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира (Тер-Минасова, 2000, с.37). Как справедливо отмечает В.Н. Телия, культура и язык существуют в диалоге между собой. Культура – это «своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» (Телия, 1996, с. 226).

В этой связи многими учеными медийные тексты рассматриваются как важнейшие компоненты картины мира. Они, как указывает В.А. Маслова, пронизаны множеством культурных кодов и хранят информацию об истории, этнографии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры, в то время как язык рассматривается как механизм, способствующий кодированию и трансляции культуры (Маслова, 2001, с. 60). Используемые в тексте языковые средства, по В.В. Красных, отображают «код культуры – «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» (Красных, 2002, с. 297).

Помимо отдельных лексических единиц, создающих культурный контекст, в тексте на различных уровнях и в разных формах широко используются «обломки» других, предшествующих и/или окружающих текстов культуры. Каждый такой текст, по мнению Р.Барта, представляет собой «новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных иди-

ом – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» (Барт, 1989, с. 246). В результате вхождения другого текста или его части в медиа текст изменяется смысловое пространство медиатекста, появляется потенциальная возможность генерирования новых смыслов.

Характерной особенностью региональных медиатекстов Брестчины является достаточно высокая степень прецедентной плотности. Используемые в региональном медиатексте прецедентные феномены выполняют ряд функций. С одной стороны, они актуализируют важную фоновую информацию и апеллируют к «культурной памяти» адресата. С другой стороны, прецедентный феномен служит целям экономии речевых усилий, быстро актуализируя в сознании реципиента информацию, описание которой иными способами было бы слишком громоздким.

Отдельно следует отметить, что наличие прецедентных феноменов в медиатексте является одним из ключевых способов повышения образности и эмоционального воздействия на адресата. К примеру, оно становится ключевым в имплицативном сравнении: *Футбол от Сарычева. Конница Буденного. «Динамо» (Минск) – «Динамо» (Брест). В Минск брестское «Динамо» ехало за победой.* Использование «антропонимики» в данном фрагменте медиатекста является мощным механизмом создания положительного спортивного портрета региональной футбольной команды.

Для того чтобы проанализировать способы маркированности инотекстового вторжения, на наш взгляд, следует рассмотреть теорию интертекстуальности, понятие интертекста и прецедентных феноменов.

Отправной точкой для построения современной теории *интертекстуальности* послужила концепция М.М.Бахтина, согласно которой всякое новое произведение есть результат трансформации некоего уже предшествующего (предтекста) (Бахтин, 1989). Как справедливо указывает Т.С.Глушак, «автор-создатель делает взаимодействие текстов видимым для читателя с помощью комплекса средств, вследствие чего возникает намеренно маркированная интертекстуальность» (Глушак, 2006, с.4). Включая в свой текст фрагменты иных текстов, адресант подает адресату сигналы, по которым адресат может «верно

определить авторскую интенцию, а значит воспринять данный текст в его диалоге с конкретно узнаваемыми текстами» (Глушак, 2006, с.4).

Проблема воспроизведения в тексте предшествующих произведений или их частей может быть интерпретирована с точки зрения интертекстуальности, разрабатываемой в рамках лингвистики текста и теории литературы современными исследователями (И.В.Арнольд, Р.Барт, Д.Б.Гудков, Ю.Н.Караулов, В.В.Красных, Ю.Кристева, Г.Г.Слышкин, А.Е.Супрун). Между каждым создаваемым авторским текстом и каждым предшествующим чужим текстом, по словам Т.С.Глушак, наличествует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт людей (Глушак, 2006). Интертекстуальность отражает взаимодействие текстов и реализуется как «включение в текст либо целых других текстов с иными субъектами речи, либо фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» (Арнольд, 1999, с. 346).

С теорией интертекстуальности тесно связан получивший разно-стороннее освещение в литературе феномен прецедентности. Теория прецедентности - это одно из стремительно развивающихся направлений современной лингвистики. После публикации основополагающей монографии Ю. Н. Караулова и под влиянием исследований Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Н. А. Кузьминой, И. М. Михалевой, Ю. Е. Прохорова, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина, Н. А. Фатеевой проблема прецедентности все чаще и чаще привлекает внимание отечественных специалистов (Д. В. Багаева, Л. В. Балахонская, Н. А. Бирюкова, О. С. Боярских, О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, О. Н. Долозова, А. А. Евтюгина, А. Б. Зайцева, И. В. Захаренко, М. Ю. Илюшкина, М. И. Косарев, С. Л. Кушнерук, Е. А. Нахимова, Ю. Б. Пикулева, Г. Г. Сергеева, С. И. Сметанина, Р. Л. Смулаковская, О. В. Спиридовский, М. В. Терских и др.). Зарубежные исследователи предпочитают использовать для обозначения прецедентных имен другие термины, но это, разумеется, не означает отсутствие научного интереса. Внимание лингвистов к прецедентным феноменам в полной мере соответствует их роли в современной массовой коммуникации

В научный обиход понятие прецедентности было введено Ю.Н. Карауловым. Прецедентные тексты определены им как тексты, «зна-

чимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Модифицируя в незначительной степени определение прецедентных феноменов Ю. Н. Караулова, В. В. Красных к числу прецедентных феноменов относит: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества (Красных, 2002).

Ю.Е. Прохоров, рассуждая о прецедентности, уточняет понятие данного феномена. Во-первых, прецедентные тексты, по его мнению, есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения. Именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этно-культурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности. Во-вторых, отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке (Прохоров, 2006, с. 153).

За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами обуславливает, по мнению Г.Г.Слышкина, регулярную актуализацию прецедентных текстов в различных видах дискурса. Такие ассоциативные связи он называет аспектами прецедентности (Слышкин, 2000, с. 40).

Вслед за понятием прецедентности ученые ввели в обиход такие понятия, как *прецедентное высказывание* (В.Г.Костомаров,

Н.Д.Бурвикова), *прецедентное имя* (Д.Б.Гудков), *прецедентная ситуация* (В.В.Красных).

К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, а также пословицы. Под цитатой Д.Б. Гудков подразумевает: 1) собственно цитату в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями (Гудков, 1999, с. 28). Универсальность, обобщенность и экономность выражения мысли в пословице позволяют широко использовать их в качестве аргумента в тексте. Суть пословицы, как указывает А.Ю. Белецкая, в том, что она – это своего рода модель стереотипной ситуации, представленной в свернутом виде (Белецкая, 2002, л. 88).

Статусом прецедентных имен, по мнению Д.Б. Гудкова, обладают имена, которые входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества, и инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов данного сообщества (Гудков, 1999, с. 13). Прецедентное имя есть индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией (Маслова, 2001, с. 53). Это также сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Простое упоминание известных имен привносит в текст определенные дополнительные смыслы, рождает систему образных средств.

Под прецедентной ситуацией, как пишет В.В.Красных, подразумевается «некая “эталонная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» (Красных, 2003, с. 183).

Необходимо отметить, что в концепции Ю.Н. Караулова к числу прецедентных отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки - это тоже своего рода «тексты», которые, безусловно, составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

При рассмотрении прецедентности важно учитывать разные теории и подходы. Так, например, в исследованиях А. Е. Супруна и его последователей используется термин *текстовые реминисценции*. В своих работах А.Е. Супрун указывает, что «большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов. Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и понимания текстов» (Супрун, 1995). Сторонники данного подхода полагают, что попадая в человеческое сознание сначала через тексты, информация постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть. Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что «те или иные фрагменты знакомых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности» (Супрун, 1995, с.17).

Для обозначения для обозначения языкового выражения закрепленного через общественную и культурную память следа отражения действительности в сознании носителей языка. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова вводят термин лингвострановедения – *логоэпистема*, за которой стоит некоторый смысл, некоторое знание, информация (зачастую оформленная как текст). В данной концепции рассматриваются логоэпистемы, к числу которых относят «разноуровневые лингвистически ценные единицы», в том числе «говорящие имена и названия» (Бурвикова, Костомаров, 2006, с. 8).

В аспекте нашего исследования мы будем придерживаться обобщенного варианта перечисленных подходов. Прецедентные феномены эксплицируются в прагматических целях и являются апелляцией к уже имеющемуся в имплицитной форме аналогичному устойчивому элементу с целью экономии коммуникативных усилий и/или маркированности ситуации общения. Внедрение в медиатекст знакомой ситуации, связанной с тем или иным референтом, способно облегчить адресату восприятие рекламы и предопределить верную интерпретацию смысла. Прецедентный феномен является «пусковой кнопкой»

развертывания в большей или меньшей степени известного сценария, за которым закреплено устойчивое эмоциональное переживание (преимущественно позитивное), формирующее соответствующее отношение к человеку или событию.

2.2 Способы ввода прецедентных текстов в гетерогенное массмедиальное пространство Брестчины

Региональный массмедиальный дискурс является частью общего пространства средств массовой информации в стране, имеющей при этом множество специфических признаков, которые отражают особенности региона. Эти особенности системно проявляются в повестке дня СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов. Региональный дискурс СМИ представляет информацию о социальной реальности с учётом этапа конкретно-исторического развития региона в условиях смены мировоззренческих парадигм и постулатов.

Региональный сетевой новостной медиатекст, как уже отмечалось ранее, синтезирует разные подходы к представлению информации: лаконичность и развернутость, констатацию факта и комментарий. В совокупности со спецификой реализации текста в Интернет-пространстве это определяет содержательную структуру медиагибрида, которая характеризуется тем, что: 1) гипертема медиатекста, представляющая его основное содержание, вербализуется и визуализируется поэтапно с разной степенью детализации в первом, втором заголовочных комплексах и вводном предложении, обеспечивая адресата достаточным объемом информации для формирования предварительной картины события; 2) подтемы, детализирующие общую картину дополнительными данными, занимают оставшийся объем текста и вводят как факты, так и оценки в разных семиотических координатах.

Очевидно, что все процессы региональной массмедиальной коммуникации происходят в определенном культурном контексте и, соответственно, детерминированы им. Коммуникативно значимое поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определенной

социокультурной и языковой общности. Рассмотрим, каким образом культурологические особенности отражены в медиа пространстве Брестского региона.

В ходе изучения регионального медиа пространства проведен структурно-семантический анализ заголовочных комплексов и контент-анализ 200 полимодальных медиатекстов из речевого корпуса ряда Интернет-СМИ Брестского региона, в частности статей из онлайн-версии городской газеты «Вечерний Брест», «Заря», «Заря над Бугом», «Брестский курьер», «Брестский вестник», городских Интернет-порталов: «Виртуальный Брест» и «Реальный Брест» за 2010-2020гг. общим объемом более 245 страниц. В процессе анализа были выявлены медиатексты с ключевыми словами, эксплицирующими ведущую гипертему и лингвокультурологические доминанты новостных изданий.

В ходе исследования представилось значимым решение ряда задач: 1) описать источники прецедентных явлений; 2) установить виды их трансформации и прагматической адаптации; 2) выявить способы вербальной и невербальной репрезентации, семантические и функциональные особенности прецедентных феноменов.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что значимая роль в вербализации компонентов региональной идентичности отводится онимам, отображающим этноментальные особенности территории Брестчины.

Маркерами процесса самоидентификации в языке региональных печатных СМИ могут выступать:

1) использование местоименных *дейктиков*. Чаще всего роль дейктиков выполняют притяжательные и личные местоимения. Используя эту разновидность местоименных слов, авторы медиатекстов мыслят и чувствуют себя частью территориальной (локальной, региональной, государственной) и духовной общности: *«Основателем нашей многочисленной семьи, нашего семейного клана является Иероним Синкевич, мой прадед по материнской линии, живший в старой части города Бреста в начале XIX века»*. *«Как считала моя мать, наши предки были униатами. Утверждала она также, что один из наших предков по отцовской линии был богатым шляхтичем, но ра-*

зорившимся и перешедшим в разряд малосостоятельных горожан» («Брестский курьер», 21.11.19).

2) обращение к региональному ономастикону: «Познавать историю - это круто. Фонд развития Брестской крепости предлагает по-новому взглянуть на «скучные» вещи. <...> Но главным итогом 2019 года для Фонда стали подготовленные к печати 300 страниц 2-го тома «Атласа крепости Брест-Литовск» («Вечерний Брест, 11.01.20); «Пастыри Константин и Митрофан Зноско. Их духовное наследие возвращается потомкам Тысячелетнего Бреста» («Брестский курьер», 30.11.19);

3) использование обращений, указывающих на территориальную принадлежность: «верные чада Брестской епархии Белорусской Православной Церкви!», «С Рождеством, брестчане!», «Земляки!», «Брестчане и гости культурной столицы!» и т.д.

Региональная лексика, представленная в дигитальном медиaprостранстве Брестской области, отражает многочисленные названия учреждений, организаций и предприятий, существующие на территории области. По структуре названия учреждений обычно строятся по существовавшим общепринятым образцам – это словосочетания, в состав которых входят отдельные компоненты с региональным содержанием (например, указывающими на географическую и/или этническую принадлежность): «Берестейский пекарь», «Брествтормет», «Брестхлебопродукт», «Брестсельмаш», «Брестреставрация», «Брестское мороженое», «Брестское пиво», «Санта-Импэкс-Брест», «Ковры Бреста», «ТермоБрест».

Анализ материала показывает, что употребление потенциально автономных смысловых блоков речевых произведений в региональных медиатекстах достаточно разнообразно. Прецедентный текст позволяет в сжатом виде передать информацию о тексте-источнике либо об экономическом или социально значимом событии: 1) *В течение декабря в Бресте появятся два новых Щелкунчика, - рассказала Диана Костикина. - Фигурки сделаны для нового кафе «Параграф», которое ожидает открытия на углу улиц Набережная Франциска Скорины и Советской, в помещении бывшей художественной галереи «БелАрт». Это будет совершенно новый образ Щелкунчиков; 2) Жемчужина из пепла возрождается силами брестских реставрато-*

ров на родине Т. Костюшко. («Брестский курьер», 03.01.20); 3) *Музыка нас связала. Детская школа искусств № 1 готовится отметить круглую дату* («Вечерний Брест», 10.01.20).

Корпус прецедентных феноменов специфичен для каждого языка. Во многом он определяется историческим развитием нации, ее менталитетом, а также политической и экономической ситуацией в стране. Вполне закономерно, что данный корпус будет различаться и в зависимости от контекста и стилевой принадлежности принимающего текста. Как пишет Ю.Н. Караулов, в разное время источниками прецедентных высказываний становились то песни, то былины, то сказки, то религиозные произведения (и прежде всего Библия), то произведения латинских авторов, то актуальные художественные произведения, а теперь фильмы, спектакли, реклама» (Караулов, 2003, с. 216).

Мы полагаем, что в региональном медиа пространстве широко используются прецедентные феномены «хорошо известные представителям региона», которые знают об их существовании и имеют некий общий для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия. Другими словами, за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными.

Об активности прецедентной информации в региональной публицистике периода 2010-2020г. свидетельствуют многочисленные отсылки, аллюзии, интертекстуальные включения, зафиксированные в различных региональных СМИ как в неизменном, так и в трансформированном виде. К примеру, часто встречаются заголовки, в которых отражена кинематографическая и мультипликационная информация: 1) *Кто о сегодняшнем учителе замолвит слово?* (ср.: название известного советского кинофильма «О бедном гусаре замолвите слово»); 2) *Есть ли жизнь после пенсии, где можно совершить выгодные покупки или как поругать мэра, чтобы он прочитал?* (ср.: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, это науке неизвестно» известная цитата из кинофильма «Карнавальная ночь»); 3) «Фут-

бол от Сарычева. **Кто на новенького?**» (ср.: Песня о шпаге из к/ф «Достояние республики»); 4) **«Ежик в тумане. «ГОРОДЕЯ» – «ДИНАМО» (Брест) – 1:0;** (ср.: мультфильм «Ежик в тумане»); 5) **«Уроженец был «Крестным отцом» Дональда Туска»** (ср.: кинофильм «Крестный отец»).

Традиционно активны обращения к литературному фонду: 1) *Тафгай по ним плачет. «Шахтер» (Солигорск) – «Динамо» (Брест)* (ср.: Я. Шишков, «Емельян Пугачев. Тюрьма по тебе плачет»); 2) *«Сказка – ложь, а в ней... статья»* (ср.: А.С.Пушкин: «Сказка – ложь, да в ней намек!»); 3) *«Тридцать девятое царство – это про Калининград»* (народные сказки); 4) *«Наталья Черногорова – луч света в «Калідоры» Бреста»* («Луч света в темном царстве» Н.А.Добролюбов); 5) *«Брестская Русалочка – Маргарита Левчук 27 февраля споет для земляков»* (ср.: Г.Х.Андерсен «Русалочка») и другим источникам: 1) *«День рождения – светлый праздник»*; 3) *«На трибунах становится тише»*; 4) *«Persona NON Grata»*; 5) *«Смена декораций усилит интеграцию?»*; 6) *«Что в сухом остатке?»*; 7) *«На российском политическом олимпе»*; 8) *«Ступени осилит идущий - от Санкт-Петербурга до Бреста»*.

В материалах исследуемых изданий нами зафиксировано 200 заголовков, отражающих ту или иную прецедентную информацию. Статистические данные свидетельствуют о том, что наиболее частотными сферами-источниками прецедентных феноменов являются сфера «Кинематограф» - 29 % от общего количества прецедентных феноменов и сфера «Музыка» - 25 %. Названий, отсылающих к литературным источникам, обнаружено всего 19 %. Апелляция к сфере-источнику «Религия» (5%) и к сфере-источнику «Наука» (3%) используется крайне редко. Соотношение источников прецедентности в массмедиальном дискурсе свидетельствует о системе ценностей, которая формируется в современном региональном обществе, поскольку прецедентный текст – это, прежде всего, лингвокультурный знак, который демонстрирует нравственные приоритеты говорящих.

Анализ региональных медиатекстов показывает, что авторы чаще всего прибегают к использованию прецедентных феноменов в *заголовках своих статей*, которые представляют собой главный зрительный образ, несущий в себе номинативную, информативную, раздели-

тельную, рекламную и оценочно-экспрессивную функции в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества. Следует заметить, что при этом актуализируется не сам текст, а представление о нём в виде минимизированного варианта текста, с его заранее заданной интерпретацией и оценкой. Попадая в поле человеческого восприятия, прецедентный текст обладает способностью обновлять и приумножать свой изначальный смысл. Мысль, фиксируемая в прецедентном тексте, расширяет и обогащает созданное культурой смысловое пространство, что создаёт новые смысловые эффекты.

Анализируя представленные в медиатекстах типы прецедентных феноменов, выявлено, что наиболее представительной группой являются прецедентные высказывания. Они объединяют цитаты из различных источников: литературных произведений, песен, кинофильмов. К прецедентным высказываниям мы также относим устойчивые обороты, пословицы, поговорки, речетикетные формулы: *«Взялся за гуж, но сказал, что не дюж»* («Вечерний Брест», 18.03.19); *«От добра добра не ищут»* («Вечерний Брест», 18.01.19); *«Один в поле не понял»* («Вечерний Брест», 10.03.18). *«Семеро одного ждут»* («Вечерний Брест», 18.03.19); *«Кто не успел – не опоздал!»* («Вечерний Брест 22.01.20).

Прецедентное имя в заголовках белорусской региональной прессы – это имя певца, поэта, литературного героя (Кобзон, Пушкин, Дон Кихот и др.): *«Дон Кихот» из Соболей. В Березе открылась персональная выставка Анатолия Желудко* («Вечерний Брест», 23.12.19); *«Конница Буденного». Футбол от Сарычева*, («Вечерний Брест», 18.03.19); *«Добрый доктор Айболит. Новая кованая композиция появилась в Бресте»* («Вечерний Брест, 24.12.20); *«Штраус зажигает! На главной площади города музыканты приглашали потанцевать»* («Брестский курьер», 23.12.2019).

Материал исследования также позволил выделить еще одну группу прецедентных явлений - прецедентные артефакты, т. е. предметы, явления, составляющие специфику белорусской культуры. В заголовке *«12 артефактов. Самшитовый гребень»* повествуется о начале необычного музейного проекта «12 артефактов из истории тысячелетнего Бреста» («Вечерний Брест», 30.01.2019).

В материале анализа были также зафиксированы случаи комбинации нескольких прецедентных явлений в рамках одного медиатекста. Благодаря своеобразному симбиозу прецедентных явлений, восприятие медиатекста становится более ярким, способствует привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов. Нами отмечено, что особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, а также в его инициальной и/или финальном фразе. В качестве иллюстративной наглядности приведем фрагменты медиатекста из («Вечернего Бреста», 24.11.19). В заголовке статьи *«We are the champions»* присутствует отсылка как к названию известной песни. Речь в статье идет о победе футбольной команды «Динамо» Брест в матче с футбольной командой из Витебска. Поэтапно описывая трудный, напряженный матч и настроение зрителей, автор использует ряд прецедентных феноменов: *«В команде нет коренных брестчан, но игроки кто за год, кто за два сроднились с городом, стали брестчанами по сути. Потому что любовь творит чудеса...»* (стихотворение «любовь творит чудеса» Е.Л. Борисова); *«Звезды сходились на сегодня: лучший шанс разделить счастье со своими зрителями»*, (А. П. Чехов «Дядя Ваня»); *«Без Кисляка сегодняшнее «Динамо» - вообще полки без связи...»* («Слово о полку Игореве»); *«По финальному свистку на поле хлынули зрители....в считанные минуты центр заполнился ликующим народом. А над стадионом полился «День Победы»* (песня «День Победы»); *«А потом ворвались футболисты и окатили всех из громадных бутылей шампанского с чемпионской надписью. И я там был, пить не пил...»* (А.С.Пушкин «Сказка о мертвой царевне»). Как видно из примеров, используемые в медиатексте прецедентные феномены гармонируют между собой, обладают однотипными свойствами, обеспечивая тем самым стилистическое единство статьи.

Результаты анализа свидетельствуют, что чаще всего прецедентные феномены в заголовочных конструкциях выступают не в каноническом виде, а в трансформированном виде. Существует многообразие классификаций изменения исходного текста, но мы примем за основу типологию Д. Б. Гудкова, предлагающего выделять следующие типы трансформации прецедентных феноменов, которые подтверждаются и нашими примерами: 1) *лексическое замещение*

(модификация); 2) усечение; 3) добавление (расширение лексического состава).

Статистические данные проведенного анализа свидетельствуют о том, что чаще всего прецедентные феномены выступают не в каноническом виде, а в трансформированном: 1) замещение (модификация); 2) усечение; 3) добавление (расширение лексического состава). Однако трансформации не ограничиваются изменением синтаксической структуры прецедентного текста. Для привлечения внимания к медиатексту автор использует трансформации на фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом уровнях.

В заголовках типа «*ОтпускCOV не вIDать. Надо ли возвращать деньги за курортный тур?*» («Вечерний Брест», 12.04.20), 2) *Брестский рок за ВечеRock!*; («Брестский курьер», 21.06.19); «*Остров «неВВезения». Что изменится на границе с 1 января?*» («Вечерний Брест», 17.11.18); *Футбол от Сарычева. Журавлиный «КРИГ» Итоги сезона глазами обозревателя «Вечерки»* («Вечерний Брест» 04.12.17); «*Динамо» сБРЕНДили*» («Вечерний Брест» 04.10.12) наблюдается трансформация на фонетическом уровне: добавление или замена звука приводит к изменению смысла целого высказывания.

Наиболее распространенный вид модификации – лексическая замена одного или нескольких ключевых слов на слова, связанные с ситуацией общения в медиатексте либо с предметом обсуждения. В результате замещения одной или двух лексических единиц на опорное слово актуализируются имплицитные смыслы. В качестве наглядной иллюстрации приведём ряд примеров: «*Старый зеленый друг лучше новых двух*» (ср.: пословица «Старый друг лучше новых двух»; «Брестский курьер», 21.06.19); «*Плакали березы и те равнодушные брестчане, кто видел, как их рубили*» (ср.: «Плакали ваши денежки» - слоган из кинофильма «Отпетые мошенницы»; «Брестский курьер», 27.06.19); «*Большая 20-ка*» (ср.: «Большая восьмерка»; «Вечерний Брест», 29.12.19); «*Аптечный спрут*» (ср.: «Спрут» - телевизионный фильм о борьбе итальянских правоохранительных и судебных органов с сицилийской мафией и коррупцией); «*Там, где лес шумит... Барановичскому лесхозу – 80 лет*» (ср.: песня «Там, где клен шумит...»); «*Окнаград - высокое качество окон ПВХ в Беларуси*» (ср.: «Петроград»; «Вечерний Брест», 21.12.19); «*Вот и сказочке конец: спустя 42 года сага о семье Скайуокеров завершает*

ся с выходном девятого эпизода» (ср.: «Вот и сказочки конец, а кто слушал - молодец»; «Заря», 25.12.2019); «**Мышиное королевство** и новогоднее настроение: ярмарки на Гоголя и Ленина принимают покупателей» (ср.: «Щелкунчик и мышинный король» - повесть-сказка Э.Т. Гофмана, «Вечерний Брест», 29.12.19); «**Все дороги ведут в пушу**» (ср.: Все дороги ведут в Рим, «Вечерний Брест»; 12.03.19); «**Письма счастья** завтрашнего дня» (ср.: песня «Птица счастья завтрашнего дня»; «**Факт тебе в руки!**» (ср.: устойчивое сочетание «флаг тебе в руки», «Вечерний Брест»; 04.12.12); «**Тафгай** по ним плачет» (ср.: цитата из книги «Емельян Пугачев. Книга третья» - «...тюрьма по тебе плачет»); «**Мрак** в конце туннеля» (ср.: фильм «Свет в конце туннеля», 15 «Вечерний Брест»; 15.12.10). Из приведённых примеров видно, что на игре слов построены главным образом заголовки медиатекстов. Словесная игра, являясь сверхэкономичным способом коммуникации, несёт в себе ассоциативную и коннотативную нагруженность, помогает раскрыть замысел статьи, направлена на привлечение внимания адресата.

Не менее распространенным способом изменения исходного прецедентного текста является его дополнение новыми словами, которые придают высказыванию совершенно иной смысл: «**Наши родные кут Сабали**» (о строительстве нового культурно-этнографического комплекса в Березовском районе); «**Быть «тунеядцем» или не быть...**» (о базе данных граждан, не участвующих в экономике страны); «**Лондон с высоты каблучков**» (о конкурсе «Top Model Worldwide 2015»). Вызывая в памяти знакомую ситуацию, прецедентный текст за счёт трансформации некоторых компонентов приводит к появлению новых смыслов, повышению экспрессивности заголовка.

В ряде случаев в процессе трансформации канонической формы остается только ритмическая структура прецедентного феномена: «**Двор, цветочница, шлагбаум...**» (ср.: А. Блок «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; «Брестский Курьер», 21.06.19). Восстанавливая в своем сознании ритмический строй исходного заглавия, адресат может легко может распознать, о каком именно прецедентном феномене идет речь. Ритмическая структура исходного текста рождает ассоциации с макроконтекстом претекста: событиями произведения, поступками, характером и проблемами героев, идейной нагрузкой и тональностью произведения.

В целях экономии речевых усилий, а также для реализации ряда коммуникативных целей говорящих возможно усечение «лишних» для конкретной коммуникативной ситуации компонентов. Усечение повышает выразительность заголовка медиатекста, наполняет его новыми смысловыми оттенками: *Над Пиной сгустятся «Зори». В пятницу полесский город Пинск торжественно вступит в статус культурной столицы республик.* (ср.: На всем дрожит твой профиль черный. И светит недовольный взор. На небе жизни с этих пор. Сгустится ль мрак, взойдут ли зори – стихотворение «Мрак» С.Андреевского).

В нетрансформированном виде названия фильмов, художественных произведений, цитаты употребляются значительно реже: *«Три кита медицины найдут «зону комфорта» в детской областной больнице»* (ср.: Три кита – фразеологизм), «Вечерний Брест», 29.12.19); *«Люди и манекены»* (название художественного фильма, «Вечерний Брест, 13.04.20); *«Футбол от Сарычева. На трибунах становится тише»* (название песни, «Вечерний Брест, 05.04.20); *«А зори здесь тихие»* (название книги Б.Л.Васильева); *«С моря ветер дул»* (название песни); *«Могучая кучка»* (творческое содружество русских композиторов); *«Она звалась Татьяной»* (А.С.Пушкин «Евгений Онегин»).

Отразим соотношение трансформированных прецедентных явлений в следующей таблице.

Прецедентные феномены	Канонические варианты	Трансформированные варианты
Ситуация	9	4
Имя	9	2
Текст	7	30
Высказывание	9	114
Артефакт	7	0
Смешанные	0	9
Всего	41	159

Таблица 3 Типы прецедентных феноменов и их количественная репрезентация в медиатекстах

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод о том, в целом, прецедентные явления в региональных изданиях употребляются в трансформированном виде. Наиболее подвержены трансформации прецедентные высказывания и тексты, а наименее - артефакты, ситуации и имена.

Кроме того, нами было установлено, что прецедентные явления в сетевом медиадискурсе имеют нелинейный характер в том смысле, что электронный канал позволяет использовать знаки разных семиотических систем: вербальные и невербальные. Взаимосвязь знаков разной модальности переходит в иное качество, различие кодов позволяет распределять сведения и смысловые компоненты между вербальным и невербальными форматами.

Являясь носителями новой информации, невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное понимание заложенной информации в медиатексте становится невозможным без декодирования невербальных средств. Заголовочная конструкция «*Какие права есть у пассажира такси?*» («Вечерний Брест», 23.10.19) сопровождается визуальным образом «Лже-таксиста» Михала Иваныча из кинофильма «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая. Визуальное использование прецедентной ситуации воспроизводит в сознании адресата образ героя фильма, который везёт непонятно куда, попутчиков не берёт, вид у него бандитский, на руке наколка. В данном случае происходит апелляция к правилам пассажироперевозок.

Представленная в медиатекстах невербальная составляющая в ряде случаев служит не только визуальным ориентиром и связующим звеном между заголовком и различными слоями вербальной составляющей, но и доминантным средством, раскрывающим имплицитную информацию. Так, заголовок *We are the champions* («Вечерний Брест», 24.11.19) вне визуального контекста может быть неправильно интерпретирован. Наличие невербальной составляющей (изображение ликующих болельщиков на трибунах Брестского стадиона) задает правильный вектор общего понимания медиатекста. Еще одним ярким примером может служить заголовок *В бой идут одни старики* («Вечерний Брест», 04.03.20). Фотографии спортивного матча с участием знаменитых спортсменов-футболистов помогает правильно декодировать заголовок медиатекста.

В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в коммуникативной организации содержания. Основные признаки доминантности - высокая частотность, разнообразие, развернутость и рассредоточенность по различным частям текста. Дополнительные признаки доминантных моделей - применение не только традиционных, но и ярких индивидуально-авторских образов, реализация соответствующих имен в наиболее сильных позициях текста (заголовок, первая и последняя фразы текста в целом и - в меньшей степени - его структурно-композиционных частей, шрифтовые выделения и др.).

Таким образом, анализ прецедентных феноменов, используемых в региональных медиатекстах позволил сделать следующие выводы:

1. Региональный медиадискурс представляет особую разновидность медиадискурса, семантико-стилистическая специфика которой обусловлена комплексом экстралингвистических факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Весь корпус медиаречи является важнейшим компонентом современной культуры, а медиатексты насыщены национально и культурно-специфическими элементами, включая прецедентные феномены и ситуации.

2. В современных региональных медиатекстах массовой коммуникации активно используются специальные средства, направленные на акцентирование прецедентных феноменов в составе текста. К числу таких средств относится повышенная частотность использования, наличие определенной системы прецедентных единиц, использование прецедентных феноменов в сильной позиции (заголовок, первая и последняя фразы текста и др.).

3. Прецедентные феномены широко используются в заголовочных комплексах региональных СМИ, в основном, в трансформированном виде. В каноническом виде они встречаются в менее трети случаев. Процессы трансформации прецедентных феноменов в заголовочных комплексах затрагивают все языковые уровни, начиная с фонетического и заканчивая более высокими и сложными уровнями языка, при которых меняется лексическое значение слова, его принадлежность к определенной части речи и синтаксическая роль.

Способами трансформации при этом выступают замещение, добавление и усечение либо их комбинация.

4. Прецедентные феномены выступают как определенная доминанта массмедийного дискурса. Их применение в заголовочном комплексе актуализирует не столько сам текст публицистической статьи, сколько представление о нем в виде минимизированного варианта текста, с заранее заданной интерпретацией и оценкой. Попадая в поле восприятия читателя издания, прецедентный феномен обновляет и приумножает свой изначальный смысл, расширяет и обогащает созданное культурой смысловое пространство, что создает новые смысловые эффекты.

РАЗДЕЛ 3

КОНЦЕПТЫ КАК МЕНТЕФАКТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА БРЕСТЧИНЫ

3.1. Концепт: определение понятия

Характерной особенностью современной лингвистики является исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием, познанием окружающей действительности и его практической деятельностью. На первый план выдвигается изучение языка с учетом языковой личности. Язык уже не рассматривается изолированно в «самом себе», он предстает, как справедливо указывает В.А. Маслова, в новой парадигме с позиции участия в познавательной деятельности человека (Маслова, 2011).

Являясь «вербальной сокровищницей нации, язык выступает средством передачи мысли, которую он «упаковывает» в некую языковую структуру» (Маслова, 2011, с.4). В этой связи выявляется особая значимость проблемы соотношения языка и мышления, решаемая в современной лингвистике в статусе разных научных направлений, предполагающих выявление основных закономерностей образования абстрактных концептов, имеющих репрезентацию в семантических пространствах различных языков.

Знания людей об объективной действительности организованы в виде *концептов*, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Поэтому концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания.

Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности. Человек живет не столько в мире предметов и вещей, сколько в мире концептов, созданных им для своих интеллектуальных, духовных и социальных потребностей.

На протяжении последних десятилетий в отечественной и зарубежной лингвистической науке наблюдается повышенный интерес к изучению концептов. Столь частое обращение к концепту объясняет-

ся, прежде всего, тем, что наука на современном этапе стремится пояснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации.

Анализ теоретической литературы позволяет заключить, что большинство отечественных исследователей отмечают незаменимую роль, которую концепт играет в процессе категоризации и концептуализации окружающего мира. Выделим основные направления изучения концептов на современном этапе:

- *логико-лингвистическое* (Р. И. Павиленис, 1983; Н. Д. Арутюнова, 1988, 1999; С. Е. Никитина, 1991; Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, 2000 и др.);
- *лингвокогнитивное* (А. П. Бабушкин, 1996; Е. С. Кубрякова, 1997; Н. Н. Болдырев, 2001 и др.);
- *психолингвистическое* (В.А. Пищальникова, 1993; А. А. Залевская, 2001, 2005; Н.В. Уфимцева, 2004; Р. М. Фрумкина, 2008 и др.);
- *лингвокультурологическое* (Ю. С. Степанов, 1997; А. Вежбицкая, 1999; З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2001; В. И. Карасик, 2001; С. Г. Воркачев, 2001; Г. Г. Слышкин, 2004; М. В. Пименова, 2004; В. А. Маслова, 2007 и др.). Рассмотрим основные положения каждого из направлений.

Так, в рамках *лингвокультурологического* направления В.Н. Телия рассматривает «концепт», как «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» (Телия, 1996, с. 97). Концепт представляет собой значимую категорию наиболее высокой степени абстракции, включающую в себя отдельные значения конкретизации общей семантики. Кроме того, В.Н. Телия подчеркивает, что концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип».

В свете *антропоцентрической* парадигмы концепт рассматривается М.В. Пименовой как некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами (Пименова, 2001). Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах соче-

таний соответствующих языковых единиц - репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры».

По мнению Ю.С. Степанова, который внес значительный вклад в разработку *моделей концептов*, концепт можно трактовать как «сгусток культуры в сознании человека»; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (Степанов, 2007).

Определяя концепт как «условно-ментальную единицу», Г.Г. Слышкин выделяет в нем, прежде всего, примат целостного отношения к отображаемому объекту. Формирование концепта представлено им как процесс соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т. д. (Слышкин, 2000, с. 34).

Сторонники *когнитивного* подхода относят концепт к явлениям ментального характера. Согласно Е.С. Кубряковой, концепт - это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга., всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова, 2004).

В. В. Красных пишет что исследования, проводимые в рамках *когнитивной лингвистики*, ясно показывают, что концепт тесно связан с ассоциативным пространством (полем) имени, в нем проявляясь. Ассоциативная организация связей в простейшей форме репрезентирует одну из моделей хранения знаний в памяти человека, она мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании. С каждым узлом семантических сетей в долговременной памяти человека связаны сведения, ассоциативно с ним вместе возбуждаемые, следовательно, при определении (установлении) места какого-либо понятия из долговременной памяти одновременно «вытаскиваются» все известные сведения и факты, с данным понятием связанные.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин понимают лингвокультурный концепт как многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом (Карасик, 2004). Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые - периферию. Четких границ, по их мнению, концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта.

Таким образом, лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей.

По мнению Н.Н. Болдырева концепты конструируют наше знание о живых существах и объектах, являются «базовой когнитивной сущностью», позволяющей связать мысль со словом, которое мы употребляем, и с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации (Болдырев, 2014).

Как видно из приведенных трактовок, мнения многих ученых совпадают в том, что концепт является сложным многоуровневым по своему строению явлением. Говоря о сложной структуре, Ю.С. Степанов подчеркивает, что «с одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия ..., с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры - исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» (Степанов, 2007).

Описывая структуру концепта Н.Н. Болдырев, подчеркивает, что она имеет вид гештальта, при этом ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, являющиеся результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Далее Н.Н. Болдырев пишет, что производными являются абстрактные признаки, они

отражают знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания. Взаиморасположение этих признаков носит индивидуальный характер, это зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Не имея жесткой структуры, объем концепта постоянно увеличивается за счет новых концептуальных характеристик. В структуре концепта выделяются общенациональный компонент и групповые компоненты, региональные (локальные), индивидуальные (Болдырев, 2014).

Обобщая различные подходы к определению термина концепт, В. А. Маслова в работе «Введение в когнитивную лингвистику» (2011) определяет его как «образ, единицу ментального мира, вбирающую в себя какой-то социальный опыт человека и его эмоциональные ощущения». В.А. Маслова выделяет следующие инвариантные признаки: 1) являясь минимальной единицей человеческого опыта, концепт вербализуется посредством слова и имеет полевую структуру; 2) концепт выступает в качестве основной единицы обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет «подвижные границы и конкретные функции»; 4) концепт социален; 5) концепт выступает в качестве основной ячейки культуры» (Маслова 2011).

3.2 Концепт «Беловежская пуша»: визуальная поэзия vs туристический продукт интернет-дискурса

Экстраполируя идеи выдающихся ученых и преломляя их на наш исследуемый материал, считаем целесообразным говорить о существовании *регионального культурного концепта*.

Итак, как же хранится концепт в сознании представителя региональной лингвокультуры? Как функционирует и каким образом представлены ядерные и околождерные семы, периферийная зона отдельно взятых региональных концептов? Зависит ли архитектура регионального концепта в зависимости от ситуации его погружения в конкретный текст, конкретную ситуацию общения? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо остановиться на определенных взглядах, изложенных в трудах Ю.С. Степанова, Т. Ван Дейка, В.А. Масловой, А. Вежбицкой, В.И. Карасика, М.В. Пименовой, Г.Г. Слышкина, В.В. Красных и др...

Так, В.В. Красных пишет, что изучение концепта в рамках определенных культурно-исторических условий невозможно без обращения к языковому наследию разных уровней, в том числе к дискурсивному пространству, в котором реализуется концепт (Красных, 2003).

Как отмечает В.А. Маслова, концепт включает понятие, но не исчерпывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное, отражающие представление носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем многообразии его ассоциативных связей. Концепт вбирает в себя значения многих лексических единиц. В концептах аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности, а сам концепт реализуется не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, дискурсе, тексте (Маслова, 2011, с.72).

На роль анализа дискурса при рассмотрении культурно-значимых концептов указывают и В.И. Карасик и А. Вежбицкая, подчеркивая, что при анализе ценностно-значимых текстов происходит моделирование культурных концептов, благодаря чему можно установить этноспецифичную картину мира (Карасик, 2004, с. 135); культурные сценарии, отражающие ценности, присущие той или иной культуре, формируются на основе тех или иных культурных норм, которые лежат в основе характерного для общества вида взаимодействия (Вежбицкая, 1999).

По справедливому утверждению Ю.С. Степанова, дискурс существует в текстах, за которыми встает «определенная грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика - в конечном счете - особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет.

По мнению Т. ван Дейка, дискурс рассматривается как речевое произведение во всей полноте своего выражения (вербального и невербального, паралингвистического) и устремления с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия (Дейк 1989). Дискурс определяется как вербализованная речемыслительная деятельность, обладающая собственно лингвистическим и экстралингвистическим планами. В результате он не только отражает

акт создания текста, но и зависимость создаваемого речевого произведения от определенного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста. Дискурс тем самым выходит за рамки вербального, а текст выступает в качестве его единицы.

Таким образом, с учетом вышесказанного можно предположить, что в рамках одного национально-лингвокультурного пространства концепт может быть представлен в разных видах дискурсивной практики. Использование концепта в разных типах дискурса, по всей видимости, даёт основание говорить о его вариабельности, а если точнее – об определённой нестабильности периферийной части этого понятия. Изменчивость концепта, однако, не исключает наличия в них неких универсальных структур, служащих мостиками между знанием, сознанием и человеческой культурой.

Для исследования дискурсивного пространства концепта «Белоужская пуща», нами выбраны *художественный* (поэтический и прозаический) и *интернет дискурсы*, а также *региональная прагматика*. В основе нашего исследования на первый план выдвигается установление и описание слоистой структуры регионального культурного концепта в рамках междисциплинарного подхода. Знаковым в этой связи является анализ вербальных и невербальных средств реализации концепта. В данном случае без преувеличения можно сказать, что основные положения семиотики значительно дополняют реконструкцию исследуемого нами концепта.

Известно, что динамичное развитие традиционных способов (вербальный текст) представления информации в различных дискурсивных практиках, глобализация мирового информационного пространства оказывают влияние на способ и процесс передачи информации. Сочетая в себе статичное и динамичное изображение, интернет площадка составляют единый «семиотический ансамбль». Этот ансамбль состоит из знаков разных семиотических систем, преобразуемых средствами фиксации. Соответственно репрезентация концептов меняет свой гомогенный характер на поликодовый, в котором все чаще неотъемлемым элементом текстообразования становится изображение, создающее в синтезе с вербальным элементом одно структурное и смысловое целое. Таким образом, такой намеренный выбор

дискурсивных практик позволит проанализировать разные способы презентации регионального ментефакта в семиотическом континууме.

Вслед за В.А. Масловой, мы полагаем, что любой концепт культуры, каким является концепт «Беловежская пуца», целесообразно изучать в большей степени на материале текстов, чем словарей. Концепты, как языковая данность и составляющие национальной картины мира формируются на основе конкретно определенных архетипических идей, которые определяют восприятие и мышление. В то же самое время, культурная среда на разных исторических этапах корректирует мысленный прообраз, наполняя его тем или иным специфическим содержанием. В художественном дискурсе образы и оценки отражают образнословесный строй художественного текста, отсылая адресата к коллективному бессознательному, части ментальности этноса.

С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках. Поэтический дискурс - это взаимодействие составляющих «автор - текст» и «читатель - текст», в котором текст является звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуциента и репициента в гетерогенное целое поэтического дискурса.

Поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у неподготовленного читателя, «погруженного» в современный поэтический дискурс, появляется возможность ее множественной интерпретации; при этом у читателя возникает навязчивое ощущение непонимания, странности, неестественности, парадоксальности – в целом культурного шока, – что зачастую приводит к неприятию и отторжению модели мира, представленной в современном поэтическом дискурсе.

Всякий дискурс есть код, а поэтический дискурс тем более. Процесс восприятия читателем поэтического дискурса включает декодирование его лингвистической и экстралингвистической составляющих. При этом читатель не только декодирует поэтические тексты, но и извлекает смыслы, не предполагавшиеся автором, что обусловлено множественным комплексом факторов. Поэтический дискурс - это сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов,

образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств.

Поэтический текст как коммуникативное событие, являясь единицей поэтического дискурса, существует в особой дискурсивной среде - интегративном образовании, системном субстрате, в котором происходят процессы реального речепроизводства. Поэтическая среда – это особое дискурсивное пространство – сфера памяти. Возникшие в этом особом пространстве поэтические тексты существуют как объекты поэтической культуры, к которой они тяготеют и которой определяется их ценностно-смысловая сущность.

Наши наблюдения показывают, что в поэтическом дискурсе концепт «Беловежская пуца» предстает как единица художественного смысла, связанная с индивидуально-авторским осмыслением и образным представлением Беловежской пуцы. Главной структурной особенностью концепта «Беловежская пуца» в поэтическом дискурсе является его многокомпонентная или послойная организация. Вслед за многими исследователями мы считаем, что концепт «поэтического типа» имеет многокомпонентную структуру, организованную по принципу поля, а его содержание и структура может быть выявлена через анализ структуры и семантики языковых компонентов, составляющих семантическое пространство концепта.

Материалом исследования послужили поэтические тексты, составляющие творческое наследие Н. Добронравова «Беловежская пуца», Т. Буланчиковой цикл «Беловежская осень» («Октябрь», «Сентябрь», «Березка», «Осенняя быль», «Моя любимая пора», «Осенние аналогии», «Месяц понурый осенний», «Поздняя осень», «Мне осень голову вскружила», «Погожая ранняя осень», «Пышный лес меняет краски», П. Ладохо «Беловежская пуца», А. Светина «В Беловежскую Пуцу летели русский, немец...», Г. Драка «Белавежская пушча», В. Малініч «Белавежская пушча», А. Николаенко «Беловежская пуца», В. Милош «Стихи о Беловежской пуце, зубрах и природе». Всего авторская картотека включает 37 стихотворений, посвященных Беловежской пуце. Исследование прозаических произведений производилось на основе монографии известного летописца Беловежской пуцы Г.П. Карцова, сборника научных статей «Беловежская пуца» изда-

тельства Альтернатива, г. Брест (2017), М. В. Семакова «Были и легенды Беловежской пуши», фрагментов из книги М. В. Семакова и В. Риппергера «Мечта о первобытном лесе». Все материалы находятся в открытом доступе регионального интернет-пространства.

Исследование концепта «Беловежская пуца» проходило в несколько этапов: 1) анализ концепта в рамках регионального дискурсивного пространства (на материале прозаических и поэтических произведений), в интернет-дискурсе: характеристика особого статуса концепта; концепта в качестве эргонима; 2) описание структуры концепта в рамках трех составляющих, понятийной, образной и ценностной; 3) анализ этнокультурной специфики концепта.

На первом этапе нами: 1) выбраны прозаические и поэтические произведения, описывающие Беловежскую пуцу; 2) составлена картотека контекстов, в которых реализуется лексема *пуца*; 3) рассмотрена лексическая сочетаемость ключевого слова; 4) проанализированы слова-репрезентанты концепта; 5) путем сплошной выборки составлена картотека товаров, в которых реализуется лексема Беловежская пуца в прагматическом материале; 7) обозначены основные характеристики статуса туристического продукта «Беловежская пуца» в дискурсивном пространстве веб-страницы; 8) выявлена этнокультурная специфика концепта.

Второй этап позволил реконструировать структуру концепта: 1) при изучении понятийной составляющей: - описана этимология ключевого имени концепта; - выделены значения лексемы пуца на материале энциклопедических и лексикографических словарей; - рассмотрены основные природно-географические характеристики, определяющие уникальный статус Беловежской пуши; - проанализированы синонимы ключевой лексемы. 2) изучена образная составляющая концепта; 3) проанализирована ценностная составляющая концепта.

Для изучения концепта необходимо, прежде всего, произвести анализ **понятийной составляющей**, под которой понимается языковая составляющая концепта, его дефиниции в лексикографических источниках. Для выяснения основного значения концепта «Беловежская пуца» мы обратились к лексикографическим источникам. В словаре под ред. Н.Д. Ушакова (1940) дано следующее определение:

ПУЩА, пущи, ж. Густой, непроходимый лес, лесная заросль. В Беловежской пуце водились зубры.

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова (1998) читаем: *пуща определяется как густой, труднопроходимый лес; чаща.* Заповедная пуща. / Крупный лесной массив. Беловежская пуща. В толковом словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой (2001) находим следующую дефиницию: *ПУЩА, пуща ж. Обширный, густой, труднопроходимый лес.* Следующим этапом нашего исследования является обращение к данным словарей синонимов. «Словарь синонимов русского языка» В. Н. Тришина (2011) выделяет такие синонимы лексемы пуща, как: *сущ., кол-во синонимов 6: лес, чаща, гуща, дубрава, чащоба, дебри.* Таким образом, в содержание концепта пуща лексикографы выделяют следующий смысл: *густой, непроходимый лес, чаща.*

Этимологический анализ концепта раскрывает внутреннюю форму концепта, представляющую особый интерес для исследователей. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (1973) пуща это «*густой, непроходимый лес*», зап., южн., укр. *пу́ща* - то же, др.-русск. *пуща* «*пустынное место*», чеш. *roušt'* ж. «*глухое, пустынное место*», слвц. *rušt'*, польск. *puszcza* «*бор; дремучий лес*». Из **rustja*, связанного с *пустой*. Пуща. В «Этимологическом словаре русского языка» Г.А. Крылова это слово, называющее дикие, непроходимые леса, образовано от *пусть* – «*пустой*»; буквально – «*запущенный; лес, в котором не ступала нога человека*». В настоящее время слово пуща уже не имеет такого значения: Беловежская пуща – место достаточно обжитое.

Для анализа понятийной составляющей рассматриваемого концепта, на наш взгляд, необходимо обращение и к истории исследования природного объекта и выделению его основных отличительных природных характеристик. По данным, представленным в региональном дискурсивном пространстве: 1) *Беловежская пуща представляет собой один из крупнейших лесных массивов равнинной Европы, который сохранился в относительно ненарушенном состоянии до нашего времени. Его территория разделена государственной границей на две части – белорусскую и польскую. В белорусской части пущи и на прилегающих к ней территориях в настоящее время создано Государственное природоохранное учреждение «Национальный парк «Бе-*

*ловежская пуца». Протяженность национального парка с севера на юг более 60, а с запада на восток – от 10 до 50 км. Он занимает площадь 163 505 га и расположен в пределах Гродненской и Брестской областей (Виртуальный Брест, 2015); 2) Беловежская пуца **уникальный лес**, один из немногих оставшихся на Земле практически в нетронutom состоянии. В том, что пуца сохранила свой **первобытный облик**, неповторимую красоту и величие, заслуга изучающих и населяющих ее людей (Г.П. Карцов монография «Беловежская пуца», 1903).*

Первые письменные упоминания о Беловежской пуце датируются 983 годом. В конце XIV века великий князь Великого княжества Литовского Ягайло объявил пуцу заповедной и установил здесь запрет на охоту. В 1588 г. был издан Лесной устав, запрещающий здесь также рубку леса. С 1795 г. территория Беловежской пуцы вошла в состав Российской империи, после Первой мировой войны – Польши, с 1939 г. входит в состав Беларуси. Все крупные войны, проходившие на территории этих государств, наносили значительный урон заповедному лесу. Особенно он пострадал во время Наполеоновских войн, а также Первой и Второй мировых войн.

В 1939 г. Беловежская пуца объявлена государственным заповедником, а в 1945 г. часть ее была передана соседней Польше. Национальный парк «Беловежская пуца» вошел в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 1992 году. В 1993 году он получил статус биосферного заповедника.

Таким образом, понятийная составляющая концепта «Беловежская пуца»:

- 1) лексикографические данные: *густой, непроходимый лес, чаща;*
- 2) этимологические данные: *запущенный; лес, в котором не ступала нога человека;*
- 3) природно-географические данные: *крупнейших лесных массивов, уникальный лес, первобытное место.*

Образная составляющая концепта исторически предшествует понятийной. Она связана со способом познания действительности и, в отличие от понятийной, не всегда полностью поддается рефлексии.

Образная составляющая рассматриваемого концепта отражает чувственные представления людей о Беловежской пушце, выраженные в языке посредством коннотаций и метафорического переноса. В.Н. Телия указывает на то, что человеку свойственны соизмерение окружающей действительности с эталонами и стереотипами, выработанными в «личностном тезаурусе» носителя национально-языковой культуры. Образно-ассоциативные комплексы основаны на аналогии – когнитивной операции, которая вовлекает в интеракцию субъекта метафоры и ее гетерогенные объекты (Телия, 1988). Наличие яркого, запоминающегося признака, приписываемого денотату массовым обыденным сознанием, создает предпосылки для метафоризации топонима.

В ходе исследования установлено, что в поэтических произведениях для описания ядерной лексемы *пушца* авторы используют ряд языковых единиц, создающих художественно специфичный и эмоционально насыщенный образ.

В большинстве случаев Беловежская пушца описывается как:

- 1) **край** – «древний сказочный **край**, нам былины поющий» (С. Таллако сонет «Беловежская пушца»); «**край** дивной, нежной красоты», (Л. Ткаченко «Беловежская пушца»); «уголок наш прекрасный и чудесный – **край**» (П. Ладохо «Беловежская пушца»);
- 2) **мир** – «нетронутый, девственный **мир**» (А. Волков «Беловежская пушца. Деревья любви»); **мир** заветный, как прежде, за сердце берущий» (С. Таллако сонет «Беловежская пушца»);
- 3) **царство** – «сказочный лес... Тут у самой границы, глядя прямо нам в лица, охраняют спокойно своё **царство** зубры» (В.Аксенов «Беловежская пушца»);
- 4) **чудо** - «Пушца Беловежская – **чудо**» (Л. Ткаченко «Беловежская пушца»);
- 5) **сказки** – «Беловежская пушца... .. **сказки Пушкина**» (Л. Ткаченко «Беловежская пушца»);
- 6) **напев** – «заповедный **напев**, заповедная даль», «**Отчизна моя**» (Н. Добронравов);
- 7) **рай** – «брожу по осеннему **раю**» (Т. Буланчикова);
- 8) **смарагд** – «Пушца – **смарагд** у зялёным вянку нашага роднага мірнага краю» (В. Малинич «Беловежская пушца»);

9) **Вялікая кніга** – «Белавежская пушча – **Вялікая кніга**», «Пушча – **каштоўнасць, казка**», «Белавежская пушча - **святая старонка** у кнізе *цудаў маёй беларускай зямлі*» (В. Милош «Стихи о Беловежской пушце, зубрах и природе»);

10) **приют** – «*неразгаданных снов, грусти вечный приют, заколыханных слов колыбельная гуца*» (С. Радко);

11) **лес** – «*Какой дремучий лес! Я не удивлюсь, если сейчас из него выйдет сам старик Леший или Баба Яга*» (Т. Домаренок «Беловежская пушча. 3-е путешествие Ворона»);

12) **Отчизна** – «*Здесь Отчизна моя, всё родное вокруг*» (Л.И.Зуборев «Беловежская пушча»).

Как видно из примеров, параллельные именованья Беловежской пушцы создают концептуальные характеристики величия и сказочности, уникальности и святости.

Образное познание имеет своим результатом наглядное чувственное представление (мысленную картинку, звуковой образ). Это *зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые*, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. То есть образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей, а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами. Первичный эмпирический образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования, знаком все более усложняющегося по мере его осмысления многомерного концепта.

Прежде всего в плане **образной составляющей** концепт «Беловежская пушча» ассоциируется с известным стихотворением Н.Н. Добронравова «Беловежская пушча», ставшего одним из неофициальных символов Белоруссии. Музыку к нему позже написала Александра Пахмутова.

Беловежская пуца

Заповедный напев, заповедная даль.
Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий.
Мне понятна твоя вековая печаль,
Беловежская пуца, Беловежская пуца.

Здесь забытый давно наш родительский кров,
И, услышав порой голос предков зовущий,
Серой птицей лесной из далеких веков
Я к тебе прилетаю, Беловежская пуца.

Многолетних дубов величаявая статья.
Остров - ландыш, в тени чей-то клад стерегущий...
Дети зубров твоих не хотят вымирать,
Беловежская пуца, Беловежская пуца.

Неприметной тропой пробираюсь к ручью,
Где трава высока, там где заросли гуще.
Как олени с колен, пью святую твою
Родниковую правду, Беловежская пуца.

У высоких берез свое сердце согрев,
Унесу я с собой, в утешенье живущим,
Твой заветный напев, чудотворный напев,
Беловежская пуца, Беловежская пуца.

Очевидно, что *заповедный напев, заповедная даль* являются доминантными образными словосочетаниями, ярко отражающими в сознании читателя всю картину окружающего мира. Описание манящей дали, которая чарует и обещает необыкновенные красоты поэтапно раскрывается в стихотворении: *заповедная даль это родительский кров, величаявая статья многолетних дубов, густые заросли с родниковой водой*. С целью усиления фонетической выразительности доминантных лексем автор намеренно подбирает слова определенной звуковой окраски, образуя своеобразную переключку звуков: [*ль, л'*] за-

поведная даль, заросли, хрустальной, печаль; [з] дети зубров, здесь зовущий, забытый, заветный, заповедный. Звуковое сближение слов-
посредством консонанса усиливает их образную значимость, что воз-
можно только в поэтическом тексте, где каждое слово выполняет
важную эстетическую роль.

Начиная свое произведение фрагментом из стихотворения Н.
Добронравого, А. Николаенко излагает свою точку зрения, демонст-
рируя свое видение мира, свои ассоциации, связанные с описанием
красот Беловежской пуши.

Беловежская пуша

*"Заповедный напев, заповедная даль
Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий
Мне понятна твоя вековая печаль
Беловежская пуша, Беловежская пуша..."*

Н. Добронравов

Я настрою струну на лирический лад.
Выпью грамм восемьсот. Или тыщу, что лучше!
Закушу ветерком и пойду наугад
По просторам твоим, Беловежская Пуша.

Здесь Отчизна моя, всё родное вокруг:
Эти пни и грибы, эти чащи и кущи...
Каждый встречный медведь, каждый дятел мне –
друг!
Я твой тонкий росток, Беловежская Пуша!

А дубы-колдуны что-то тихо поют.
Косят зайцы траву, горек хлеб их насыщенный!
Из поганых болот партизаны встают
И идут по тебе, Беловежская Пуша.

Припаду к роднику в такт хрустальным слезам,
И закат догорит надо мной, жадно пьющим...
В тёмно-сизой ночи прокричит партизан,
И – опять тишина. Как таинственна Пуща!

Я иду по росе, босы ноги мочу.
Всё живое вокруг бьётся в ритме влекущем.
Я такой же, как все! Я... ОСТАТЬСЯ ХОЧУ
На просторах твоих, Беловежская Пуща!

Белорусский и американский писатель Л. И. Зуборев в своей работе «Мелодия любви» представил авторский перевод стихотворения Н. Добронравово «Беловежская пуща».

Белавежская пушча

Запаветны напеў, запаветная даль.
Прада мной прадстае, толькі вочы заплюшчу.
У небе зоркі твае зіхацяць, як крышталь,
Белавежская пушча, Белавежская пушча.

Тут схаваны даўно скарб прадвечных дзядоў.
На спатканне імкнись, кліч Радзімы пачуўшы.
Шэрай птушкай лясной я з далёкіх краёў

Да цябе прылятаю, Белавежская пушча.
Верным сынам тваім да крыніцы прыйду.
Тут гушчар для зуброў - нібы райскія кушчы.
Як алени, з калень п'ю святую ваду,
Беларуская казка - Белавежская пушча!

Ад магутных дубоў, мужных велічных дрэў,
Дзе дзікі–вяпрукі жалуды свае лушчаць,
Панясу твой напеў, песняроў чысты спеў,
Беларуская казка - Белавежская пушча!

Автор сравнивает Беловежскую пушу со сказочной далью, наполненной хрустальным светом. Картины природы у Л.Зуборева воплощают глубокие раздумья о красоте родного края. Изображения и мысли сливаются в единый образ белорусской сказки.

Для П. Ладохо концепт «Беловежская пуца» прослеживается не только в названии стихотворения, но и в самом тексте, наполненном множественными перечислениями представителей флоры и фауны Беловежской пуши.

Беловежская пуца

Уголок наш прекрасный и чудесный – край,
Где бродят, рождаются и живут
Зубры, олени, лоси и дикие кабаны,
Как всегда, **зайцы с волками,**
Бегают **лисицы, куницы с белками.**
В водоёмах плавают **выдры, ондатры и бобры**
И, конечно **лебеди, чайки с утками,**
Плавают и **рыбки** под водой чистой,
Размножаясь **икринками** в зарослях камышовых.

В том уютном крае, тихом и просторном,
Растут **дубы** могучие, **сосны** и большие **ели.**
Белые **берёзы, ивы** голубые, **лиственные деревья**
невиданной красоты,
Между ними цветущие **поляны и луга,**
Где растут **лекарственные растения, травы и цветы.**

В пуше той сказочной рождаются и живут
Птицы певчие неповторимые –
Глухари и тетери, синицы, жаворонки,
Аисты белые – символы белорусской земли –
И много других птиц, всех не перечесть.
Край тот находится в центральной части Европы,
Между Украиной и Литвой с Латвией,
И также польскими и российскими землями.
А зовут тот край просто – Беловежской пушей на
Святой Белой Руси.

Смысл стихотворения прозрачен: это перечисление понятийных элементов об уникальности и массивности Беловежской пуши, объединенное в смысловое целое. В частности, первые строки «...уголок наш прекрасный и чудесный – край, где бродят, рождаются и живут...» композиционно обобщает целостное видение автора. Все лексические единицы, напоминающие документ информационного характера, четко раскрывают содержание ядерной лексической единицы *Беловежская пуша* на понятийном уровне. Таким образом, можно утверждать, что концепт автором описывается как набор признаков, необходимых и достаточных для включения его в логический класс пуша.

Известно, что восприятие тесно связано с языком и мышлением, а также с картиной мира. В современной когнитивной лингвистике сформировалось устойчивое представление о том, что, поскольку язык в своем строении, системных связях и основных своих категориях продуцируется процессами познания действительности, то именно в языковой системе как нельзя более тонко и дифференцированно отражается вся простота и сложность начального познавательного этапа, то есть познания чувственного – восприятия (перцепции). Органы восприятия и их функции представляют ту предметную область, которая, будучи лексически обозначена, составляет предмет изучения лингвистов, а лексические единицы, покрывающие этот участок внеязыковой действительности, принято называть перцептивной лексикой. Данная лексика образует в языке лексико-семантическое поле, объединённое семой «ощущение, восприятие» и состоящее из пяти частей, каждая из которых включает единицы, отражающие один из перцептивных модусов: *зрительный, слуховой, вкусовой, обонятельный, тактильный*. Анализ исследуемого материала показывает, что авторы, описывая Беловежскую пушу, активно используют ассоциативно-семантические поля. К числу признаков слов, они активно относят прилагательные, существительные, глаголы и наречия.

Использованная авторами в стихотворениях лексика ощущения, восприятия и чувственного представления репрезентирует особенности чувственного фрагмента языковой картины мира. Наиболее существенной чертой прилагательных является обозначение непроцессуальных признаков (качества, свойства отношения) предметов, наибо-

лее существенной чертой глаголов – обозначение процессуальных признаков (действий и состояний), наиболее существенной чертой наречий – обозначение признаков признака. Перцептивные свойства могут обозначаться также существительными абстрактной семантики (*вкус, запах, цвет*), которые в большинстве случаев являются дериватами прилагательных и глаголов.

Именно перцептивный образ Беловежской пуши представлен целым циклом стихотворений, посвященных *беловежским осенним мотивам* в творчестве Т. Буланчиковой. Доминантная лексема лес появляется у Т. Буланчиковой в пейзажных стихотворениях, изображающих реальные картины «осеннего» мира, реальную действительность. Автор умело словесно «рисует» это удивительное время, начиная с буйных красок погожей ранней осени до унылых, серых картин надвигающихся холодов и дождей.

В стихотворении «Погожая ранняя осень» Т. Буланчикова прекрасную пору как *осенний пушанский рай*, в котором цветные краски (лиловый, малахитовый, золотой) тесно переплелись с чудесными ароматами свежих яблок. В описании нетленной красоты осенней поры, присутствует некое наслаждение и благодать, она заполняет собою все вокруг, и луга, и сады, и людей.

ПОГОЖАЯ РАННЯЯ ОСЕНЬ

Погожая ранняя осень,
Лиловый туман над рекой,
Среди **малахитовых** сосен
Орешника куст **золотой**.

Пунцовые гроздья рябины
Клюют воробьи второпях.
Не стало пусть **сладкой** малины,
Досады нет в птичьих глазах.

Как **яблоко**, свежее утро,
Антоновки запах в садах,
Ранетки блестят **перламутром**
В прохладных рассвета слезах.

Брожу по осеннему раю,
Опавшей играя листвою.
Иные сады представляю
С иною **нетленной красой**.

В продолжение темы автор представляет красочный сентябрь как роскошную пору года:

СЕНТЯБРЬ

Какая **роскошная осень!**
Лет сто не бывало такой!
Каймой золотой оторочен
Березовый лес над рекой.

Над рощею воздух прозрачный,
Как горный блестящий хрусталь.
Все сложится в жизни удачно –
Сулит сентября пастораль.

Касается ласково солнце
Янтарной ладошкой людей.
Старик, как ребенок, смеется,
Смирясь с судьбою своей.

Луга и лесные поляны
Еще украшают цветы.
Хватает без майских тюльпанов
В осеннем саду красоты.

И кажутся розы душистей
Сейчас, чем июльской порой.
Рождение Девы Пречистой
Так празднует край мой родной.

Описывая осенний месяц октябрь, Т. Буланчикова, сравнивает эту пору с самой яркой порой осени - золотой осенью. Осенний лес по-

крыт живописной росписью. Блестит на солнце, переливаясь золотцем береза. Деревья в лесу пестрят красой золотой осени:

Как в **октябре** он **живописен!**
В богатом русском языке
Не нахожу впервые в жизни
Сравненья точного к строке.

Погожим днем он в это время
Палитрой цвета, красотой
Напоминает русский **терем**
С чудесной, древнею резьбой.

Здесь все знакомо и так ново:
Облекся в **бронзу** старый дуб...
И слово нужное готово
Уже слететь голубкой с губ.

Кругом березы **золотые**,
Рябин высокие **костры...**
Седмицы сердцу дорогие
Еще с девической поры.

Самый яркий и радостный из образов осени в соединении с поэтичным образом каждой строфы стихотворения дал возможность Т. Буланчиковой создать целую палитру осенних красок леса, который прежде чем погрузиться в долгий зимний сон, накидывают золотые одежды из стремительно желтеющих листьев. В унисон, как бы в продолжение темы *золотой осени*, звучат строки из других произведений автора:

Эта осень золотая
Опьянила разум мой!
Погребаю песни Рая
Под **медовою** листвой

(Т.Буланчикова «Мне осень голову вскружила»)
МОЯ ЛЮБИМАЯ ПОРА

Моя любимая пора
Ни дни весенние, ни лето,
А середина октября,
Когда леса в **парчу** одеты;

Когда опавшая листва
Шуршит напевно под ногами,
Кружится сладко голова,
И муза балует стихами.

Как видно из стихотворений смысловые наращивания в содержании концепта Беловежская пуца прослеживаются практически в каждом стихотворении. В таких контекстах лексема пуца манифестирует прежде всего образную параллель *осенний рай, русский терем с чудесной, древнею резьбой, сады с иною нетленной красотой*. Включение леса в эту оппозицию во многом перекликается с культурным видением его образа, соотносимого то с вечным и небесным, то со сказочным, преходящим и земным.

Традиционно поздняя осень считается скучным, грустным и печальным временем. Обычно в этот период льют бесконечные дожди, почти не выходит солнце, не поют птицы, дни выглядят серыми, начинает раньше темнеть. Деревья стоят уже совсем голые, листья облетели. Небо нависает низко серыми тучами. Кажется, сама природа грустит о том, что собран последний урожай, улетели последние птицы на юг, уходит последнее тепло. Есть стихи у Т. Буланчиковой, которые очень точно рисуют эту неприветливую картину:

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Обнажена ветрами даль
До синевы хрустальной,
Какая звонкая печаль
Во **вздохе осени прощальном!**

Какая грусть в глазах озер
И в **песне ивы** над рекою!
Невыносим садов укор
Нагих пред долгою зимою.

Угрюмо черные леса
На поле голое взирают,
Ворон картаво голоса
Морозы к ночи обещают.

Проходит все, но красота
К полям весною возвратится,
Стареют только навсегда
В земных печалях наши лица.

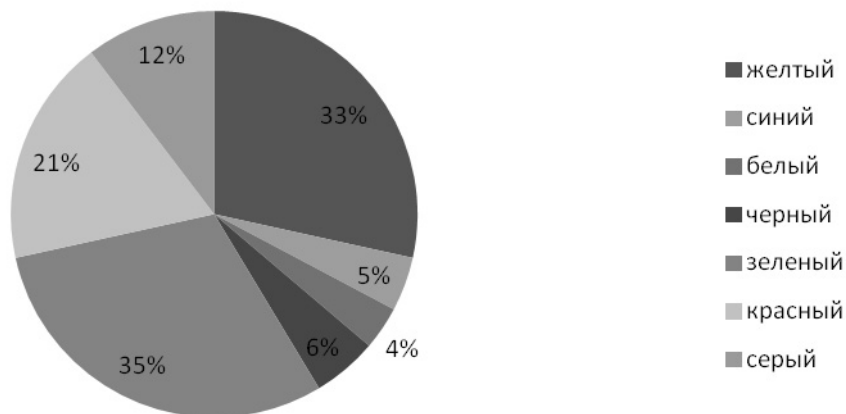
В стихотворениях Т. Буланчиковой все признаки концепта Беловежская пуца образуют своего рода сеть: каждый признак оказывается связанным с другим и подкрепляется им в своих конкретных реализациях. Через ядерные признаки «густой», «высокий», «бескрайний» пуца (лес) последовательно связывается с красотой (расцветом), а также со увяданием, характеризующейся печалью, серостью и грустью – все эти признаки входят в концепт Беловежская пуца. Картины поздней осени у автора воплощают глубокие, напряженные раздумья о жизни, смерти, мироздании. Через ассоциацию с жизненным циклом автор «включает» леса в общую картину мира.

Проведенный анализ показывает, что образное содержание концепта, представленного в приведенных стихотворениях, образует когнитивный образ: беловежская пуца – **живой организм**: а) зрительный образ леса: *«какая грусть в глазах озер», «угрюмо черные леса на поле голое взирают», «месяц понурый осенний», «сонмы тоскующих звезд»*; б) звуковой образ отмечает разный характер звуков, издаваемых лесом, например: *«какая звонкая печаль во вздохе осени прощальном, « ветер стучится тревожно, словно непрошенный гость», «грустные, тихие вздохи в старом саду за окном»*.

Не меньший интерес в исследовательском плане представляет собой цветовая палитра Беловежской пуцы, отображенная 7 основными цветовыми обозначениями, вербализованными в тексте посредством одноименных микрополей. В рамках каждого цветового микрополя используются сложные цветообозначения-прилагательные для тонкости передачи многочисленных оттенков и сочетаний. Благодаря этому удается достигнуть семантической полноты описания Беловежской пуцы.

В целях иллюстративной наглядности путем сплошной выборки мы выявили состав и структуру поля цвета в описании Беловежской пуши - оно включает 59 цветообозначений. Проведенный анализ позволяет выделить самые частотные колоративные микрополя: желтый – 15 (33%); синий – 3 (5%); белый – 2 (4%); черный – 3 (6%); зеленый – 16 (35%); красный - 12 (21%); серый – 6 (12%), которые представлены на схеме.

Колоративное поле концепта "Беловежская пуца"

Проведенный анализ показывает, что основным цветом для описания Беловежской пуши становится зеленый во всем многообразии своих оттенков («белоствольная *стать в изумрудном свеченье!*», «изумрудный рай», «малахитовые сосны», «*зелень вечных лесов*», «сочная *зеленая* листва», «*вся зелень, всё живое - влагой дышит*», «там - *заливные сочные луга, зелёные сады*»). Данный факт можно объяснить природными характеристиками Беловежской пуши. В славянской культуре зеленый ассоциируется с надеждой и радостью, уверенностью, природой, райем, изобилием, растительным миром.

Другие доминантные цвета (красный и желтый) также находят свое отражение и перекликаются с характерными значениями славянской культуры. Красный цвет – цвет праздника, роскоши, хорошего настроения. Так, в обрядовой деятельности и, в частности, в славянском костюме красный цвет был доминирующим. Красный на Руси всегда был синонимом слова красивый. Например, былинное «красна девица». Красна по причине того, что красный в одежде частое явление, ленты например, в волосах красного цвета. Сам жёлтый цвет считается цветом сакральным, даже могущественным. С жёлтым цветом граничит другой его оттенок – золотой. В славянской культуре он также является ключевым солнечным цветом. Красный цвет в произведениях авторов представлен всевозможными оттенками: «*мне осень голову вскружила дразнящей жгучей красотой*», «*пуницовые гроздья рябины*», «*по красной, бархатной дорожке вхожу в осенний, тихий лес*», «*рябин высокие костры*»....

В анализируемых произведениях очень часто встречается упоминание золотых красок: «*каймой золотой оторочен березовый лес над рекой*», «*любуюсь красой златокудрой березы*», «*эта осень золотая опьянила разум мой!*», «*под медовую листвою*», «*уходя, колыхну веткой желтой, склонюсь*», «*орешника куст золотой*», «*золотая осень*», «*облекая в бронзу старый дуб*», «*кругом березы золотые*», «*я чувствую дерзкую, рыжую осень*»). Ассоциативно можно обратиться к мифологическому представлению о Золотом веке, существовавшем в античном мире, о счастливом и беззаботном существовании человека.

Синий цвет и все его оттенки используются для описания воздуха, неба, воды («*в неге кружесв Полесья с синевой поднебесья*», «*в тёмно-сизой ночи*», «*лесное озеро сверкнёт стеклянной, тихой гладью*», «*хрустальная синева, лиловый туман, до синевы хрустальной свет хрустальной зари, свет, над миром встающий*»).

Цветонаименования серый и черный ассоциируются с грустью, печалью, увяданием. В лирике авторов они обычно характеризует месяц, ночь, сумерки, ненастный день («*месяц понурый осенний*», «*и в эти сумерки седые*», «*и даже в серый день ненастный*», «*пусть чаще дождик землю мочит из почерневших хмурых туч*»).

Апеллируя к обонянию, авторы намеренно используют перцептивную лексику перцептивного модуса «запах»: «*край дивной, неж-*

ной красоты, напоены там влагой тихие закаты, озёра, травы и **пахучие** цветы - неповторимо всё и пеньем птиц богато», «и много зарослей пекущей крапивы, и очень **нежно пахнет** мята», «именно в Беловежской Пуще можно вдохнуть не только **пьянящий аромат лесных трав**, но и поистине **колдовской запах минувших столетий**, побродив среди деревьев-великанов», «**сладкий запах прелых листьев**», «Вечер тихий, благодатны. Спит в ракитах ветерок. Воздух **пряный ароматный**, как фруктовый свежий сок».

В рамках исследуемого материала выделена также лексика перцептивного модуса «слух», с помощью которой авторы не только передают собственно слуховые ощущения, но и активно используется в метафорическом значении: «**разговор родников слушал в чаще олень**», «мне приснился **твой вздох**, в небо стаяей несущий **тишину твоих снов** в наступающий день, заповедное девство, клад предвечный живущим», «неповторимо всё и **пеньем птиц богато**», «и **звонят** колокольчики-цветы», «**лесные голоса там каждый слышит**», «**такие песни задушевные народ слагает!**, «неразгаданных снов, грусти вечный приют, **заколыханных слов колыбельная** гуща», «я напьюсь **тишины**, на минутку уснув, на ладонях твоих, Беловежская пуща», «**лося с дальних полян зов** разбудит, маня», «на твоих берегах, там, где росы звенят, я напьюсь **твоей правды**, Беловежская пуща», «когда опавшая листва **шуршит напевно под ногами**», «и в **созвучье аккордов с мягким шелестом трав**».

С помощью лексики перцептивного модуса «слух» авторы создают разную громкость звучания природы: *тишина–вздох–разговор–пенье–созвучье аккордов–звон*. Сенсорная оценка звучания в ряде случаев сочетается с цветовой гаммой и звукописью, образуя цельный образ природы. Приведенные примеры свидетельствуют о значительной роли глаголов целенаправленного восприятия в определении перцептивного модуса, выражаемого той или иной лексемой.

Метафора является результатом психологических ассоциаций (главным образом по сходству), вызываемых у людей предметами и явлениями внешнего мира. Метафора позволяет создать ёмкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных ассоциациях.

Перцептивная метафора, основанная на чувственно воспринимаемых признаках, является одной из характерных черт анализируемых

нами поэтических произведений и реализуется в двух разновидностях. В первом случае происходит перенос перцептивных свойств одного предмета на другой, который в реальности такими свойствами не обладает («в неге кружев Полесья с синевой поднебесья»). Второй разновидностью перцептивной метафоры в рекламном тексте является синестезийная метафора, основанная на переносе признака из одного перцептивного модуля в другой («яркий вкус погожей осени», «сверкнёт стеклянной, тихой гладью»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образная составляющая концепта беловежской пуши в поэзии представлена средствами, апеллирующими к эмоциональной сфере читателя, которые формируют зрительно-цветовые, объёмные, пространственные, звуковые, вкусовые и другие представления об описываемом объекте. Оригинальность и своеобразие использования концепта Беловежская пуца в произведениях художников слова во многом определяются индивидуально-личностными параметрами их творчества, своеобразием таланта, особенностями реального жизненного опыта.

Проведенный анализ показывает, что в прозаических текстах, в отличие от поэтических, представлены элементы и понятийной и образной составляющих концепта. Доказательством сказанному служат работы известного художника и литератора Георгия Карцова, который в своей работе «Беловежская пуца» обобщил известные и ставшие доступными лишь ему сведения о Беловежской пуце, начиная с древних времен до начала XX века. Таким образом, была создана уникальная летопись, рассказывающая об истории, фауне и флоре, климатических условиях этого древнейшего леса. Сам Г. Карцов считается лучшим летописцем Беловежской Пуши. Все его строки, написанные прекрасным литературным слогом, в которых объёмные законченные фразы говорят об объёмности мышления автора... *Беловежская Пуца представляет именно тот лес, где на протяжении пяти-десяти верст можно встретить бесчисленное количество **лесных пейзажей**, нисколько не похожих друг на друга и вместе с тем один другого красивее. При проезде по пуце не устаешь смотреть и восхищаться. Глубокое волнение невольно охватывает любителя природы при виде многовековых сосен и дубов; **мысли летят к старине**; среди **пуцанских великанов** есть немало таких, на которых в*

их молодом возрасте, быть может, останавливались взоры Батория и под тенью которых отдыхали на охотах Августы Саксонские.

Главное внимание в книге уделено описанию зубра – крупнейшего представителя беловежской фауны. Большое место в этом уникальном издании уделено историческому очерку, начиная с древнейших времен, с завоевания края русскими князьями и их борьбой с Литвой и заканчивая Высочайшими охотами российских императоров в XIX веке. Во второй части книги помещен исторический очерк о Беловежской пушце. Талантливые русские художники Н.С. Самокиш, В.П. Навозов, К.Я. Крыжицкий, Р.Ф. Френц, А.С. Хренов проиллюстрировали книгу. В разделе «Фауна Пушчи» дается не только самая обширная монография о зубре на то время, но и подробные описания других представителей фауны – лося, оленя, кабана, дикой козы, лани, или даниэли, как она названа в книге, и др.

Концепт «Беловежская пушца» в произведении Г. Карцова предстает как лес чудной красоты: *...сама **природа устроила** здесь эти **зелёные туннели**, которые нередко тянутся на целые вёрсты. В этих-то аллеях и встречаются самые разнообразные лесные породы: дуб, липа, ясень, клён, вяз и пр. Но всех краше является здесь **изумрудно-прозрачная, кудрявая, весёлая зелень граба**. Она-то и придаёт наибольшую прелесть этим аллеям.*

Автор с помощью многочисленных эпитетов и полных экспрессивной окраски сравнений создает неповторимый образ леса: *...только что кончится где-нибудь **зелёная аллея грабов**, как просека **выбегает** на открытую поляну. И вдруг перед вами **встаёт тёмная стена хвойного леса**, густо-непроницаемая, опушённая молодыми елями. Далее опять разнообразный смешанный лес на болотистом чернозёме. Если дорога идёт в гору, по песку, то по сторонам **бесконечной колоннадой встаёт** перед вами **мачтовый сосняк**. Такой лес однообразнее всех других, и хотя в пушце его ещё достаточно, но больших сплошных насаждений не особенно много.*

Как и в творчестве поэтов, в описаниях Г. Карцова Беловежская пушца связывается со смыслами образной параллели земное/сказочное, но трактуется при этом несколько иначе: *человеку никогда не бывавшему в Беловежской пушце трудно представить себе величавую прелесть первобытного леса*. В образе леса, являющегося принадлежно-

стью сказочного мира, актуализируются разнообразные признаки концепта Беловежская пуца. Так, признаки «красота», «форма», «цвет» обуславливают возможность леса быть частью сказки, иметь таинственный, мистический смысл.

Много полезных соображений о способах языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт») можно почерпнуть в современных работах по проблеме «язык и языковая картина мира», авторы которых, так или иначе, затрагивают вопросы специфики лингвокультурных концептов (Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин).

И.А. Стернин пишет, что к одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Можно использовать и невербальные средства для апелляции к определенным концептам. В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица может быть входом в разные концепты. Способы апелляции к одному и тому же концепту в различных культурах, как правило, различны, и это составляет основную трудность межкультурной коммуникации (Стернин, 2005, с.15).

В наши дни, когда со стремительной скоростью меняется все вокруг: сфера деятельности человека, его быт и окружение, мир еще больше «сжимается»: от нескольких часов полета «Конкорда» до нескольких секунд обмена репликами по электронной почте. Меняется мир - меняется человек, и, следовательно, не может не меняться репрезентация менетефактов как основных единиц культурного пространства. Наполняясь новыми красками концепты вбирают в себя новые векторы того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

В исследовательских целях, как уже упоминалось ранее, мы выбрали сравнительно новую дискурсивную формацию *дискурс веб-сайта*, жанровое своеобразие которого обусловлено использованием на одной коммуникативной площадке палитры публицистических, рекламных и PR-жанров.

Дискурс веб-страницы семиотически неоднороден, поскольку все процессы, связанные с передачей, хранением и переработкой информации о том или ином фрагменте мира, протекают в нем с использованием

разных знаковых систем. Одной из таких знаковых систем является естественный язык, выступающий по отношению к знакам других семиотических систем в качестве первичной знаковой системы.

Знаковая репрезентация различна как по сущности, так и по форме. Принципиальное различие между языковыми и неязыковыми знаками сводится к тому, что для восприятия линейного характера вербального текста и осознания содержащейся в нем ключевой мысли требуются определенные затраты времени и умственных усилий. Невербальные знаки, в частности, изображение, доступны восприятию любого адресата, который владеет системой кодов и смыслов, свойственных изобразительным традициям данной культуры, при этом невербальные знаки способны не только привлечь внимание адресата, но и передать большую часть заложенной в тексте информации без прочтения вербальной части. Однако полное декодирование заложенной информации возможно только посредством учета всех знаков, используемых в пространстве веб-страницы.

В пределах веб-страницы вербальные и невербальные знаки, или, иначе говоря, знаки разных семиотических систем, на наш взгляд, составляют не оппозицию, а многообразную совокупность, носящую характер семиотического континуума. Семиотический континуум, по словам Н.Б. Мечковской, по своей цельности сопоставим с эволюционным континуумом жизни, в котором, «подобно тому, как пространство живого – от амебы до человека – объединяется единством биологических законов, так и в семиотическом континууме – от релизеров и феромонов в биокоммуникации до естественного языка, искусств и компьютерных языков – на всем пространстве биологических и социальных семиотик действуют единые взаимозависимости между разными свойствами знаковых систем» (Мечковская, 2004, с. 392).

Для дальнейшего анализа за теоретическую базу примем основные положения семиотики, что позволит расширить границы анализа структуры концепта от чисто вербальных способов до семиотически осложненных, реализованных за счет многообразия кодов.

Используя семиотическую классификацию знаков, предложенную Ч.Пирсом, невербальные знаки в дискурсе веб-сайта можно разделим на три группы – иконы, индексы и символы. Напомним, что действие иконического знака основано на фактическом подобии означаемого

и означаемого. На фактической, реально существующей смежности означаемого и означаемого основано действие индекса. Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означаемого и означаемого. Ч.Пирс отмечает, что основа разделения знаков на иконические, индексы и символы базируется не на абсолютном наличии или отсутствии подобия или смежности между означающим и означаемым, а лишь на преобладании одного из этих факторов над другими.

Таким образом, *ядро* изучаемого нами концепта наряду с вербальными знаками образуют знаки иконы. Содержащиеся в гетерогенной структуре сайта парка блоки (история организации, историко-культурные ценности, наука, проекты, фото, видео галерея, анонсы проводимых мероприятий, виртуальные туры, продукция) разграничивают общий семиотический континуум. Отдельный блок представлен рубриками: вопрос-ответ и отзыв, где благодаря интерактивному общению посетитель веб-сайта может выразить свою точку зрения относительно данного объекта, влиять на мнение других и т.д..

Попадая на веб-страницу национального парка «Беловежская пуща», пользователь становится активным участником процесса: он может не просто получать понятийную семиотически осложненную информацию, а принимает решение о необходимости ознакомления с тем или иным материалом, а также имеет возможность выбрать подходящий вид информации (визуальная, интерактивная карта).

Возвращаясь к определению концепта в рамках когнитивной лингвистики, согласно которой концепт представляет собой парадигматическую структуру, выводимую из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте, мы полагаем, что сама канва текста веб-сайта определенным образом влияет на всю многослойную структурную репрезентацию концепта.

Наши наблюдения показывают, что большая часть *понятийной составляющей* представлена знаками разной модальности в виде гипертекстового пространства – *интерактивной карты*, которая с помощью статичных визуальных средств (цветовое решение, визуальные таксономические классы) в симбиозе с языковой составляющей наглядно представляет реликтовые деревья (белая пихта, дуб-

патриарх, сосну-долгожителя), вольеры, музей природы, въезд в пу-щу, гостиницы, кафе и т.д.).

В гипертекстовом пространстве веб-страницы национального парка «Беловежская пуца» между вербальным и невербальным компонентами понятийной составляющей прослеживаются различного рода корреляции, как в плане содержания, так и в плане композиции. Тесные синсемантические связи обуславливают смысловую целостность семиотически осложненной составляющей. Оба структурных компонента принимают равноправное участие в организации гипертекстового пространства интерактивной карты, взаимодействуя друг с другом, создают одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на информирование адресата.

Учитывая соотношение объема информации, передаваемой знаками разных семиотических систем, выделим три основные модели взаимодействия: *вербально-центрическую* (вербальный компонент является доминирующим), *изобразительно-центрическую* (изображению отводится ведущая роль, а вербальная часть практически отсутствует), *изовербальную* (иконический компонент выступает на «равных» с вербальным компонентом, передающим текстовую информацию).

Интерактивная карта как изовербальная модель позволяет выводить информацию по мере надобности пользователя. В отличие от простых статических карт, у каждого условного невербального знака на интерактивной карте есть не только его обычная информационная составляющая, но и скрытая (вербальная), выводящаяся по мере надобности. Интерактивная карта позволяет рассматривать более мелкие участки территории, но с углубленным подходом к информационной составляющей описываемых явлений. Такой подход дает возможность пользователю получить все интересующие его данные на месте, без дальнейших поисков. Таким образом, помимо больших организованных вербальных участков (синонимические ряды, лексико-семантические поля, лексико-фразеологические поля, лексикограмматические поля и т. п.) в репрезентации понятийной, образной и ценностной составляющих концепта «Беловежская пуца» участвуют знаки других семиотических систем.

В дополнении к интерактивной карте представлены одни из самых эффективных способов представления визуальной информации – изобразительно-центрические виртуальные туры инфраструктуры и гостиничных корпусов. Особого внимания заслуживает проект «Зубры Онлайн», благодаря которому наблюдать за зубрами в Беловежской пушке любой желающий может в режиме реального времени. Возможность видеть прямую трансляцию появилась благодаря проекту «Зубры Онлайн» региональной дирекции государственных лесов в Белостоке. Камера установлена на подкормочной площадке с польской стороны Беловежской пушки в лесничестве Бровск, сообщается на сайте национального парка «Беловежская пушка». Теперь каждый, открыв сайт проекта, сможет наблюдать за поведением зубров даже ночью. В тёмное время суток съёмка ведётся с включённой инфракрасной подсветкой.

Веб-сайт национального парка «Беловежская пушка» является визитной карточкой организации в интернет-пространстве, информируя потенциального потребителя о возможностях, услугах, событиях компании. Именно поэтому его можно рассматривать как инструмент имиджевой рекламы, журналистики и связей с общественностью, т. е. ., выполняя рекламно-информационную функцию, сайт обладает рядом характеристик и жанровых особенностей, свойственных различным формам массовой коммуникации.

Таким образом, мультимедийные ресурсы веб-сайта, сочетающие в себе знаки разных модальностей, позволяют представить Беловежскую пушку – не только как центр научных исследований, а еще и как важнейший объект туризма. Ежегодно тысячи посетителей из ближнего и дальнего зарубежья являются желанными гостями национального парка. Поэтому основной стратегией данного вида дискурсивной практики является обеспечение их комфортного пребывания на территории пушки и активизация туристской деятельности, дающая возможность как жителям нашей страны, так и гостям республики познакомиться с удивительным миром живой природы самого старого леса Европы.

В ходе нашего анализа концепта «Беловежская пушка» важным этапом стало выявление **ценностных свойств** феномена Беловежской пушки. Г.Г. Слышкин указывает, что «ценность всегда социальна, а,

следовательно, языковые единицы, выражающие концепты, непременно должны включать в себя социальный компонент (Слышкин, 2000), который есть далеко не у всех слов (Слышкин, 2000). Многие слова нейтральны в социальном отношении (нога, рука и т.д.). Слова, имеющие социально обусловленное содержание, -

это не обязательно общественно-политическая лексика, но и слова, обозначающие обыденные явления повседневной жизни. Мы полагаем, что ценностные характеристики лингвокультурного концепта можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке взаимосвязанных оценочных суждений.

Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и так далее), этот феномен формирует в данной культуре концепт. Поскольку концепт является единицей культуры, то он непременно должен включать в себя ценностную составляющую. Именно наличие ценностной составляющей отличает концепт от других ментальных единиц, которыми оперирует современная наука (фрейм, сценарий, понятийная категория и т.п.).

В.И. Карасик указывает, что совокупность ценностных доминант данной культуры образует определенный тип культуры, который поддерживается и сохраняется посредством языка (Карасик, 2002). Многие исследователи выделяют две группы ценностей современного общества: 1) санкционируемые государством при помощи разветвленной системы правовых средств и 2) существующие на уровне бытового сознания. Мы считаем, что ценностный компонент концепта Беловежская пуца объективируется в следующих группах ценностей:

- ✓ социально-культурные ценности, отражающие описательно биологические уникальные характеристики Беловежской пуцы;
- ✓ эмоционально-психологические ценности, описывающие эмоциональное отношение к Беловежской пуце;
- ✓ статусно-ролевые ценности, включающие статусное положение Беловежской пуцы в региональной экономике и культуре.

Рассмотрим каждую из перечисленных групп ценностей более подробно. **Социально-культурная ценность** Беловежской пуши неоднократно делала ее объектом различных национальных и международных встреч, конференций и других научно-исследовательских мероприятий. Благодаря богатству и сохранности растительного и животного мира, Беловежская пуца является своеобразной лабораторией для изучения процессов, протекающих в природе. В 1969 году на основании распоряжения Госкомитета Совмина СССР по науке и технике и решения Совета Министров БССР был создан научный отдел, который за короткий срок превратился в мощное научное учреждение с тремя исследовательскими лабораториями – «Экология диких животных», «Лесоведение», «Защита растений».

В настоящее время научный отдел национального парка насчитывает, в настоящее время, около 20 сотрудников. Особое внимание пушанские ученые уделяют изучению структуры и динамики развития лесных насаждений, в том числе уникальных высоковозрастных древостоев, популяций зубра и крупных млекопитающих, орнитологическим исследованиям, проблемам сохранения редких видов и сообществ.

За время работы отдела проведен ряд международных, всесоюзных и региональных совещаний и конференций, выполнен огромный объем научно-исследовательских и природоохранных работ. По материалам исследований стал издаваться сборник научных работ «Беловежская пуца. Исследования», выпущены несколько монографий, изданы более двадцати научно-популярных книг, брошюр и буклетов, опубликовано свыше ста научных работ в союзных и республиканских изданиях, подготовлены высококвалифицированные кадры.

В целом же, за время существования ГЗОХ сотрудники научного отдела выпустили ряд монографий. Из научно-популярных изданий следует отметить «Прошлое и настоящее Беловежской пуши» Б.В. Кестера и С.В. Шостака, «Записки натуралиста» С.В. Шостака. Большим успехом пользовалась научно-популярная серия: «Музей природы» С.Б. Кочановского и В.А. Дацкевича, «История. Зубры» С.Б. Кочановского, «Птицы» В.А. Дацкевича.

К 1980 году в гербарии научного отдела хранилось уже около 7 тысяч гербарных листов, насчитывавших 844 вида цветковых и выс-

ших споровых растений, 140 видов мхов и лишайников, 160 видов деревьев и кустарников.

В 2000-х годах проведен ряд Международных конференций, в том числе четыре Международных научно-практических конференции «Эколого-экономический механизм сохранения биоразнообразия особо охраняемых природных территорий», конференция, посвященная установлению начала введения первых элементов заповедного режима на территории Беловежской пуши и др., по которым результатам которых опубликованы материалы и тезисы. Вместе с геоботанической станцией Варшавского университета (Польша) издан «*Atlas of alien woody species of Bialowieza Primeval Forest*», в котором приводится распространение древесных интродуцентов на территории Беловежской пуши.

29-31 января 2020 года Беловежскую пушу посетила делегация польских лесоводов во главе с директором государственных лесов Польши Анджеем Конечным. В составе делегации входили все региональные директора Государственных лесов Польши, директор Беловежского парка, директор института исследования лесного хозяйства, специалисты генеральной дирекции лесов Варшавы и региональной дирекции Белостока.

Уникальность Беловежской пуши продемонстрирована и в региональной научно-популярной литературе с целью обеспечения информационной поддержки туристической деятельности. В регионе ежегодно издаются книги, брошюры, путеводители, буклеты, календари, изоматериалы и др. Опубликованы научно-популярные книги В.В. Семакова «Беловежская пуца. 1902-2002», Л.Н. Корочкиной «Зубр Беловежской пуши», В.В. Семакова и Н.Д. Черкаса «Беловежская пуца: страницы истории», брошюры «Поместье белорусского Деда Мороза», «Властелин Беловежской пуши», «Заповедные места: Беловежская пуца» и ряд других.

В 2013 году Национальный парк «Беловежская пуца» стал партнером Европейской сети PAN Parks и удостоен «Диплома Диких территорий» (Wilderness Diploma). Совместно с коллегами с польской стороны Беловежской пуши проведена процедура подачи номинационного досье для Объекта Всемирного Наследия ЮНЕСКО по новым критериям. С 2014 года Беловежская пуца по обе стороны границы

является трансграничным Объектом Всемирного Наследия под общим названием «Białowieża Forest». ГПУ «Национальный парк «Беловежская пуца» совместно с Гайновским поветом (Республика Польша) в 2014-2015 году осуществлял выполнение микропроекта «Развитие трансграничного активного туризма и туристической отрасли», софинансируемого со средств Евросоюза в рамках Программы трансграничного сотрудничества Польша-Беларусь-Украина 2007-2013. В рамках проекта были организованы обучающие поездки турагенств и туроператоров Республики Польша в Беларусь; двухдневный велопробег для взрослых (польская группа в Беларуси) по территории Беловежской пуцы; проведены мастер-классы для белорусских гидов о Беловежской пуце; обновлен туристический маршрут на белорусской стороне Беловежской пуцы.

Помимо этого, особенно в последние годы Беловежская пуца – популярное *туристическое место*, которое красочно описывается многими туристическими операторами как «уникальный лесной массив, богатство животного мира, неповторимое чудо и природная святыня».

В мае 2016 года на территории Беловежской пуцы на Царской поляне прошел первый Международный фестиваль охотничьей роговой музыки «Царская поляна» для любителей музыки, природы и охотничьих традиций. С давних времен именно здесь проводились охотничьи турниры, зарождались традиции, писались первые правила добычи животных. С целью возрождения забытых традиций фестиваль планируется проводить ежегодно.

22 февраля 2020 на территории поместья Белорусского Деда Мороза совместно с ежегодным праздником «Проводы Снегурочки» состоялся гастрономический фестиваль «Пуцанский смак». Гастрономический фестиваль «Пуцанский смак» продолжает традицию мероприятий, направленных на сохранение и развитие гастрономического потенциала, сохранение культурного наследия кухни Беловежской пуцы, создание условий для расширения творческого взаимодействия мастеров-кулинаров.

Ценность Беловежской пуцы прослеживается также в творчестве художников и скульпторов Белоруссии, России, Украины, Польши и ряда других стран. Особое место среди работ живописи занимает кар-

тина «Оттепель. Свислочская (Беловежская) пуша» кисти выдающегося пейзажиста рубежа XIX–XX столетий С. Ю. Жуковского, которая была написана в результате одной из творческих поездок С. Жуковского в Беловежскую пушу.

В своей «Оттепели...» С. Жуковский мастерски запечатлел краткое, переходное состояние природы, когда холод зимы отступает, и на смену ему приходит робкое ощущение приближающейся весны. Мотив пейзажа прост: *«прямая, заснеженная, но уже подтаявшая и изрезанная глубокими чёрными колеями дорога острым треугольником-клином врезается в тело леса, уходит в его глубину. Снег всё ещё лежит в тени елей, чередуясь с бурными кочками прошлогодней пожухлой травы, но дни его недолги. В глубоких канавах у дороги стоят лужи талой воды, и в их асфальтово-серых, слабо поблёскивающих поверхностях отражаются тёмные стволы ещё голых деревьев и кустов. Небо, набухающее у горизонта свинцовой синевой, уже повесенному высокое. Кажется, ещё чуть-чуть, и рядом с белёсыми облаками, откроется пронзительный в своей голубизне просвет, наполненный ярким солнечным светом, проект «Арт-Беларусь» 03.04.2015).*

Изображая мгновение между тем, что есть, и что вот-вот может свершиться, С. Жуковский стремился передать при этом самую суть процессов, происходящих в природе, которая неспешно пробуждается от глубокого зимнего сна.

Картина сохраняет свежесть непосредственного впечатления от лесного пейзажа, увиденного художником в серый день оттепели, когда влажный холодный воздух окутывает деревья и кусты, растворяя чёткость их очертаний и скрадывая детали.

На холсте «Срубленный дуб» (1892) И. Шишкин воспроизводит все живые подробности леса: *мягкий бархатный мох, колючую и жёсткую хвою, отсыревший ствол срубленного дуба.* Автор мастерски передал глубину пространства, тень в глубине чащи, насыщенность лесного воздуха. Пейзаж играет разными оттенками зеленого цвета. И. Шишкин написал огромный, мощный дуб, срубленный в лесной чаще. Художник прекрасно передал нежные оттенки травы, растущей у основания срубленного дерева. Он использовал оттенки красок, идеально передающие цвет мха, покрывающего весь ствол дуба.

Большое внимание художник уделил игре теней на стволе и ветках большого дуба, акцентируя величие лесного великана.

Визитной карточкой Беловежской Пущи и неофициальным символом Беларуси считается могучее животное – зубр. Красивый грациозный зверь, достигающий практически двух метров высоты в холке, и весящий 600-700 кг, величественно прогуливается по беловежскому лесу.

Национальной академией наук Беларуси совместно с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды разработана и осуществляется программа «Зубр», целью которой является расселение зубров во всех крупных лесах Беларуси, что дает основания надеется, что для будущих поколений белорусов зубр станет обычным жителем лесов. Сегодня в Пуще проживает 460 особей этих могучих животных.

Образ трудолюбивого и мудрого животного не раз становилось объектом культурного достояния белорусского народа: он воспевался в знаменитой «Песне про зубра» Н. Гусовским (1522), изображение животного используется на многочисленных гербах, флагах и памятниках:

- Памятник зубру около трассы Брест - Москва
- Памятник основателю Каменецкой крепости - волынского князю Владимиру Васильковичу с зубром
- Памятник зубру на въезде в Национальный аэропорт Минск
- Банкнота в 100 белорусских рублей, 90-е гг.
- Логотип хоккейного клуба «Динамо-Минск»
- Конфеты «Беловежская пуща» и одноименный набор конфет кондитерской фабрики «Коммунарка».

Статусно-ролевая ценность Беловежской пущи проявляется в ее особо охраняемом статусе, который юридически закреплен во многих нормативно-правовых актах и направлен на защиту пущи. Национальный парк создан для сохранения в естественном состоянии и комплексного изучения эталонных и уникальных природных комплексов и объектов Беловежского девственного леса, биологического и ландшафтного разнообразия территории, восстановления нарушен-

ных природных комплексов и объектов, имеющих особую экологическую, историко-культурную и эстетическую ценность, а также их устойчивого использования в природоохранных, научных, просветительских, оздоровительных, рекреационных и иных целях (Положение о Национальном парке «Беловежская пушча», утвержденное Указом Президента Республики Беларусь № 460 от 27.09.2004). Это и является основной целью деятельности национального парка.

В феврале 2012 года в Беларуси произошло важное, знаковое событие: подписан указ «О некоторых вопросах развития особо охраняемых территорий», который утверждает новое «Положение о Национальном парке «Беловежская пушча». В соответствии с ним площадь заповедной зоны национального парка увеличена с 30,7 до 57,0 тыс. га, т.е. почти в два раза. Это означает, что значительная часть (более 70%) территории Беловежской пушчи (Беловежского первобытного леса) становится заповедной.

Для успешного выполнения вышеперечисленных задач разработан комплексный план управления национальным парком «Беловежская пушча». Все мероприятия данного Плана сгруппированы по 6 основным направлениям: 1) сохранение природного наследия Беловежской пушчи в его естественном виде; 2) развитие рекреационной и туристической деятельности в регионе Беловежской пушчи на устойчивой основе; 3) развитие научных исследований эталонных лесных и болотных экосистем и их компонентов; 4) формирование экологического сознания и бережного отношения к природе у заинтересованных сторон, в том числе у местных жителей и посетителей Национального парка.

Анализ исследуемого корпуса показывает, что ценностное отношение к Беловежской пушче проявляется в использовании ряда устойчивых прилагательных «*уникальный*», «*заповедный*», «*особый*», «*эталонный*», «*природный*», «*охранный*» например: «*уникальная экологическая система*», «*заповедная зона*», «*особый лесной массив*», «*эталонный лес*», «*природное наследие*», «*охранный режим*».

В границах национального парка «Беловежская пушча» и его охранной зоны находится ряд объектов, внесённых в государственный свод историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

К историко-культурным ценностям относятся: 1) курганный могильник периода раннего средневековья X-XIII вв. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Великий Лес; 2) Братская могила 1941 г. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Каменюки); 3) Могила жертв фашизма 1943 г. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Лески); 4) Церковь Святого Андрея Первозванного 1877 г. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Пашуки); 5) Церковь Казанской Божией Матери (Брестская обл., Каменецкий район, д. Рожковка; 6) Братская могила советских партизан дивизии С.А. Ковпака 1944 г. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Рожковка); 7) Курганный могильник периода раннего средневековья X-XIII вв. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Чемеры 1, урочище Лавы; 8) Успенская церковь 1758, 1867 гг. (Брестская обл., Каменецкий район, д. Шишово); 9) Братская могила 1941-1944 г. (Брестская обл., Пружанский район, д. Броды); 10) Церковь Святого Николая 1799 г. (Брестская обл., Пружанский район, д. Вежное); 11) Братская могила 1941-1944 г. (Брестская обл., Пружанский район, д. Лысково); 12) Церковь Рождества Богородицы 1933 г. (Брестская обл., Пружанский район, д. Лысково); 14) Церковь Георгия Победоносца XIX ст. (Брестская обл., Пружанский район, д. Ровбицк).

Итак, лингвокультурный концепт выступает единицей лингвокультурного моделирования мира, представляющий собой сложное многомерное ментальное образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты.

Каждый отдельный концепт демонстрирует существование в конкретной этнической культуре определенной ценности. Культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира. Концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры, объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Культурный концепт в отличие от индивидуальных концептов тесным образом связан не с мыслительными и речевыми структурами индивида, а культурой. Исследователи, которые изучают культурные концепты, пишут о концепте как об основной составляющей культуры. «Культура – это совокупность концептов и отношений между ними», – указывает Ю.С. Степанов (Степанов 2007).

Авторы монографии «Иная ментальность» отмечают, что когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то

единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенных паттернов мировосприятия, выступают культурные концепты. А культурные концепты - это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры (Карасик, Прохвачева и др., 2005).

Языки мира, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, являются собой примеры членения мира не только на разных основаниях, но и зависимость этих оснований от особенностей самих языков, разных от условий их возникновения и формирования в нетождественных исторических, географических или же экологических условиях, уже не говоря об условиях социологических и культурологических. (Кубрякова, 2012, с.42).

В этой связи вспоминаются слова Е.С. Кубряковой о том, что «каждый отдельный естественный язык к тому же репрезентируется своей неповторимой, воистину уникальной системой знаков, и именно это его свойство позволяет выйти в описание мира за пределы непосредственно наблюдаемых объектов, процессов и явлений, а следовательно, с помощью чисто семиотических операций («знак за знак») не только конструировать вымышленные, воображаемые и нередко фантазийные сущности, но и строить, таким образом, иные возможные миры. Язык позволяет тем самым расширить и развить границы сознания человека, предписанных ему биологически первоначально, по природе и познавать не только окружающую его реальность, но и всю вселенную. (Кубрякова 2012, с.42).

Мы согласны с В.А. Масловой, что концептуальные картины мира у разных людей одинаковы, ибо человеческое мышление едино. Национальные языковые картины – это просто их «расцветивание». Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней (Маслова, 2011, с.65).

Наше описание концепта Беловежская пуца было бы не полным без анализа этого ментального образования в рамках польской лингвокультуры. Мы полагаем, что польская репрезентация изучаемого нами концепта будет значительно отличаться от белорусской.

Мы считаем, что поиск специфических элементов, отличающих польский код культуры, позволит указать на особенность культуры,

отраженной в мышлении польского народа. Элементы белорусских и польских кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность. В каждой культуре отмечаются свои классификационные и квантификаторные цепи, в которых мы можем проследить ассоциативные комплексы. Каждую национальную культуру (польскую или белорусскую) отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира.

Прежде чем вести любые дальнейшие рассуждения о специфике изучаемого нами концепта, считаем необходимым обратиться к историческим фактам. Так, первое упоминание о пушке относится к 983 г. На протяжении многих веков эта территория принадлежала различным государствам и всегда была местом для охоты высшей знати. Например, в XII в. здесь любил поохотиться князь Владимир Мономах, а в начале XV в. польский король Ягайло (Владислав II Ягелло) объявил территорию первобытного леса заповедной, но королевские охоты здесь продолжали организовывать. Во времена Речи Посполитой в XVI - XVIII веках их проводили с особой пышностью. После вхождения территорий Беларуси в состав Российской империи в конце XVIII в. Екатерина II разрешила охоту в пушке на всех животных кроме зубров. Это решение сильно отразилось на численности животных: полностью были истреблены медведи и бобры. При императоре Александре I охране и учёту зубров стали придавать большее значение. В конце XIX в. заповедный лес стал собственностью императорской семьи и в г. Беловеже построили императорский охотничий дворец. В годы Первой мировой войны пушке был нанесён серьёзный ущерб. После Второй мировой войны государственная граница разделила пушку на советскую и польскую части. В наши дни на территории Беларуси существует Государственный национальный парк «Беловежская пушка», а на территории Польши - Беловежский национальный парк.

Наши наблюдения показывают, что уникальность Беловежской пушки для жителей Республики Польша отражена как в национальном коммуникативном пространстве так и в региональном (район Гайнув-

ки), в частности. На территории польской части пуши создан Беловежский национальный парк, площадь которого около 10 тыс. га.

В целях достоверности в ходе исследования использованы одинаковые приемы: 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов, 2) этимологический анализ этих имен, 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты, 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты, 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом, 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний, выражающих концепт (на материале прозаических и поэтических произведений).

С одной стороны, это помогло нам при описании регионального концепта, с другой - мы имели возможность сравнить способ репрезентации концепта в другой культуре.

При сравнении этноспецифических черт концепта Беловежская пуша мы заметили определенную лакунарность, иными словами некоторые асимметрии представленности единиц в сопоставляемых культурах.

В польских лексикографических источниках **понятийная составляющая** концепта представлена следующим образом: Znaczenie: 1.1 dziki, pierwotny las o dużej powierzchni; 1.2 daw. Pustkowie. hiperonymy: 1.1 las; wyrazy pokrewne: rzecz. pustynnienie n, pustelniczka ż, puszczał m, Puszczał m, pustkowie n, puszczyk m, pustelnik m, pustka ż, pustynia ż, puszczanin m, pustelnica ż...przym. Puszczański; związki frazeologiczne: *gdy jeleń wejdzie w moją puszcę, to jeleń mój • głos wołającego na puszczy • lepszy zając w miechu od niedźwiedzia w puszczy • nie podobała się Żydom na puszczy manna*; etymologia: prasł. *puʔa < prasł. *rûstь. Она в целом совпадает с приведенными данными русскоязычных лексикографических источников.

В прозаических произведениях также представлена понятийная составляющая концепта: *Puszcza Białowieska stanowi **unikalny** na skalę Europejską **kompleks leśny**, ponieważ jest ostatnim lasem nizinnym na tym kontynencie. Puszcza leży na granicy Polski oraz Białorusi i zajmuje ok. 1250 km². Jej polska część zajmuje 580 km².*

Zachowały się tu **niezmienione ekosystemy**, w które nie ingerował człowiek, a bogactwo fauny i flory stanowi klejnot w **koronie przyrody Polski**. Dlatego na jej terenie utworzono 20 rezerwatów. Najcenniejszy na tym obszarze jest Białowieski Park Narodowy. Sercem puszczy jest przylegający do granicy z Białorusią fragment ponad **500-letniego lasu**. Żyje tu nadal wiele gatunków zwierząt i roślin, które nie występują już w innych lasach.

W Puszczy Białowieskiej wiele **drzew osiąga imponujące rozmiary** (świerki – 55 m, sosny, jesiony i lipy – 42-45 m) i grubość (dęby – 720 cm, lipy – 600 cm). Dominującymi gatunkami w drzewostanie są: świerk pospolity, sosna zwyczajna, olsza czarna, dąb szypułkowy, brzoza brodawkowata i omszona. Rzadziej występują jesion wyniosły, lipa drobnolistna, klon zwyczajny, topola osika i wiązy.

Cechą charakterystyczną drzewostanów puszczańskich jest ich **różnorodna struktura wiekowa**. Ich średni wiek szacuje się na około 80 lat i 130 lat. Niektóre najstarsze dęby pamiętają nawet czasy Władysława Jagiełły! Flora puszczy imponuje więc różnorodnością gatunkową jak i stanem pierwotnym. Stwierdzono tu ponadto występowanie 26 gatunków drzew, 56 gatunków krzewów i 14 krzewinek oraz około 1000 innych gatunków roślin naczyniowych i 3000 gatunków grzybów.

Анализ понятийной составляющей, под которой понимается языковая фиксация концепта, его дефиниции в польских лексикографических источниках указал на симметричность в представлении данного слоя концепта.

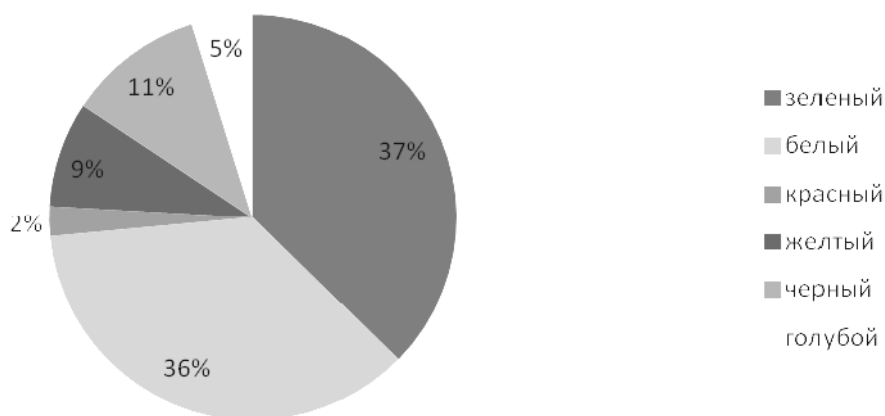
Образная составляющая, выявленная в структуре концепта Беловежская пуца на базе польского исследуемого корпуса текстов, представлена как перцептивными, так и когнитивными образами.

Выбирая аналогичные польскоязычные дискурсивные практики для анализа структуры концепта Беловежская пуца, мы первоначально решили остановиться на характеристике основных способов репрезентации образной составляющей и некоторых более конкретных языковых и неязыковых формах ее репрезентации. С этой целью мы обратились к циклу стихотворений польских авторов «Antologia poezji Białowieskiej», посвященных Беловежской пуце. Анализ 37 стихотворений показал, что поэтический цикл обладает своей палит-

рой, своей тональностью, состоит из сочетания различных оттенков и гамм сложных переживаний: вдохновение, экспрессивность мыслей.

Анализ стихотворений позволил выделить 54 контекста репрезентации лексемы пуща. Цветовая картина Беловежской пущи представлена 6 основными цветовыми обозначениями, вербализованными в тексте посредством одноименных микрополей. Проведенный анализ позволяет выделить самые частотные колоративные микрополя: желтый – 5 (9%); голубой – 3 (5%); белый – 18 (36%); черный – 6 (11%); зеленый – 19 (37%); красный - 3 (2%), которые представлены на схеме.

Колоративное поле концепта "Беловежская пуща"

Проведенный анализ показывает, что доминантными цветами для описания Беловежской пущи становится зеленый и белый во всем многообразии своих оттенков: 1) *Zieleń – najprawdziwiej zielona – do ostatniej miazgi soki przeciska i każdy pień powalony obsiada, aż go rozpuści w ciemne smugi*; 2) *Tyle lat minęło od dzieciństwa mego, a ja wciąż kocham te lasy zielone, te łąki pachnące wiosną, latem i jesienią*; 3) *... Jest świątynia zielone dzwonnice pod niebo kościół życie wieczne ziele bujne zielone ...*; 4) *... Mój zielony kościół, białowieski mój lesie! Moja cerkwi zielona, białowieski mój lesie! Tyś meczetem*

zielonym, białowieski mój lesie! Mateczniku zielony, białowieski mój lesie! Moja puszczo zielona, białowieski mój lesie!

В рамках цветового микрополя белый используются различные части речи для тонкости передачи многочисленных оттенков:

KONWALIE

*W ustroniu zacisznym, wśród grabów, leszczyny,
I świerków kępiastych, wysmukłej brzeziny
W balsamicznym zapachu poranku skąpana,
Jakby śniegiem pokryta, bieli się polana.*

*Morze, morze konwalii w dzwoneczków biel strojone!
Wiatr poruszył gałązki, wpadł w gąszcze spokojne,
Podchwycił hejnał puszczy, niosąc go w dal świata,
A z polany wionęło falą aromatu.* Jerzy Karpiński

Каждая строфа стихотворения «Ландыши» Е. Карпинского полна весенних событий, пробуждения природы, весенних ароматов и долгожданного тепла ласкового солнца. Природа пробуждается, распускается, веточки с листочками тянутся к солнцу, переплетаясь от ветерка, словно рифмы из строк весенних стихов.

Если говорить о фонетической составляющей стихотворения, следует отметить преобладание сонорных звуков: [K] **KONWALIE**, *leszczyny, w balsamicznym, bieli się polana, konwalii, biel strojone, dal, z polany wionęło falą: [m], [n]* *ustroniu zacisznym, leszczyny, wysmukłej brzeziny, balsamicznym zapachu poranku skąpana, śniegiem, polana, morze konwalii, spokojne, niosąc, z polany.* Прием звукоподражания воспроизводит звуки, характерные для звучания колокольчика. Повторяющиеся тоны напоминают сонорные согласные в сочетании с ударными гласными: и, е. Повторяемость сонорных звуков в стихотворении не только обеспечивает разборчивость речи, простоту ее восприятия, но и, наряду с лексическими и грамматическими средствами, передает символическое содержание сообщения, создает эмоциональный потенциал, образуя при этом эффект «звукового эха».

Другие цвета (красный и желтый) также находят свое отражение в поэтических произведениях, поисывающих красоту Беловежской пуши: «z sosnowych pni się zhuszcza **brunatnozłota kora**», «cisza – jak **miodów**

gęste, żywicowe plastry –migocze w cieniach żółtym szmerem słońca», «zarumieniony w poranku jesiennego chłdzie, pierwszy promień wystrzelił do góry na wschodzie». Цветовые характеристики данного стиля в поэтическом контексте выступают в функции изобразительных эпитетов.

Сопоставительный анализ поэтических произведений двух культур указал на значительное использование хроматической лексики. Однако они различаются цветовым спектровым числом, т.е. совокупностью цветовых обозначений, входящих в произведения указанных авторов, в их процентном выражении по отношению к общему числу печатных лексем. Так, цикл стихотворений Т. Буланчиковой характеризуется очень яркой колористикой. Превалирование колоритных обозначений красного цвета в стихотворениях белорусских авторов не только обозначает цветовую оценку, но и является эпитетом с положительной аксиологической (эмоциональной и эстетической) реакцией говорящего. Градуальный ряд красный – алый – багряный – пунцовый – малиновый тяготеет к архаическому, т.е. к ценностному, аксиологическому. Другие слова ряда красный, являясь цветообозначениями, называют оттенки цвета и вносят стилистическую оценку.

Особый интерес у польских поэтов и художников вызывает главный обитатель Беловежской пуши – зубр. Продолжая зарисовки многогранной картины природы, представленные в гениальной поэме белорусского автора Н. Гусовского «Песнь о зубре» (1523), польские авторы рисуют зубра как «венценосную особу», «короля леса», «владельца лесного пространства».

У Ф. Кобринчука зубр выступает не только как символ красоты, но и величия:

W PUSZCZY

*Poranny blask ogarnął
wyniosłość starych sosen
i dębów pni mocarność,
i ruń utkaną wrzosem.*

*Żubr stoi na polanie
milczący jak monument.
Franciszek Kobryńczuk*

Ф.Кобринчук интуитивно использует сонорные звуки для описания величия «короля леса». Из цитируемых строк видно, что природу, ее красоту, Ф. Кобринчук выражает с помощью разного рода метафор: «надменность старых сосен», «царство дубовых пней».

Для усиления «яркости» своих картин природы польские поэты часто прибегают к использованию такого приема, как художественное сравнение:

ŻUBR KRÓL

Spotkał w Puszczy żubra świerszcz.

- Wielki z ciebie, żubrze, zwierz!

Jesteś naszym królem, żubrze,

więc ład jakiś w puszczy zróbże!

Franciszek Kobryńczuk

KSIĄŻĘ PUSZCZY

Noc jasna, - w konarach sosen płyną szmery

Cichutkie, cichuteńkie, jak polot chimery,

*Czasem szyszka w mech spadnie z wyniosłej smreka
głowy,*

Lub ponure się ozwie gdzieś wołanie sowy.

Sza!... Trzasnęła gałązka, błysło oczu dwoje...

Ryś, rabuś – wieczny tulacz wyszedł na rozboje.

Przystaje niespokojny, coś wietrzy... wnet zbacza.

Ruszył chyłkiem za tropem starego rogacza.

Jan Jerzy Karpiński

Выделяя определенные фрагменты лесного мира для описания Е. Карпинский концептуализирует мир наполняя личностными смыслами сущностные реалии бытия. В целях презентации своего концептуального видения пуши автор намеренно создает звуковой образ, передающий шелест листьев. При описании леса автором привлекается в качестве мелодичной основы повторы шипящих и свистящих звуков (*ш, щ, с*), значительное количество повторов губных, и гласных: *а, ы, и*. Используемые Е. Карпинский, изображая шелест листья, вводит

звукоподражательные единицы, которые не только становятся носителями эмоционального содержания, но и рисуют прецептивный образ жизни зверей в лесу.

SAMOTNIK

*Szmer w kępie nie ustawał. Z pośród gąszczów łona
Ostrożnie wysunęła się plama czerwona,
Majaczyła tak długo na tle kępy osiny,
aż wreszcie znikła zwolna, sama, bez przyczyny.*

*Kos szeleścił po liściach, wciąż lustrując krzaki;
Spłoszony – nagle wzleciał, a podniósł wrzask taki,
Że, zdało się, osiki z przestrachu zadrżały: -
Z za krzaków kroczył wolno rogacz okazały.*

Использование звукоподражательного словосочетания *szeleścił po liściach* вызывает эффект иррадиации – консонанс распространяется на соседние слова (*szmer, ustawał, z pośród, gąszczów, ostrożnie, wysunęła się, osiny, wreszcie, sama, bez przyczyny, krzaki, spłoszony, wrzask, zdało się, osiki z przestrachu, za krzaków*), образуя при этом целую цепочку лексических единиц.

При анализе работ польских авторов мы приходим к выводу, что в польских поэтических произведениях для описания ядерной лексемы *пуща* авторы иной ракурсе описания, акцентируя свое внимание читателя больше на:

1) **возраст** пуши, многовековую историю: «*świerki niebotyczne, i dęby, porosłe mchem brodatym od podstaw aż hen pod sklepienie, Stare lipy – olbrzymy, co są jak marzenie*», «*Drzewa mówią szeptem, recytują z pamięci poemat pisany światłem*», «*Kronikę puszczy dęby piszą na korze*».

1) **главных обитателей** пуши: «*Niechaj każdy mi uwierzy: nie ma wieży w Białowieży, ani prostej, ani krzywej, ni żelaznej, ni też żywej. Z żubrów znana Białowieża, zwierz wszak lepszy niżli wieża. Rzec by można, że przeważnie, o nich mówi się poważnie*».

2) **главном мифологическом обитателе** пуши (домовой): «*Kto ja jestem? Skrzat królewski, bardzo stary skrzat.*

Mieszkam w Puszczy Białowieskiej od tysiąca lat. Siedzę sobie na patyku, zasluchany w szmer strumyków, które w ciszy pluszczą. Żyję w echu i zapachu, w baśniach tych, gdzie we mnie wierzą. W nieustannym brzęku muszek witam słońca wschód i zachód hen, nad Białowieżą. Latam z wiatrem ponad puszcza, opiekuńczy skrzaci duszek wszystkich drzew i zwierząt».

3) Беловежская пуца – **место для всех и каждого**: «*Prawosławny czy katolik, baptysta, adwentysta, wszyscy byli równi, biedny czy bogaty, mieli te same duchowe puszczańskie szaty. Brat czy swat, był to zawsze białowieski chwyt. Bajko, Buszko, Dackiewicz, Kozak, Kulak, Lickiewicz, Sac, Szpakowicz, Waszkiewicz, Wołkowycki wszyscy ssali mleko z tej puszczańskiejskiej cyski*».

4) **важность сохранения природных богатств** заповедника: «*Gdy będziecie w rezerwacie, to szanować wszystko macie; **nie wycinać, nie zabijać**, nawet jeśli jest to żmija! A komary, bąki, muchy, które grają nam na nerwach? Oczywiście, **nie zabijać!** Jak rezerwat, to rezerwat!*».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в польской поэзии, описывающей красоту Беловежской пуцы, также как и в белорусской большое значение приобретают индивидуально-авторские ассоциации, мотивированные не логикой синтактики, а логикой семантики и прагматики. В результате такого типа мотивированности в произведениях имеет место антропоморфная ассоциация слуховой и зрительной оценки.

Статусно-ролевая ценность Беловежской пуцы проявляется в ее особо охраняемом статусе, который юридически закреплен во многих нормативно-правовых актах и направлен на защиту пуцы. В польской части Беловежской пуцы (62 500 га) наиболее важной охраняемой территорией является Беловежский национальный парк площадью 10 501,95 га, где под строгой охраной находится 4747 га. Это старейший Национальный парк в Польше, образованный в 1921 г., который сегодня соответствует всем критериям для охраняемых территорий категории II (национальный парк) по системе классификации IUCN.

Беловежский национальный парк имеет также международный статус биосферного заповедника (с 1977 г.) и является Объектом Мирового наследия (с 1979 г.). Вокруг парка образована буферная зона (3 224 га), охватывающая исключительно лесные территории надлесничеств Бровск и Беловежа. Имеется также буферная зона со стороны Беловежи, Погорельце и Масево, откуда может исходить серьезная угроза антропогенных воздействий. С 1992 г. зона строгой охраны вместе с прилегающей территорией заповедной зоны белорусского Национального парка «Беловежская пуца» (4 500 га) образует трансграничный польско-белорусский Объект Мирового наследия. В 1997 г. Беловежский национальный парк, первый в Польше, был отмечен Дипломом Совета Европы.

Остальная часть Беловежской пуцы входит в состав Лесного Промоционного Комплекса «Леса Беловежской пуцы». В этой части находятся 20 резерватов природы (3 429,65 га), из них только 2 охвачены строгой охраной (Семянувка и частично Михнувка). Кроме того, здесь находится около 1 200 деревьев, объявленных памятниками природы. Вся польская часть Беловежской пуцы вместе с прилегающей территорией образует Территорию Охраняемого Ландшафта (76 041 га), однако эта форма охраны природы является скорее «статистической» и не играет существенной роли в сохранении ее природных ресурсов. Другими формами сохранения биоразнообразия являются охранные зоны вокруг гнезд черного аиста и хищных птиц, существуют также выделенные экологически ценные участки. В настоящее время существуют два отдельных биосферных заповедника - Беловежский национальный парк и Национальный парк «Беловежская пуца», имеющие общую границу на протяжении 9 км.

В ходе проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что во всех рассмотренных документах прослеживается тенденция к подбору таких языковых средств, которые способствуют формированию единого правового и экологического сознания, в независимости от этнической и культурной интерпретации: *«obiekty przyrodnicze wpisane na listę Światowego Dziedzictwa UNESCO»*, *«obszar specjalnej ochrony ptaków, specjalny obszar ochrony siedlisk oraz obszar o znaczeniu dla Wspólnoty Europejskiej»*, *«ochrona żubra, pomnikowych dębów»*, *«ochrona mozaiki ekosystemów (leśnych, łąkowych, wodnych)»*.

Еще одним моментом, который хотелось бы обсудить, является изучение функционирования концепта «Беловежская пуца» в региональной прагматонимике. Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» дает следующее определение термина «прагматоним»: «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака (Подольская, 1978). Таким образом, прагматонимы – это товарные именованные продукты, бренды, торговые марки. Использование имени базового концепта при создании наименований торговых марок и эргонимов объясняется стремлением использовать в названии информацию, наиболее близкую к окружению адресата, что делает его интересным, доступным для понимания и внушает доверие.

Проведенный анализ концепта Беловежска пуца позволил установить связь основных компонентов его значения (биологическое разнообразие, исключительность, известность) с региональными эргонимами и товарными знаками. Мы предполагаем, что использование лексемы *Беловежская пуца* в составе эргонима объясняется подсознательной отсылкой к тому или иному аспекту понятийной составляющей рассматриваемого концепта. Например, в ряде названий компаний использование имени Беловежский служит для обозначения территориальной принадлежности организации Брестскому региону – ОАО мясокомбинат «Беловежский», ОАО «Беловежские сыры», ОАО «Савушкина пуца». В названиях других компаний прослеживается интенция номинатора создать «внутренний имидж» названия на основе тополексемы Беловежская пуца, обладающей устоявшимся имиджем и мировой известностью – бренд сыра «Беловежский трюфель», «Беловежский пармезан молодой», «Беловежский экстра»; бренд мясных изделий «Беловежская запеченая», «запеченая по-Беловежски» «вырезка по-Беловежски», «кавалочек по-Беловежски», «смачная по-Беловежски»; пельмени «Беловежские»; травы «Пуцанский сбор»; вино-водочные изделия «Зубровка», «Беловежский волат», «Царская поляна», «Медвежий лог на бруснике»; пиво «Беловежское»; мороженое «Беловежское»; шоколадная продукция «Беловежские зубры». Используемые в коммуникативном пространстве Брестчины прагматонимы выявляют тесную связь с культурными традициями в области номинации, с современной социальной и экономической ситуацией в Брестском регионе.

Таким образом, анализ структуры концепта «Беловежская пуца» в различных видах дискурсивной практики позволил сделать ряд выводов:

1. Концепт «Беловежская пуца» является одним из центральных лингвокультурологических концептов региональной концептосферы, объективируемым в родном языке обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также многочисленными перцептивными лексическими единицами, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для белорусского языкового сознания.

2. Концепт «Беловежская пуца» имеет полевою структуру. Ядро концепта представляют семы: непроходимый лес, заповедный край, чащоба. Это образы универсального предметного кода, кодирующие концепт для оперирования им в мышлении носителя языка. Ближнюю периферию исследуемого концепта составляют абстрактные перцептивные слои «Цвет», «Запах», «Слух», раскрывающие зрительно-цветовые, объёмные, пространственные, звуковые, вкусовые и другие представления об описываемом объекте.

3. Дальняя периферийная зона представлена одним когнитивным слоем – «Ценность для человека». Это наиболее

абстрактный слой концепта, который объективируется в определенных группах ценностей: 1) социально-культурные ценности, отражающие описательно биологические уникальные характеристики Беловежской пуцы; 2) эмоционально-психологические ценности, описывающие эмоциональное отношение к Беловежской пуце; 3) статусно-ролевые ценности, включающие статусное положение Беловежской пуцы в региональной экономике и культуре.

4. Характерной особенностью неязыковой объективации элементов интерпретационного поля является наличие иконических знаков, знаков символов при обширной представленности концепта другими знаками (вербальными).

5. Концепт «Беловежская пуца», представленный в разных лингвокультурах, как общая когнитивная схема языковой интерпретации способствуют формированию индивидуальных концептуальных систем, их структуры и содержания, передавая индивидуальный социальный опыт взаимодействия человека с окружающей средой.

3.2. Концептосфера «1000-летие Бреста»

С момент своего рождения человек познает окружающий мир, учится распознавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учиться обрабатывать и запоминать большое количество информации, выражать результаты своей деятельности с помощью языка. В результате у человека образуются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире, образуя его собственную концептуальную систему. Построение такой системы, по словам Р.И. Павилениса, изначально происходит на невербальном уровне, другими словами на языке мозга («*lingua mentalis*») (Павиленис, 1983). В процессе осмысления многочисленных явлений окружающего мира, «совокупности квантов переживаемого знания, как полагает В.И. Карасик, выступают в качестве точек пересечения между миром индивидуума и миром культуры» (Карасик, 2013, с.172).

Переживаемое знание включает как собственное знание, то, о чем человек может рассказать, так и огромный презуппозиционный фон установок, мнений и поведенческих стереотипов. Многомерность концептуальных образований, согласно В.А. Масловой, позволяет выделить в нем «как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как индивидуальное, так этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное» (Маслова, 2011, с. 48).

Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке. По своему содержанию и структуре типы концептов весьма разнообразны. Содержательная сторона концептов, по мнению В.И.Карасика, может быть построена на различных основаниях, одним из которых является *новизна* того или иного фрагмента переживаемого опыта (Карасик, 2013).

Разделяя данное мнение, мы полагаем, что, во-первых, с течением времени, на смену уходящим концептам, ценностная значимость которых затухает в коллективном и индивидуальном сознании приходят нарождающиеся концепты, определяющей характеристикой которых является *новый ценностный ориентир*, меняющий систему предпочтений и поступков.

Во-вторых, зарождение новых концептов может происходить и не на «пустом месте», а на базе уже существующих квантов знания, иными словами новизна концептов может трактоваться как своего рода трансформация предыдущих. В этой связи вспоминаются слова В.А. Масловой, которая пишет, что концепт «представляет живое знание, т.е. динамическое функциональное образование, является продуктом переработки вербального и невербального опыта – изменчивым, текучим, подчас неуловимым, как всякое знание» (Маслова, 2011, с.76).

Содержание концепта включает сведения об объектах и свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира. Человек всегда мыслит концептами и формирует значение языковых единиц, а не получает их в готовом виде. Анализируя, сравнивая и соединяя существующие концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. Мы полагаем, что одним из таких новых нарождающихся концептов является ментальное образование «1000-летие Бреста» в региональной коммуникативной практике, точнее говоря специфические смыслы, которые получают развитие на основе данного концепта. Зарождение концепта «1000-летие Бреста» в сознании жителей региона – своего рода отклик на языковой опыт региона в целом.

Наши наблюдения (2009-2020 гг.) показывают, что отправной точкой зарождения концепта можно считать 2009 год, когда на пересечении ул. Гоголя и ул. Советской в старой части города был возведён *Памятник Тысячелетия Бреста*. Памятник был задуман как своего рода культурный артефакт, представляющий модель города, выраженную в исторических образах (*князь Владимир Василькович, великий князь Литовский Витовт, а также Николай Радзивилл Чёрный*) и в обобщенных образах жителей города (*летописец, солдат, мать*). На круговом горельефе нашли отражение 6 исторических сюжетов: *легенда об основании города, строительство города, участие берестейцев в Грюнвальдской битве, издание Берестейской библии, оборона Брестской крепости 1941 года, освоение космоса*.

Венцом мемориала является фигура ангела, являющегося покровителем Берестья (стародавнее название города) и нынешнего Бреста.

Перечисленные исторические образы и сюжеты выступают в роли невербальных прецедентных феноменов, последующая апелляция к которым находит свое отражение на страницах региональной прессы.

С этого, пожалуй, момента практически в каждой региональной газете и чуть ли не в каждом выпуске новостей местных телестудий, на городских форумах стало звучать словосочетание «подготовка к 1000-летию города». Выдвигая подготовку к предстоящему знаковому событию для Брестского региона в фокус внимания, авторами медиатекстов широко используется доминантная лексика: 1) *Объявлен кастинг ведущих для торжеств в год 1000-летия Бреста* («Вечерний Брест», ноябрь, 2018); 2) *К 1000-летию Бреста Vegas подарил городу аллею из шаровидных кленов* («Вечерний Брест», март, 2019); 3) *К 1000-летию города на набережной Мухавца появятся новые кафе и рестораны* («Вечерний Брест», май, 2019); 4) *2 миллиона цветов – к 1000-летию Бреста* («Вечерний Брест», апрель, 2019); 5) *Новый микрорайон появится в Бресте к 1000-летию* («Вечерний Брест», март, 2019).

Анализ заголовочных комплексов медиатекстов также указал, что в большинстве случаев доминантная лексика выдвигается в позицию подлежащего: 1) *Парк тысячелетия пополнят 250 саженцев* («Вечерний Брест», октябрь, 2018); 2) *Шоу «Миллениум» - отсчет новому 1000-летию Бреста* («Вечерний Брест», октябрь, 2018); 3) *Карнавал тысячелетия растянулся на пол-Бреста* («Вечерний Брест», сентябрь, 2019). При такой когнитивной мотивации синтаксического выбора именно сознание контролирует использование языка, фокусируя внимание адресата на наиболее важном фрагменте мира. За счет используемых в заголовочном комплексе парцелированных конструкций текущий фокус сознания отражается в каждой предикации, т.е. интонационной единице характеристике относительно предстоящего события: 1) *Прелюдия к Миллениуму. Александр Рогачук о планах и задачах Бреста в новом году* («Вечерний Брест», январь, 2019); 2) *1000 лет на всех. Наталья АРЦИМЕНЯ, директор Брестской областной дирекции ОАО «Белгазпромбанк»* («Вечерний Брест», январь 2019); 3) *До и После Миллениума. Самая свежая книга о Бресте второго тысячелетия истории города - уже в продаже!* («Вечерний Брест», октябрь, 2019).

В ходе подготовки к празднованию 1000-летия бреста в региональном массмедиальном пространстве были освещены основные цели и задачи: 1) продвижение в общественном сознании белорусского народа и зарубежных партнеров образа Бреста как современного города, крупного регионального культурного, финансово-экономического, туристического центра, города с богатой историей; 2) возрождение уникальности и самобытности города Бреста с акцентом на развитии национально-культурных ценностей и исторических символов; 3) реализация мероприятий, направленных на реконструкцию и сохранение историко-культурного наследия города, проектирование и строительство объектов социального и культурно-просветительского назначения; 4) повышение комфортности проживания; 5) повышение инвестиционной и туристической привлекательности города Бреста.

К празднованию 1000-летия Бреста по решению Брестского городского исполнительного комитета был специально разработан *символ тысячелетия*. В дальнейшем логотип должен стать новым символом Бреста, узнаваемым за рубежом, важным элементом, формирующим целостную городскую идентичность. В региональных СМИ указывалось, что «...за **основу логотипа** взят существующий **герб Бреста**, который использовался на городских печатях ещё с середины 16 века. Он лучшим образом отражает дух сильного города, стража границы, свидетельствует о храбрости и мужестве защитников родного города. Выбор лука с поднятой вверх стрелой - это дань уважения нашей истории и предков, создание новых эмоциональных образов на основе устоявшихся...».

Вместе с логотипом были разработаны и представлены 6 вариантов инфографической эмблемы, затрагивающей разные сферы городской жизни, среди которых – *спорт, культура, патриотическая составляющая* и другие. К изданию подготовлены научно-популярные, художественные книги и фотоальбомы о Бресте, созданы пять художественных роликов о тысячелетии города Бреста «*Брест. Здесь начинается Родина*».

Новый символ Бреста и варианты инфографических эмблем в полных и отдельных вариантах широко представлены в наружной тематической рекламе в городском семиотическом ландшафте. Данный

факт можно рассматривать как активную роль жителей Брестчины – носителей региональной когниции – в формировании определенных значений языковых единиц в ракурсе предстоящего грандиозного события.

В результате изучения коммуникативного пространства Брестчины нами был получен материал, анализ которого позволил заключить, что концептуализации данного ментального образования сопутствовало и осмысление поступающей в СМИ информации, мысленное конструирование предстоящих событий и явлений, постепенно приводящее к образованию определенных представлений о мире в виде отдельных составляющих концепта, т.е. фиксированных в сознании человека единиц знания. Динамика смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта проявлялась за период 2009-2019гг. как эволюция концепта, т.е. как смысловое расширение.

Развитие региона за указанный период привело к тому, что концепт получил уточнение и в современном региональном сознании, на наш взгляд, дифференцируется как **векторная концептосфера**. Мы полагаем, что описываемый нами концепт представляет целую концептуальную структуру, обладающую неким набором потенциально возможных «векторов» - **мини концепто-схем** (*Брест - город победы, Брест-город спорта, Брест - город фонарей, Брест – город праздника, Брест - город встреч, Брест – город эмоций*) и задающую определенные ступени абстракции. Составляющие мини концепто-схемы, как мозаичные кусочки, сводят воедино знаковые для региона исторические отрезки, культурные артефакты, спортивные и производственные достижения. В целях иллюстративной наглядности представим векторную концептосферу в виде диаграммы 1.

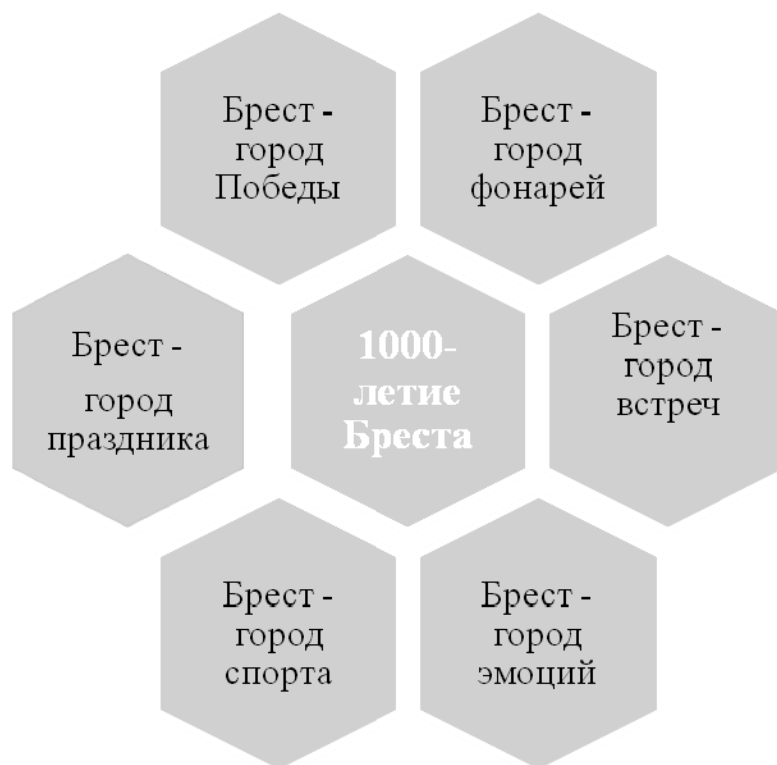

Диаграмма 1. Векторная концептосфера «1000-летие Бреста»

Собственные наблюдения и специальные исследования в этом плане показали, что невербальная репрезентация концептуальной структуры «1000-летие Бреста» схематически охватывает все доминантные характеристики нарождающегося концепта и упаковывает их в единый целостный образ. Наше восприятие мира и окружающих предметов происходит в виде целостных образов. Соответственно многие концепты первоначально возникают на образно-предметной, чувственной основе – как эмпирический образ предмета или явления. Они кодируют концепты в сознании человека и обеспечивают наиболее легкий доступ к их содержанию, составляя наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть концепта. Таким образом, первый эмпирический образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования, зна-

ком все более усложняющегося по мере по мере его осмысления, многомерного концепта.

Именно такой алгоритм развития наблюдается в описываемой нами концептосфере. Подтверждение сказанному мы находим на страницах региональных газет, которые после инфографического представления концепта словесно направляют внимание адресата на восприятие нового целостного концептуального образа «1000-летие Бреста»: **Город Победы** *Что сегодня напоминает о ней в Бресте? Какие объекты и имена собственные?* **Город фонарей** *Это не только фонаричик и Гоголевская аллея, но и другие места, где теперь светло и эстетично.* **Город встреч** *Встречи подразумевают любовь, обмен впечатлениями и... чашечку кофе.* **Город эмоций** *Больше всего эмоций дарит горожанам обновлённый фонтан на Советской. Но не только...* **Город праздника** *А вот праздниками нас чаще всего «угощают» именитые брестские предприятия - «Гефест», «Савушкин продукт», мясокомбинат, торговый центр «Экватор».* **Город спорта** *Пловчиха Настя Шкурдай, футболист Роман Василюк и Марадона с его мотоциклом - герои этого номера «Вечернего Бреста» («Вечерний Брест», 06.09.19).*

Эти образы и впоследствии (после того, как первоначальное содержание концепта, усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности, т.е. обростаёт мыслительным содержанием, логическими признаками) сохраняют за собой функцию наиболее наглядного представителя данного концепта в сознании человека.

Рассматривая способы вербализации концепта «1000-летие Бреста», мы установили, анализируемый нами концепт получает особенное осмысление и преломление в коммуникативном пространстве региональных газет, являющимся своего рода «дискурсивным флагманом». Данный факт обуславливается тем, что, во-первых, современные СМИ являются неотъемлемым компонентом бытия человека, основным способом приобщения его к событиям окружающего мира. Человек живет в мире событий, участвует в них. Знание и понимание сущностных свойств событий даёт человеку опыт и способность ориентироваться в мире.

Во-вторых, современные мультимодусные медиа способны создавать в своих текстах принципиально уникальный облик того или иного процесса или объекта, что, в свою очередь, формирует новые черты данного процесса или объекта в сознании потребителя информации.

В-третьих, немаловажным аспектом функционирования концепта в его медиа преломлении является степень его привязанности к ментальности населения, обусловленная этническими, культурными, социальными и историческими предпосылками. Иными словами, насколько ярко черты медиаконцепта выражены в сознании носителя языка.

Изучение концептосферы посредством медиатекстов позволяет говорить о концептосфере «1000-летие Бреста» как о медиаконцептосфере. Собственно ход работы над изучением многослойной структуры данного ментефакта Брестчины диктует потребность в обращении к невербальным способам репрезентации регионального медиаконцепта, поскольку использование невербальных графических знаков для репрезентации ядра, коннотативных, оценочных, ассоциативных характеристик, а также синтез естественного языка с другими семиотическими системами знаменуют качественно новый этап в описании концептосферы региона. Мы полагаем, что статус региональной медиаконцептосферы «1000-летие Бреста» как гомогенного образования, меняется до синкретического, паралингвистически активного, в котором каждый слой является результатом жизни и деятельности людей.

Прежде чем рассматривать непосредственно векторную концептосферу как таковую, остановимся на возможных способах репрезентации концепта, которые являются принципиально важными для излагаемой нами концепции. Термины *невербальные способы выражения* и стоящие за ними понятия достаточно много и подробно анализировались в литературе (Е.Е.Анисимова, Л.С.Большаянова, М.Б.Ворошилова, Т.Г.Добросклонская, Е.В.Медведева, М.М.Пчелинцева, Ю.С.Чаплыгина) отмечают, что роль паралингвистических средств в типобразовании медиа-текстов не является однозначной. Вкратце остановимся только на тех точках зрения, которые окажутся наиболее актуальными для дальнейших рассуждений.

Основой невербального компонента в медиатексте, как указывает В.И. Чепурных, может быть как языковая, так и неязыковая природа. В качестве примера автор приводит стилистическое употребление прописной буквы, знаков препинания, функционирующих на языковой основе, и на неязыковой – размещение текста на плоскости, использование цвета, символов и шрифтов. Невербальные графические средства, по мнению В.И. Чепурных, используются в качестве вспомогательных по отношению к вербальным средствам и вносят дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в вербальное содержание (Чепурных, 1986, с. 124).

В работах зарубежных исследователей (Т.Олтсти, Д.Гроу, Т.ван Лувена, Д.Уильямсон, Р.Уолера) большое внимание уделяется шрифтовому варьированию, которое способно выполнять следующие функции маркирования разных планов повествования: маркирование повышенной эмоциональности, маркирование элементов под логическим ударением, маркирование интертекстуальных включений (Лувен, 2006).

Невербальные графические средства неязыковой природы (в терминологии И.Э.Клюканова – *параграфемные элементы*) раскрывают содержание языковых знаков по иконическому или символическому признаку, однако специфика языковых знаков при этом сохраняется (Клюканов, 1983).

Немаловажную роль в репрезентации медиаконцептосферы играют единицы изображения. Для выявления единиц изображения, на наш взгляд, целесообразно воспользоваться таксономиями, представляющими собой совокупность принципов и правил классификации объектов. За принцип классификации визуальных объектов в медиатексте мы принимаем классификацию Ю.С.Степанова, выделяющего таксономические классы: «вещи», «растения», «животные» и «люди» [Степанов, 2004, с. 51].

Отдельные образы таксономического класса «вещи» носят, на наш взгляд, как денотативный, так и коннотативный (символический) характер. Использование таксономического класса «люди» в медиатексте позволяет создать нужные образы: *солдат победы, лица победы, брестский фонаричок, флагман спорта, молочный город* и т.д. Для каждого образа существует набор вербальных и невербальных харак-

теристик, по наличию которых в сознании адресата формируется целостное восприятие. Таксономический класс «растения» могут носить символический характер и способствовать кристаллизации опорной идеи медиасообщения.

Таким образом, определение содержания концептосферы посредством изучения их разномодальной репрезентации позволяет выработать алгоритм определения и структуры концептов, переводя при этом ракурс исследования на междисциплинарный уровень. Статичные визуальные средства (цветовое решение, визуальные таксономические классы, параграфемные средства), имеющие отличную от языковой природу могут использоваться для исследования концептов с целью повышения объективности изучения действительности.

Необходимо также указать на то, что медиаконцептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты-схемы, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами.

Каждая из перечисленных концепто-схем проявляется в валентностях, которые предопределяют вербальные и невербальные блоки свободных ассоциаций. Ядро медиаконцепта «1000-летие Бреста» и шести концепто-схем наполняют коннотативные сегменты.

Как любой концепт медиаконцептосфера «1000-летие Бреста», на наш взгляд, имеет сложную структуру, поскольку с одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); история, сжатая до основных признаков содержания; современные ассоциации; оценки, коннотации.

Преломляя общую трактовку концепта В.В. Красных о сущности национального концепта можно предположить что медиаконцептосфера «1000-летие Бреста» может быть определена следующим образом: *региональная концептосфера - общая, максимально абстрагированная, но конкретно вербально и невербально репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.*

Описывая медиаконцептосферу «1000-летие Бреста» и шесть векторных концепто-схем, мы, вслед за многими учеными, различаем яд-

ро и периферию медиаконцепта. Вспомним, что ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации.

Е.С.Кубрякова, а вслед за ней и многие другие ученые доказали, что концепт репрезентируется в языке: готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексикофразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые), свободными словосочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты), текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) (Кубрякова, 2012). Таким образом, выделение дифференциальных сем на ближней периферии, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Для нас важно и ассоциативное поле концепта, как ядро связано с ним и какие ассоциативные комплексы доминируют.

В ходе проведенного анализа установлено, что часть концептосферы за данный период получила значительную языковую объективацию. Прежде чем перейти к подробному описанию каждой из выделенных концепто-схем, обратим внимание на то, что мини концепто-схемы неоднородны: есть доминантные («Брест – город Победы», «Брест – город фонарей», «Брест – город спорта») и сопутствующие («Брест – город праздника», «Брест – город встреч», «Брест – город эмоций»). Они, на наш взгляд, отличаются мерой социальной значимости и важности в региональной культуре. Примечательно и то, что первые три концепто-схемы тесно связаны с артефактами Брестчины, а остальные три имеют ярко выраженную эмоциональную составляющую.

Концепто-схема **«Брест – город Победы»** – самая сложная и важная, ибо именно она представляет собой глобальную единицу мысли-

тельной деятельности, квант структурированного знания, «доминантно» важную для регионального сознания. Данная концепто-схема интерпретируется не только в СМИ, но и в различных видах искусства (живописи, литературе, музыке, кино). События войны уже на протяжении длительного периода находят отражение и в творчестве скульпторов. После присвоения в мае 1965 года Брестской крепости звания крепость-герой, в 1971 года по проектам скульптора А.П. Кибальникова создается мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Мы полагаем, что концепто-схема «Брест – город Победы» возникла на базе существующих ментефактов и в настоящее время представляет конструкт с объемной и развитой структурой, имеющий ярко выраженные центр и периферию.

Для выяснения основного значения концепто-схемы «Брест – город Победы» обратимся к «Словарю русского языка» под редакцией С.И. Ожегова. Лексическое значение ядерной единицы таково:

ГОРОД... 1. Крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. 2. Центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов (разг.). 3. Городская местность в отличие от сельской, деревенской.

В толковом словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой (2001) находим следующую дефиницию: *ПОБЕДА, ж.* 1. Успех в бою, в битве, закончившийся полным поражением противника. 2. Успех в спортивном состязании, соревновании, закончившийся поражением соперника. 3. перен. Успех в борьбе за что-л. Какое-л. достижение в результате борьбы, преодоления чего-л. *ПОБЕДА, -ы, ж.* Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова дает следующую трактовку: *ПОБЕДА. 1. Успех в битве, войне при полном поражении противника. Одержать победу. Вернуться с победой. День Победы (9 мая праздник победы в Великой Отечественной войне). 2. Успех в борьбе за что-н., осуществление, достижение чего-н. в результате преодоления чего-н. | прил. победный, -ая, -ое (к 1 знач.). II. мари.*

Значение слова победа толкуется в «Большом толковом словаре русского языка» (ред. С.А. Кузнецова) как «1. успех в бою, в войне, полное поражение войск противника. II. Советского Союза в Великой

Отечественной войне. Одержатъ победу над врагом. Молниеносная, трудная п. Вернуться с победой. Коватъ победу в тылу).

Следующим этапом нашего исследования является обращение к данным словарей синонимов. «Словарь синонимов русского языка» В.Н.Тришина (2011) выделяет такие синонимы лексемы *Победа*, как триумф, торжество, свершение, лавр, успех, удача, сражение, завоевание, покорение, взятие, предводительство.

Анализ материала показывает, что ядерная лексема *победа*, широко представленная в медиатекстах, входит в различные сочетания (атрибутивные, генитивные), расширяющие объем значений словесного знака «победа» от **общего (номинативного) значения слова**: 1) *рядовые войны, солдаты Победы*; 2) *75-летие Победы в Великой Отечественной войне*; и до **экспрессивно-окрашенного (символического) значения**: 1) *Брестская крепость-герой стала первым участником проекта "Сирень Победы" в Беларуси, горожане высадили более 100 саженцев. Финальным аккордом акции, прошедшей у стен Брестской крепости, стало возложение цветов к вечному огню мемориального комплекса и запуск праздничных сиреневых шаров у главного символа города - Звезды Брестской крепости*; 2) *Сегодня мы открываем рубрику «Лица Победы», и в каждом из последующих номеров «Вечернего Бреста» вплоть до 9 мая мы будем знакомить вас, уважаемые читатели, с настоящими героями, которым уже всем за 90 и которым посчастливилось дожить до столь знаменательной даты, как 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.*

В региональном медиа пространстве слово **победа** связано со значениями слов *побеждать, одолевать, превозмогать, превосходить, сломить, разбить (наголову), разить (поразить, сразить), одержать победу над кем, одержать*.

Анализ контекстов дает возможность дополнить выделенные на основе словарей характеристики победы. Наиболее частотными в региональном медиа пространстве являются определения-эпитеты слова *победа*. *Победа - большая, быстрая, важная, великая, весомая, всенародная, выдающаяся, грандиозная, долгожданная, значительная, историческая, крупная, легкая, молниеносная, неизбежная, окончательная, полная, принципиальная, радостная, решающая, решительная, трудная, убедительная.*

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц. Очевидно, что к дифференциальным семам на ближней периферии относятся, прежде всего, семы с отрицательной коннотацией - «**война**», «**крепость**», «**враг**». Примечательно, что данные семы могут выступать в каноническом виде или в виде слов, замещающих их по значению.

Война в сознании белорусского человека связана с целой гаммой разнообразных чувств и эмоций, начиная от таких как страх: *о войне узнали из репродуктора. Конечно, **остолбенели**, хоть и раньше догадывались, что война будет; ужас*: *сегодня о войне **вспоминать тягжело**. Ранения, **жуткие морозы** под Сталинградом, гибель одного из понтонов в Берлине при форсировании Шпрее - погубило не мое подразделение, но одно из наших. Не знаю, честно, как мы выстояли и победили. Наверное, благодаря тому, что мы верили в свою Победу!; подавленность: ***Работа на износ** - во имя победы на фронте. Даже не помню, какой был график. От темна и до темна, часов 14-16 получалось, а иногда и больше; заканчивая таким, как **ненависть**: есть приказ, и ты идешь в бой, а там ты хоть атеист, хоть верующий. **Врага надо бить!****

Нами отмечается, что специфику поля «война» определяет большая группа прилагательных. В региональной картине мира используется словосочетание «священная война», которое отражает национально-специфическое отношение белорусского народа к Великой Отечественной войне. В качестве иллюстративной наглядности приведем фрагменты медиатекстов: 1) *Снимок вобрал всю скорбь **ушедшей войны**. **Война** застала их в разных местах. Во время обороны стихийно складывались новые подразделения: где оказался, на том участке и вливался, там и были свои; 2) *В последний вечер, 27 июля 1944-го, **оккупанты** огрызались из всех орудий. А где-то в полтретьего ночи все затихло. Только машины гудели: **немец** уходил; 3) *А время шло, ситуация на фронте поменялась, и **немцы** - «**синяя чума**», как их называла мать, - стали готовиться к обороне. Дифференциальные семы из ближней периферии находят свое невербальное воплощение, повторяя смысл вербальной части медиатекста. Параллелизм***

двух информационных единств в данном случае акцентирует внимание адресата на наиболее важных в смысловом отношении моментах.

Учитывая бинарность, как свойство человеческого мышления, следует отметить, что дифференциальным семам свойственна и положительная коннотация - «май», «салют», «солдат»: 1) *Наверное, только с годами мы понимаем, что они сделали для нас – солдаты Победы;* 2) *Победный салют раскрасит ночное майское небо.*

Для людей, проживающих в Брестском регионе, Брестская крепость – не просто мемориальный комплекс, это особое место, отношение к которому на протяжении многих лет остается уважительным и ценностным. Трепетное отношение к Брестской крепости, войне и победе тесным образом переплетаются со следующим слоем концепта – *ценностной составляющей.*

Семы «ветеран», «цветы победы», «вечный огонь» наглядно демонстрируют лексические единицы, представляющие более мелкие единицы смысла, иллюстрирующие стилистическую и экспрессивную окрашенность: 1) *В 11 часов в Брестской крепости началось возложение цветов к Вечному огню и митинг;* 2) *«Спасибо деду за Победу»;* 3) *«Бессмертный полк»;* 4) *акция «Беларусь помнит»;* 5) *ратный подвиг отцов, дедов и прадедов дал возможность дышать свободой и растить детей.*

Образ победы, возникающий в сознании белорусских людей, наполнен различными цветами и красками. Среди этих цветов особое место занимает сирень: *«Для нас победа в Великой Отечественной войне - самая значимая дата XX века. От имени ученых Беларуси и России мы создали проект «Сирень Победы», плод совместных усилий двух стран. Мы хотим позиционировать сирень. Это удивительные сорта, которые были созданы в послевоенное время плеядой знаменитых селекционеров. Именно цветами сирени каждый год мы будем салютовать Победу!».*

Пранализированный материал позволяет выделить особые нестандартные номинативные единицы, раскрывающие словосочетание «сирень Победы»: *Аллеи «Сирени Победы» из уникальных военных сортов появятся в Бресте. По словам организаторов, многие из этих сортов признаны национальным достоянием и высоко ценятся селекционерами всего мира. Это такие сорта, как «Великая Победа»,*

«Валентина Гризодубова», «Капитан Гастелло», «Маршал Жуков», «Маршал Василевский», «Защитникам Бреста», «Партизанка», «Алексей Маресьев», «Капитан Гастелло», «Константин Заслонов», «Вера Хоружая», «Защитникам Бреста», «Партизанка» и многие другие. Как видно из примеров, в качестве номинативных единиц выступают прецедентные имена – простые знаки, квалифицирующиеся как «символические» репрезентации. Использование в медиатексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в исторический контекст. Обилие различных определений и эпитетов говорит о том, что образная и оценочная составляющие концепто-схемы «Брест – город Победы» занимает важное место в сознании человека, находит личностную оценку.

Понятия мужества и воинства связаны и с православными храмами, чьи молитвы и иконы не раз помогали в освободительных сражениях отечественных войн. По этой цепочке один из брестских храмов посвящен 50-летию Великой Победы и в просторечье называется храмом-памятником. В региональной прессе указывалось что *«духовная и смысловая связь с Победой родилась в 1995 году, когда нижний церковный ярус был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери. Эта икона прославилась многими чудесами, одно из которых произошло в годы Великой Отечественной войны под Ленинградом»* («Вечерний Брест, сентябрь, 2019).

Обращаясь к материалу нашего исследования – региональному медиaprостранству, отметим, что концепто-схема «Брест - город Победы» репрезентируется и в знаках других семиотических систем: *цветосемантике, параграфемике, синграфемике, знаках-символах, знаках-копиях.*

Языковые средства репрезентации концепто-схемы вступают в целые визуально-вербальные конструкции, с помощью которых достигаются эксплицитные образно-ассоциативные связи. Наглядным подтверждением сказанному служит проект *Лица Победы: С каждым днем их становится все меньше - рядовых войны, солдат Победы. И тем значимее для нас успеть, не опоздать поговорить с живыми свидетелями и участниками Великой Отечественной, прикоснуться к суровой правде, выслушать их и узнать все, как было на*

самом деле. *Чтобы потом рассказать тысячам читателей. Сегодня мы продолжаем рубрику «Лица Победы», и в каждом из последующих номеров «Вечернего Бреста» вплоть до 9 мая мы будем знакомить вас, уважаемые читатели, с настоящими героями, которым уже всем за 90 и которым посчастливилось дожить до столь знаменательной даты, как 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.* Представленная в медиатекстах невербальная составляющая случаев служит не только визуальным ориентиром и связующим звеном в репрезентации различных слоев вербальной составляющей концепта, но и случаем поликонцептуальности, раскрывающим эксплицитную и имплицитную информацию.

Таким образом, можно утверждать, что концепто-схема «Брест – город Победы» является актуальным ментефактом региональной лингвокультуры, так как его актуализация осуществляется посредством широкого ряда лексем и визуальных образов, то есть носители языка стремятся наделить концепто-схему разнообразными и многочисленными единицами вербальной и невербальной номинации.

Следующей составляющей концептосферы является концепто-схема «**Брест - город фонарей**», которая, на наш взгляд, имеет специфическую знаковую сущность. Безусловно, определение знаковой сущности концепта, по словам В.И. Карасика, зависит от узкого понимания знака, то есть по Ч. Пирсу и Ч. Моррису, либо по Ф. де Соссюру. В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру, каждый знак состоит из означающего (формы) и означаемого (понятия, которое он представляет). Язык рассматривается Ф. де Соссюром не как орудие объективации материального мира, а как социальная, всеобщая форма расчленения и разграничения «хаотичного по своей природе мышления» (Соссюр, 1977).

Представляя знак как результат семиозиса, происходящего в актах речи, Л. Ельмслев показывает, что «величина единиц манифестации не существенна для определения знака, иначе говоря, наряду со знаками минимальными, каковыми являются слова, можно говорить о знаках-высказываниях» (цит. по (Степанов, 1983, с. 494)).

Как мы уже упоминали ранее, семиотическое пространство массмедиального дискурса представляет собой совокупность знаков, направленных на обслуживание сферы медиа коммуникации. В семан-

тике этих знаков отражается реальность медиа мира, интерпретированная тем или иным лингвокультурным сообществом. В массмедиальном дискурсе все процессы, связанные с передачей, хранением и переработкой информации о том или ином фрагменте мира, протекают с использованием разных знаковых систем, то есть являются семиотическими (Кук, 1992). Одной из таких знаковых систем является естественный язык, выступающий по отношению к знакам других семиотических систем в качестве первичной знаковой системы.

Особенность данной концепто-схемы заключается в том, что первым ядерным компонентом концепто-схемы является конкретный предмет *фонарь*. В толковом словаре С.И. Ожегова лексема фонарь представлена следующим образом: ФОНАРЬ, -я, м, 1. Осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которой помещается источник света. *Зажечь ф. Уличные фонари. Проекционный ф.* 2. Стеклянный просвет на крыше, а также остекленный выступ в здании, в кабине.

Описывая ядерную часть концепто-схемы «Брест – город фонарей», мы сталкиваемся с коллективной мудростью народа, с его обычаями и традициями. Так, первые фонари на центральных улицах Брест-Литовска установили в 1851 году по приказу градоначальника. Тогда их было 69, к ним приставлены два фонарщика. С 2009 года на главной пешеходной улице Бреста ежедневно *«зажигает и гасит старинные фонари штатный фонарщик в форме петровских времен. Чтобы совершить свой ритуал, он поднимается по лестнице и вручную зажигает и гасит в каждом фонаре керосиновую лампу»*.

Известно, что мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода. Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания.

В медиатекстах брестский фонарщик описывается как *«старый фонарщик»*; *«наш загадочный фонарщик»*; *«знаменитый фонарщик»*; *«уличный фонарщик на улице Советской»*; *«настоящий фонарщик»*; *«легендарный фонарщик»*; *«единственный в городе фонарщик»*; *«штатный фонарщик в форме петровских времен»*;

«единственный в Беларуси настоящий фонарщик»; «фонарщик - специалист очень редкой профессии»; «волшебник: скромный, интеллигентный, немногословный, с искрящимися добром глазами»; «...облаченный в темно-синий мундир, к поясу которого прикреплены часы и огниво, он выглядит так, как будто сошел со страниц сказок Андерсена».

Визуальное изображение фонарщика и его атрибутов нашли отражение и в номинации региональных товарных знаков. Известно, что с фонарщиком связаны десятки легенд. Согласно одной из них, если подержаться за пуговицу фонарщика, заветное желание сбудется. Для оживления этой легенды был разработан оригинальный дизайн такой пуговицы, а одна из брестских шоколадных компаний начала изготовление сувенирного набора *«Пуговицы фонарщика»*.

Другой отличительной особенностью Бреста с 2003 года стала аллея *«литературных» фонарей*. Местом для размещения Аллеи кованых фонарей послужила улица Гоголя, находящаяся в центре города. Каждый фонарь на аллее – это отдельный *арт-объект* со своей идеей и задумкой, большинство из которых внешне отражают род деятельности предприятий, вложивших денежные средства на их изготовление. Здесь можно увидеть: отдельные скульптуры пожарника, торговца, кузнеца, чистильщика обуви, а также фонарь с глобусом, с натюрмортом и так далее.

Концепто-схема «Брест – город фонарей» имеет формирующийся или иными словами «зарождающийся» характер. На первый взгляд может возникнуть вопрос: действительно ли концепто-схема «Брест – город фонарей» вписывается в рамки концепта? Не всякое явление реальной действительности, как пишет Н.Д. Арутюнова, служит базой для создания концепта, но лишь то, которое становится предметом оценки. Момент «пропускания» через себя и оценивания является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры.

В подтверждении сказанному приведем следующий фрагмент медиатекста: *В городе над Бугом, который раньше назывался Брест-Литовском, фонари с горящими внутри свечами появились в XIX веке. Со временем их заменили на спиртовые, которые также зажигали и гасили вручную. В 2009 году в Бресте традицию возродили. Уже*

*шесть лет свет на улицы областного центра приносит Виктор Курдюк, ставший благодаря своей редкой профессии **талисманом города** с почти тысячелетней историей. Туристы и горожане называют его **добрым волшебником**: скромный, интеллигентный, немногословный, с **искрящимися добром глазами**. Применимость предикатов к объекту действительности, в данном случае фонарщику и аллее фонарей можно считать показателем существования в рамках данной культуры концепта, основанного на этом элементе действительности.*

*В ассоциативное поле, связанное с данной концепто-схемой, попадают названия литературных фонарей и фамилии авторов литературных произведений: У подножия кованых фигур расположены пятиконечные звезды, на которых выгравированы названия предприятий, вложивших денежные средства на изготовление фонарей и их установку. Так как Аллея расположена на улице Гоголя, есть здесь и «литературные» **фонари**, посвященные творчеству русского прозаика Николая Васильевича Гоголя: «Какой русский не любит быстрой езды», «Мертвые души. Том второй», «Нос», «Вечера на хуторе близ Диканьки». Именно по этой причине местные жители называют аллею «литературной»*

Вербальные околядерные семы имеют определенное значение, обладает смысловой самостоятельностью, но не могут быть полностью истолкованы вне соотнесения с невербальным компонентом. Изображение фонарей вносит дополнительные вербально невыраженные параметры. Взаимодействуя с вербальной частью медиатекста, невербальные знаки выступают в качестве активных эквивалентов смыслового пространства и участвуют в образовании одного структурного и смыслового целого.

Таким образом, можно полагать, что вербальное и визуальное представления концепто-схемы «Брест – город фонарей» системно соотносимы, что позволяет анализировать содержание каждого слоя концепто-схемы с использованием единых методов и критериев, и проводить сравнительный анализ разномодальных представлений концепта.

Концепто-схема «**Брест – город спорта**» также относится к ментальным явлениям, которые получили достаточную языковую и неязыковую репрезентацию в региональном массмедиаальном простран-

стве. Анализ концептов, как уже отмечалось ранее, тесно связан с разъяснением, каким оперативным единицам нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют. По этому поводу Е.С. Кубрякова пишет, что «ключ к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных – ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом» (Кубрякова, 2012, с. 84). Словарные дефиниции с достаточной степенью достоверности отражают языковую ментальность социума.

Отсюда распространенная сегодня практика обращения к словарным толкованиям лексических единиц для реконструкции концепта. Значение слова спорт толкуется в «Толковом словаре» под редакцией Т.Ф. Ефремовой как 1. составная часть физической культуры - комплексы физических упражнений для развития и укрепления организма, соревнования по таким упражнениям и комплексам, а также система организации и проведения этих соревнований.

В регионе хорошо развита спортивная инфраструктура: действуют центры олимпийского резерва: по игровым видам спорта (отделения гандбола, волейбола, баскетбола) по гребле, по конному спорту. Работает 20 спортивных школ, в том числе олимпийского резерва. В городе действуют лыжероллерная трасса, теннисные корты, 2 легкоатлетических манежа, 4 стадиона, 6 плавательных бассейнов, 155 спортивных залов, множество физкультурно-спортивных клубов и секций. Действуют крупные спортивные объекты международного класса: дворец водных видов спорта; дворец игровых видов спорта «Виктория»; легкоатлетический манеж; ледовый дворец; Брестский областной центр олимпийского резерва по гребле; стрелковый тир для международных соревнований; картинговый стадион ГФСК «Альянс».

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что ближняя периферия концепто-схемы «Брест – город спорта» представлена широким рядом лексем обозначающим различные виды спорта: *гребля, волейбол, плавание, гандбол, футбол, баскетбол*. В ассоциативное поле входят и фамилии чемпионов и призеров Олимпийских игр: Ю.В.Нестеренко (легкая атлетика), Н.В. Сазанович (легкая атлетика), Б.В. Исаченко (стрельба из лука), А.Е. Батюшко (тяжелая атлетика),

Ю.В. Бичик (гребля), Н.Н. Гелах (академическая гребля), Т.В. Самаховалова (академическая гребля), Н.Н. Остапчук (легкая атлетика).

Спорт как сфера социальной и культурной деятельности людей оказывается в отношениях взаимозависимости и взаимовлияния с такими важнейшими сферами человеческой жизнедеятельности, как политика, идеология, бизнес, искусство и пр. Спортивная информация, представленная в СМИ, как понятие соотносится с содержанием сообщений о явлениях, фактах и событиях, происходящих в спортивной сфере общества. Информация о спорте достаточно разнообразна и охватывает все стороны спортивной жизни, начиная от общих представлений о спорте как об основе образа жизни, как о зрелище, как о бизнес-индустрии и заканчивая характеристикой видов спорта, личности представителя спортивной сферы.

Являясь неотрывной частью региональной культуры, спорт несет в себе особые культурные коды, вырабатывает свою систему культурных символов и знаков, отражающих характер ценностных ориентаций. Е.С. Кубрякова считает, что любой концепт как «оперативная единица памяти» может быть представлен в языке и речи прецедентным феноменом, который является одним из конвенциональных способов объективации знаний (Кубрякова, 2002).

Подтверждение сказанному мы находим на страницах региональной прессы, посвященной спортивной деятельности. В проанализированных медиатекстах нами обнаружены как формы интертекстуальности, традиционно используемые в художественной литературе (прецедентные имена, аллюзии, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания), так и свойственные научным и официально-деловым текстам ссылки и сноски, точные цитаты.

Прецедентные тексты и высказывания – сложные знаки – относятся к типу иконических репрезентаций, так как существуют в виде «комплексного образа», «сложного представления» (Красных, 2004, с.121).

Анализ языкового материала показал, что способы включения прецедентного текста в газетный заголовок традиционны: 1) дословное воспроизведение, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии: «*We are the champions*», «*В бой идут одни старики*», «*Кто на новенького?*», «*Манна небесная*»,

«Кошки мышки», «Очи черные», «Ветер с моря дул!», «Черный бумер», «Цыганка надвое сказала...», «Когда в товарищах согласья нет», «Быть или не быть?», «Алло, мы ищем таланты»; «Он сказал: поехали»; «Ужин при свечах»; 2) трансформация формы устойчивого выражения или слова, что служит рождению новых смыслов: а) усеменение компонентов: «Аты-баты...». «..до весны», «Не сахарные..»; б) добавление компонентов: «Их не догонишь», «Первый круг отыграли», «Уроки от студентов», «Американские горки», «Чуден Днепр при тихой погоде». Включение в заголовок медиатекста прецедентных феноменов усиливает его функцию, поскольку прецедентная вставка привлекает внимание адресата и вызывает у него ассоциации с уже прочитанным, услышанным или увиденным. Процесс узнавания прецедентного текста в заглавии вызывает у целевой аудитории эмоциональный отклик и способствует активизации его интеллектуальной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная концепто-схема в региональной культуре сопряжена со значительным количеством культурно-значимых коннотаций. Концепто-схема, отражая региональное мировидение, маркирует региональную этническую картину мира.

Прежде чем перейти к дальнейшему описанию концепто-схем, заслуживает быть отмеченным факт, что концепто-схемы *«Брест – город праздника», «Брест- город встреч», «Брест – город эмоций»* отличаются от предыдущих концепто-схем по своему содержанию, поскольку косвенно указывает на определенные эмпирические объекты. Очевидно, многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе – как определенный эмпирический образ предмета или явления (образ дерева, дома, школы). Вспомним в этой связи слова Е.С. Кубряковой, которая указывает, что как базовая структурированная единица «концепт способен преломляться в человеческом сознании в связи с осмыслением различных событий и явлений действительности, с учетом индивидуального и общественного опыта, конкретной пространственно-временной, географической, исторической и культурной среды, а также в зависимости от преобладающего в каждой конкретной ситуации способа мышления (обыденного или научного)» (Кубрякова, 2012, с.74). Именно способность

преломляться в сознании жителей региона в связи со значимыми региональными событиями позволяет нам выделить их в отдельную группу концепто-схем, тесно переплетающуюся с доминантными.

Концепто-схема «Брест – **город праздника**» в общественном сознании современных брестчан играет важную роль. Разворачиваясь в пространстве и времени, праздник 1000-летие Бреста вбирает в себя национальный характер и нюансы окружающей природы, хранит многовековые традиции и воплощает модные тенденции, что делает его уникальным и притягательным событием.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова ПРАЗДНИК - 1. День торжества, установленный в честь или в памятького-че-го-н. 2. День или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого. 3. Выходной, нерабочий день. 4. День радости и торжества по поводу чего-н. 5. День игр, развлечений. В словаре Д.Н.Ушакова праздник - 1. В религиозном обиходе - день (или несколько дней дряд), посвященный памяти какого-н. религиозного (исторического или легендарного) события. 2. день торжества в память какого-н. выдающегося исторического, гражданского события, отмечаемый публичными собраниями, парадами, демонстрациями и т. п. 3. Официально установленный общий день отдыха. 4. Веселье, бал, устраиваемый кем-н. 5. Счастливый, радостный день, ознаменованный каким-н. важным, принятым событием, удачей и т. П.

Таким образом, основное значение концепто-схемы «Брест – город праздника», зафиксированное в словаре, - крупный населенный пункт, в котором проходят торжества. При употреблении его в разных дискурсивных практиках концепто-схема приобретает дополнительные семантические признаки. Прежде всего в коммуникативном пространстве Брестчины праздник ассоциируется с *1000-летием Бреста, днем Победы, региональными ежегодными фестивалями (Облака молока, Белая Вежа)*.

Анализ семиотически осложненных контекстов свидетельствует о наличии большого количества невербальных репрезентаций концепто-схемы. Различные фотоотчеты праздничных мероприятий, интерактивные карты праздника, симольные плакаты-схемы, праздничные маркеры событий – непременно невербальные атрибуты праздника.

Это значит, что в коллективном сознании концепто-схема «Брест – город праздника» не только мыслится, но и переживается.

Важно подчеркнуть, что эмоциональная сторона в данном случае особенно сильна. Суть праздника - изменение психологического состояния человека. Концепт «Брест - город праздника» характеризуется сильной эмоциональной составляющей, что и является одним из его основных онтологических свойств: 1) *Брест отмечает 1000-летие. 7 сентября, в городе произошло **очень яркое событие** – праздничный карнавал! Тысячи брестчан пожелали увидеть шествие, которое прошло по центральным улицам города;* 2) *<...> Затем состоится торжественно-праздничное представление, посвящённое началу мероприятий по празднованию 1000-летия Бреста, а после этого гостей ждёт **музыкальный проект «Город Света»** и **Международный Парад оркестров стран СНГ**;* 3) *завершится второй день празднования **музыкально-исторической композицией «Миллениум»** и **фейерверком**;* 4) *В воскресенье, 8 сентября Брест станет **«Фестивальным»**. За один день можно будет побывать на **фестивалях красок, дружбы, уличных театров и воздушных змеев.***

На формирование данной концепто-схемы «Брест – город праздника» большое влияние оказала идея сделать Брестский семейный молочный фестиваль «Облака молока» одной из «визитных карточек» страны, которые позволят ей выделиться в мировом масштабе. Выбор тематики фестиваля неслучаен: республика входит в число крупнейших мировых экспортеров «молочки».

Язык – не только орудие культуры, но и орудие эмоции (Маслова, 2011, с.255). В процессе коммуникативной деятельности мысли и эмоции сливаются воедино, причем эмоции могут даже превалировать. В медиатекстах происходит усиление эмоций, вызываемых как формой, так и содержанием праздничных мероприятий: *В Бресте 30 августа пройдет крупнейший в Европе **молочный фестиваль «Облака молока»**. <...> Парк Мира на один день **превратится в молочный город**. Большую его часть займут интерактивные площадки и инсталляции, а вокруг них разместятся два фудкорта. В зоне «Савушкин» **откроется молочный университет с роботами**. А при желании можно будет засучить рукава: подоить корову и выиграть упаковку молока. Зона «Брест-Литовск» вернет в Брест улочки 19-го ве-*

ка с аллеей мастеров, театром и ретро-рестораном. Каждый сможет примерить на себе **образ человека из «золотого века»**.

Не менее важным фестивальным событием международного масштаба является ежегодный театральный фестиваль «Белая Вежа». Фестиваль проводится с октября 1996 года. Назван в честь Белой Вежи в Каменце, где на протяжении первых лет существования проходило открытие фестиваля.

Наши наблюдения показывают, что среди невербальных средств репрезентации концепто-схемы особая роль отводится цветовой гамме, указывая на то, что при позиционировании концепта-схемы «Брест - город праздника» она не менее важна, чем вербальная часть медиатекста. Вербальная часть репрезентатов, сделанная на естественном языке, задает верный уровень восприятия визуальных знаков, останавливает многозначность.

При классификации языковых единиц, участвующих в репрезентации данной концепто-схемы, мы учли сенсорно-перцептивные процессы, происходящие в сознании жителей региона при обработке информации. Языковые единицы, обозначающие виды ощущений (слух, зрение, обоняние), распределили по группам: **звук:** <...> *вечером на сцене у памятника Тысячелетию начал свое **музыкальное шествие** Международный Парад оркестров стран СНГ «Марш 1000-летия». Открыл его блистательный военный оркестр штаба Северо-Западного ордена Красной Звезды округа войск национальной гвардии Российской Федерации;* <...> *в национальных костюмах начали выступление **звуками невиданных инструментов** - необычайно длинных труб, издающих **мелодичный призыв**. И полилась казахская музыка, традиционные народные и современные песни, которые собрали вокруг сотни слушателей.* <...> *песни **Победы** – уникальный исторический марафон, который продолжает объединять весь мир; театральный форум стал **заключительным аккордом** праздничных мероприятий: публика почти два часа **внимала** каждому его **слову, интонации**, и с пользой выдержала урок классики. **зрение:** помимо музыки зрители наслаждались **световым шоу**; посетить самый **яркий семейный фестиваль** «Облака молока»; Увлекательное путешествие в прошлое Брест-Литовска по старинными улочками, с ретро-автомобилями и дамами в пышных платьях; «красочный, продолжи-*

тельный, восхитительно-яркий фейерверк»; «красочное световое шоу»; «вот именно так, **при свече** – в скромном антураже – читал, играл «Пиковую даму» Евгений Князев»; **Тюльпановое дерево и французженка-лаванда**. Два этих новосёла Парка 1000-летия Бреста должны подчеркнуть, что наш город – южный, и его климатическая зона со временем стала близка к средиземноморской. Убедимся в этом, если увидим следующим летом **цветущий лавандовый луг**. Впрочем, **цветение, буйство красок и форм ландшафтные архитекторы** обещают в парке круглый год; **вкус**: вы сможете пообедать блинами или драниками со сметаной по старинным рецептам, **полакомиться молочными коктейлями** и мороженым, **отведать сладостей** и купить любимую молочную продукцию ОАО «Савушкин продукт» <...> военные парады, солдатская каша и «Вальс Победы»; «настоящий **молочный день**».

Таким образом, структура концепта-схемы «Брест – город праздника» представляет собой совокупность обще- и частнособытийных единиц, компонентов события и обобщенных признаков и свойств, необходимых и достаточных для идентификации явления как фрагмента картины мира.

Следующая концепто-схема «**Брест – город встреч**» становится понятной для коммуникантов только через репрезентацию отдельных слоев ранее описанных концепто-схем. Семантически размытая, однопольная концепто-схема «Брест – город встреч» вряд ли в обозримом будущем обрстет дополнительными значениями, поэтому для исследователей, она будет интересна скорее, как сопутствующая другим концепто-схемам, принадлежащим соответствующей концептосфере. В процессе жизнедеятельности жители региона будут накапливать определенную информацию об объектах, включенных в повседневную индивидуальную и межличностную практику, но этот процесс накопления и развития знаний оказывается возможным только при условии его периодического переосмысления, что и является углублением понимания мира и способом деятельности в нем. Поэтому развитие данной концепто-схемы связано со структурами знания и его переупорядочением наиболее эффективным образом.

Проанализировав примеры из газетных статей региональной прессы, мы можем сделать выводы о структуре концепта «Брест – го-

род встреч», выделив его ядро и периферию. Так, ядро изучаемого концепта составляют лексемы *город* и *встреча*. В Большом современном толковом словаре русского языка лексическое значение слова встреча описывается так: 1. встретить, -ся. 2. Собрание, устраиваемое с целью знакомства с кем-н., беседы. 3. Состязание, соревнование.

Значение слова встреча токуется в «Толковом словаре» под редакцией Т.Ф.Ефремовой как 1) а) Случайное или намеренное свидание. б) Совместное пребывание где-л. с какой-л. целью. 2) Подготовленный прием кого-л., торжество по поводу прибытия кого-л., чего-л. 3) а) Столкновение чего-л. с чем-л., движущимся навстречу. б) Спортивное состязание, соревнование, поединок, схватка.

В.И.Даль вывел значение встреча от глаголов встретить или встретить; находить кого или что по пути; встренуть кого, ниж. сходиться или съезжаться с кем в противоположном направлении.

Д.Н.Ушаков определяет *встречу* как «1. Схождение в одном пункте при движении с разных сторон. Неожиданная встреча. Поздороваться при встрече на улице. || Свидание. Радостная, мимолетная встреча. Она не ищет более встреч с ним. || Собрание. Устроить товарищескую встречу. 2. Состязание (спорт.). Встреча двух футбольных команд. 3. Прием кого-н. прибывающего. На вокзале собралось много народу для встречи делегатов. || Тот или иной характер этого приема, отношение к прибывшему, обнаруживаемое при таком приеме. Теплая встреча.

С.И. Ожегов считает, что встреча это «1. соревнование, поединок. 2. собрание, устраиваемое с целью знакомства с кем-нибудь, беседы (встречи ветеранов войны, встреча депутата с избирателями).

Проанализировав лексикографическое значение ядерного компонента *встреча*, мы приходим к выводу о том, что в периферийном статусе эта лексема может указывать и на встречи ветеранов и жителей региона на митингах, посвященных дню Победы, и на встречи на региональных фестивалях «Облака молока», «Белая Вежа», а также на встречи друзей и знакомых на улицах города, спортивные встречи спортсменов, встречи туристов и т.д. Таким образом, можно предположить, что данная концепто-схема направлена не на представления отдельно взятого фрагмента знаний, а на связь с остальными «мозаичными фрагментами» концептосферы «1000-летие Бреста».

Концепто-схема «Брест – город эмоций» относится к типу эмоциональных концептов, репрезентирующих специфическую форму человеческого отношения к миру. В сравнении с предыдущими концепто-схемами становится очевидным, что объект, стоящий за словом *эмоции*, не существует в эмпирическом плане как некая реальность. Мы полагаем, что данная концепто-схема по отдельным своим признакам также вступает в системные отношения сходства и иерархии с другими концепто-схемами.

В процессе познания окружающего мира человек испытывает различные эмоции, которые вытекают из общей и единой природы человека, его неконтролируемой психики. Во всех известных языковых системах имеются обозначения эмоций и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, ее месте в ряду других эмоций, о причинах, ее вызывающих, и т.д.

Вербализованная эмоция как знаковое образование существует, отражает в себе эмоциональный опыт того/иного индивида, в целом социума, вносит категорию оценки, концептуально отображает окружающий мир. Особая роль отводится при этом эмоционально-оценочной лексике, которая тесно связана с национальным сознанием, с разного рода национальными факторами, национальной культурой, традициями, обычаями и т.п. Язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта.

В Большом современном толковом словаре русского языка лексическое значение слова эмоции определяется следующим образом: 1. Реакции субъективного характера на воздействия внутренних и внешних раздражителей. 2. Душевные переживания; чувства. «Словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова дает следующую трактовку: ЭМОЦИЯ, -и, ж. Душевное переживание чувство. Положительные, отрицательные эмоции. Э. радости, прил. эмоциональный, -ая, Эмоциональное воздействие.

Лексемы, объективирующие концепто-схему «Брест – город эмоций», в совокупности образуют лексико-семантическое поле концепта. Наибольшая часть репрезентантов концепта входит в зоны ближней и дальней периферии. Контекстуальное окружение единиц ассоциативно-семантического поля концепто-схемы «Брест – город эмо-

ций» конкретизирует субъект (в данном случае адресат), объект действий, направленных на создание эмоциональной атмосферы: 1) как древний Берестье **стал ярким** и современным городом над Бугом **со своим характером и эмоциями**; 2) **эмоции**, которые **невозможно передать словами**, ежегодно переживают около 500 тысяч человек во время посещения мемориального комплекса «Брестская крепость»; 3) **Эмоции**, которые **невозможно передать словами**, ежегодно переживают около 500 тысяч человек во время посещения мемориального комплекса «Брестская крепость». Справа уже видна территория Польши, а впереди – пограничный остров. 22 июня этот маленький остров первым встретил захватчиков. Прочувствовать ужас войны – это не прочитать в учебнике...

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в медиатексте имена чувств метафоризируются: *Гринин – один из самых известных поваров Бреста, мастер молекулярной кухни. И создавать все самому – это его любимая работа. В Бресте до сих пор говорят, например, о его желе из борща. Какой город на вкус, лучшие шеф-повара не скажет никто; Каким сегодня будет настроение главной прогулочной улицы города, каждый день решают вместе с актерами. Галантный человек дождя, загадочный человек-фонарь, фантазирующий художник – такое знакомство равнодушных не оставит; Лучшие слов о городе скажут эмоции, полученные от его атмосферы, эстетики и вкуса. Здесь поют и танцуют фонтаны, оживают статуи....*

Проведенный анализ свидетельствует позволяет говорить о том, что эмоциональная концепто-схема «Брест – город эмоций», бесспорно, является важной составляющей общей концептосферы поскольку эмоционально-оценочная лексика тесно связана с национальным сознанием, с разного рода национальными факторами, национальной культурой, традициями, обычаями и т.п. Язык является средством накопления социального опыта, а эмоции представляют собой часть этого опыта.

Таким образом, описание сущностных характеристик мини-концепто-схем, образующих векторную концептосферу «1000-летие Бреста», позволяет сделать следующие выводы:

1. Конструируя окружающий мир в своем сознании, представители регионального социума интерпретируют как сам этот мир в его многообразии объектов, событий и их характеристик, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования они опираются на общие, коллективные, и частные, индивидуальные, когнитивные схемы языковой интерпретации в виде структуры концептуально-тематических областей, лексических, модусных концептов.

2. Описываемая региональная концептосфера представляет собой эмоционально и культурно отмеченный смысл, ментальную сущность, отвечающую за формирование, обработку, хранение и передачу знаний. Концептосфера четко структурирована, имеет слоистое строение различных типов и различной сложности. Отдельные мини-концепто-схемы подвижны и могут претерпевать со временем изменения в результате изменения региональной картины мира.

3. Как образ, но не как языковая структура концептосфера может быть равна субъективному восприятию действительности в определенный период времени, вместе с тем в ней имеется ядерная, основная и периферийная области. Ядерная часть, общая для носителей конкретного языка и культуры, обеспечивает процессы коммуникации.

4. Интерпретация знаний о мире является основной функцией модусных концептов в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: мультимодальность, эвиденциальность, экспрессивность, тональность, и др. Соответственно данные концепты представляют собой когнитивные схемы вторичной языковой интерпретации уже в силу самой их функциональной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова, Е.Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте : учеб. пособие по интерпретации текста / Е.Е. Анисимова. – Воронеж : ЦЧКИ, 1999. – 147 с.
2. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие /
3. Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
4. Анисимова, Е.Е. Паралингвистика и текст: к проблеме креолизованных и гибридных текстов / Е.Е. Анисимова // Вопр. языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.
5. Анисимова, Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74–83.
6. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Проблема числа / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2005. – С. 6–21.
9. Барт, Р. Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
11. Белецкая, А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ю. Белецкая. – Самара, 2002. – 200 л.
12. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н.

Болдырев. – изд. 4-е, переработанное и дополненное. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

13. Вежбицкая, А., Понимание культур через посредство ключевых слов, М.: Языки славянской культуры, 2001-288 с.

14. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание : учеб. пособие. / М. Н. Володина. – М. : Академический Проект ; Альма Матер, 2008. – 760 с.

15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

16. Гальперин, И.Р. Избранные труды / И.Р. Гальперин. – М.: Высш. шк., 2005. – 255 с.

17. Глушак, Т.С. Интертекстуальность прецедентных текстов / Т.С. Глушак // Вопросы германской филологии и методические инновации в обучении и воспитании : материалы X респ. науч. конф., Брест, 24 марта 2006 г. / Брест. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Гарбалев [и др.]. – Брест: Академия, 2006. – С. 3–6.

18. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.

19. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 4. – С. 106 – 118.

20. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М., 2008. – 264 с.

21. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.

22. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

23. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М., 1997. 206 с.

24. Маслова, В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки. – №6. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – С.3-8.
25. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. 208 с.
26. Маслова, В. А. Современные лингвистические направления : метод. рекомендации / В. А. Маслова. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2003. – 40 с.
27. Маслова В. А., Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 296 с.
28. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студентов. филол., лингв. и переводовед. фак.-тов вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
29. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик, – М.: Гнозис, Москва, 2013. – 320 с.
30. Карасик, В.И. . Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 331 с.
31. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. / В.И. Карасик, И.А. Стернин – Том 1 – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
32. В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. Иная ментальность: коллективная монография М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
33. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Современное состояние и основы проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы : материалы VI Междунар. конгр. МАПРЯЛ, Москва, 1982 / Моск. гос. ун-т. – М., 1982. – С. 105–125.
34. Клюканов, И.Э. Структура и функции параграфных элементов текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Э. Клюканов, Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1983. – 17 с.

35. Клюканов, И.Э. Графические междометия / И.Э. Клюканов // Текст и культура: общие и частные проблемы / Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1985. – С. 232–238.
36. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
37. Костомаров, В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Рус. язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 43–48.
38. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК, 2003. – 375 с.
39. Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно / В.В. Красных // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–71.
40. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. – М.: Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
41. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка : когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. . – 280 с. – (Разумное поведение и язык. Language and reasoning).
42. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И.Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. - 286 с.
43. Пименова, М.В. Концепты внутреннего мира: Русско-английские соответствия : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / М.В.Пименова. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 л.
44. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
45. Прохоров, Ю. Е. Дискуссионный монолог о диалоге культур / Ю.Е. Прохоров // Диалог культур. Культуры диалога : человек и новые социогуманитарные ценности. – М. : Форум : Неолит, 2017. 424 с.

46. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
47. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа́тэкст» / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.
48. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
49. Супрун, А.Е. Текстовые ремениценции как языковое явление (Вопросы языкознания. - М., 1995, № 6. - С. 17-29)
50. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов; под ред. Ю. Н. Караулова. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 360 с.
51. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.
52. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.
53. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация /
54. С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
55. Чернявская, В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 122–127.
56. Чепурных, В.И. Прагматические и стилистические функции графических средств в художественном тексте / В.И. Чепурных // Текст и его компоненты как объекты комплексного анализа. – Л., 1986. – 305 с.

57. Чичерина, Н. В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н. В. Чичерина. – М. : УРСС, 2008. – 232 с.
58. Chomsky, N. Language and the mind / N. Chomsky. – Cambridge University Press, 2006. – 190 p.
59. Cook G. The discourse of advertising / G. Cook. – London: Routledge, 1992. – 250 p.
60. Kress, G. Multimodal Discourse. The modes and media of contemporary communication / G. Kress, Th. van Leeuwen. – London, 2001. – 233 p.
61. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. van Leeuwen. – London: Routledge, 1996. – 291 p.
62. Leeuwen, T. van. Towards a semiotics of typography / T. van. Leeuwen // Information Design Journal. – Vol. 14 (2). – John Benjamins Publ. Company, 2006. – P. 139–155.

Научное издание